

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Хрестоматия

Рекомендовано Учебно-методическим объединением
по гуманитарному образованию в качестве пособия
для студентов учреждений высшего образования,
обучающихся по специальности 1-23 01 04 «Психология»

Минск
БГУ
2018

УДК 159.99 (075.8)

С о с т а в и т е л и :

И. А. Фурманов; И. Е. Метлицкий

Р е ц е н з е н т ы :

кафедра психологии и педагогики

Академии МВД Республики Беларусь (начальник кафедры
кандидат философских наук Ф. В. Пекарский);

доцент кафедры психологии управления
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
кандидат психологических наук, доцент *В. Н. Кивайко*

Криминальная психология. Хрестоматия [Электронный ресурс] : пособие / сост.: И. А. Фурманов, И. Е. Метлицкий. – Минск : БГУ, 2018.

ISBN 978-985-566-543-5.

Издание содержит первоисточники, раскрывающие сущность криминальной психологии как одного из основных разделов юридической психологии. Представлено проблемное поле криминальной психологии, психологические феномены, механизмы, закономерности и детерминанты преступного поведения, формирования и проявления криминогенных качеств личности, общности криминальной направленности.

Для студентов, обучающихся по специальности 1-23 01 04 «Психология».

УДК 159.99 (075.8)

ISBN 978-985-566-543-5

© БГУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

Раздел I

Методологические основы криминальной психологии

Введение в криминальную психологию (Познышев С. В.)	6
Предмет, задачи и методология криминальной психологии (Пастушеня А. Н.)	10
Методологические основы криминальной психологии (Ахвердова О. А., Волоскова Н. Н., Болотова О. В.)	15
Криминальная психология (Васильев В. Л.)	31
Криминальная психология: введение в методологию познания (Зелинский А. Ф.)	33
Криминальная психология как наука (Пирожков В. Ф.)	36

Раздел II

Механизм и генезис преступного поведения

Психологический механизм и генезис преступного поведения (Пастушеня А. Н.)	39
Объяснительные модели преступного поведения (Ахвердова О. А. и др.)	64
Механизм преступного поведения (Еникеев М. И.)	72
Криминальная мотивация и социальная перцепция в преступном поведении (Столярченко А. М.)	77

Раздел III

Типология личности преступника

Психологическая типология личности преступника (Пастушеня А. Н., Урбанович А. А.)	94
Типология личности преступника (Аминов И. И. и др.)	98
Классификация и типология преступников (Антонян Ю. М.)	101
Психология преступной личности (Ахвердова О. А. и др.)	109

Психология преступного поведения.	
Типология личности преступника (Бандурка А. М. и др.).....	118
Об экспериментальном психологическом исследовании преступников (Бехтерев В. М.)	121
Преступность и преступники (Дриль Д. А.)	124
Типология личности преступников (Еникеев М. И.).....	127
Криминологическая и психологическая классификация лиц, совершивших преступления (Зелинский А. Ф.).....	130
Общая характеристика основных преступных типов (Познышев С. В.)	137
Психология и типология личности преступника (Романов В. В.)	166

Раздел IV

Психология преступных групп и сообществ криминальной направленности

Виды и психологическая характеристика преступных групп.	
Психологическая характеристика криминальной субкультуры (Пастушеня А. Н.)	173
Виды и психологическая характеристика преступных формирований (Аминов И. И. и др.).....	191
Психология преступных групп (Бандурка А. М. и др.)	196
Психология организованной преступности (Васильев В. Л.)	208
Организованная преступность (Гуров А. И.)	211
Совершение преступлений в составе преступной группы (Еникеев М. И.)	218
Психология групповой преступности (Зелинский А. Ф.).....	222
Криминальные группы и криминальная субкультура (Романова Н. М.).....	227
Психология преступных групп (Столяренко А. М.)	232
Психология организованной преступности (Чуфаровский Ю. В.)	240
Психология криминальных групп (Шиханцов Г. Г.).....	244
Список литературы	268

ВВЕДЕНИЕ

Одна из комплексных проблем современной науки – проблема человека. Особое значение она приобретает в области правоведения, так как полное расследование, судебное разбирательство по уголовным и гражданским делам, направленные на установление объективной истины, обязательно включают в себя анализ психологических механизмов поведения людей. Однако сотрудники правоохранительных органов часто не способны в полной мере реализовать на практике свой потенциал в сфере защиты прав и законных интересов граждан. Сотрудничество опытных правоведов и юридических психологов при производстве предварительного расследования, судебного следствия и исполнения наказания способно оказать позитивное влияние на совершенствование теоретических и организационно-методических основ в сфере правоохранительной деятельности.

Криминальная психология – один из основных разделов юридической психологии, содержание которого составляют: раскрытие и расследование преступлений, исполнение наказаний, профилактика правонарушений, а также правовое воспитание. Целевая направленность – формирование знаний о психологических особенностях преступного поведения, личности преступника, преступных групп и сообществ криминальной направленности, о психологических факторах, которые необходимы для эффективной правоприменительной деятельности в сфере уголовной юстиции, предупреждения преступности. Система построения хрестоматии обеспечивает логическую связь между методологическими основами и прикладными аспектами психологического сопровождения профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов Республики Беларусь. Издание включает в себя разделы, посвященные основам методологии криминальной психологии, механизмам и закономерностям преступного поведения, типологии личности преступника, а также психологической характеристике преступных групп и сообществ криминальной направленности.

РАЗДЕЛ I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Введение в криминальную психологию

Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. – Л. : Наука, 1926. – С. 3–9.

Глубокое понимание преступления предполагает не только исследование его внешней стороны и установление вины преступника, но и выяснение того отношения, которое существует между виной, как отдельным настроением личности, и конституцией этой личности. Этим отношением и определяется, в каком смысле и в какой степени данный субъект опасен для правопорядка, как велика вероятность повторного преступления с его стороны.

Из сказанного ясно, что одного учения о разных формах вины и обстоятельствах недостаточно. Необходимо еще психологическое учение о преступной личности, которое раскрывало бы нам типичные складки, на почве которых проявляются оттенки умысла и неосторожности.

Судье или следователю важно знать о состоянии здоровья преступника, а также о характеристике его личности. Чаще всего преступники здоровы. Стоит изучать особенности их индивидов. Существует масса разнообразных типов, которые важно различать для профилактики и борьбы с преступностью.

Для принятия мер тому или иному преступнику (в целях удаления его с преступного пути) нужно, во-первых, знать, что именно в его личности послужило корнем его преступления и каким изменениям должны подвергнуться эти элементы его личности, а во-вторых, – какого рода психологическому воздействию должен он подвергнуться для того, чтобы было достигнуто то именно изменение его личности, которое необходимо в общественных интересах. Для решения этих вопросов необходимо выяснить, к какой разновидности преступного мира принадлежит данный субъект, и иметь ряд общих сведе-

ний о присущих представителям этой разновидности криминальных особенностях и о целесообразных способах воздействия на них.

Криминальная психология – психология борьбы с преступностью. Она рассматривает преступление как проявление психической конституции личности. Устанавливает и исследует различные типы преступников (криминальная типология), а также признаки и приемы их распознавания (криминальная дифференциальная диагностика). Определяет те типы психологического воздействия, которым, для целей уголовной юстиции, должны подвергаться носители разных криминальных типов (криминальная педагогика). Изучает психические процессы и состояния, которые находят свое выражение в судебном и досудебном исследовании преступления и преступника. Психические состояния, при которых уголовная ответственность отпадает совершенно (состояния невменяемости), лежат за ее пределами. Психиатры изучают формы болезненного расстройства душевной деятельности преступника, криминальная психология имеет дело с лицами, которые нарушили уголовный закон не в состоянии душевной болезни.

Предмет криминальной психологии составляют не отдельные психические процессы, а личность в ее проявлениях. Изучение отдельных психических реакций, особенностей их течения имеет дополнительное значение. На первом плане стоит личность, проявляющая себя в определенных формах поведения.

Основное значение имеют наблюдение поведения личности и точное научное описание отдельных фактов (характеризующих или объясняющих), сравнение и анализ добытых данных, установление типов. Данные для своих выводов и описаний криминалист-психолог получает путем тщательного исследования отдельных случаев преступлений и обследований их виновников, их физического и психического состояния, имущественного, семейного и социального положения, а также путем изучения отдельных уголовных процессов. Изучение разных сторон личности в этих сферах – путь криминалиста-психолога. Выводы делает благодаря проверенным и изученным конкретным фактам. Ему необходимо подробно ознакомиться с историей жизни данного преступника (с детства и до настоящего момента). Нужно выяснить по фактам

жизни, как реагировала данная личность в различных ситуациях, представить себе ясную картину тех условий, в атмосфере которых складывался характер данного преступника (характер и взаимные отношения его родителей или воспитателей), материальное и социальное положение, внутреннюю жизнь семьи, характер школы, в которой учился данный субъект, что его в школе интересовало и что, наоборот, давалось ему с трудом и казалось неинтересным. Подростковый период чаще всего оказывается роковым для всей последующей жизни человека. Состояние родителей субъекта важно и в другом отношении – в смысле передачи по наследству тех или иных качеств и предрасположений.

Поэтому в криминальной психологии важно полное изучение психической конституции субъекта в процессе ее взросления.

Также криминалист-психолог пользуется статистическим методом.

Оно раскрывает тот тип, носителем которого является данный субъект. Необходимо собрать полные данные о состоянии преступника перед совершением преступления, во время совершения последнего и после этого, как до суда и отбытия наказания, так и во время отбытия заключения.

Психология раскаяния преступника и психология заключенного составляют две частные проблемы криминальной психологии, требуют тщательного изучения. Во время пребывания в карательном учреждении заключенный должен быть объектом постоянного наблюдения, задачей которого является выяснить, во всей их полноте, криминогенные элементы его психической конституции и те изменения, которые в них происходят под влиянием заключения и дают основание сделать вывод, что черты преступного типа стираются или, напротив, развиваются. Такое наблюдение должно вестись по особой программе с возможной индивидуализацией ее в отношении отдельных заключенных.

Важное место в криминально-психологическом исследовании занимает изучение эмоциональной и волевой сфер личности, мало поддающихся экспериментальному исследованию. Однако немало и таких случаев, когда они могут служить для криминалиста-психолога ценным подспорьем, как средство обнаружить те или иные элементы конституции субъекта (нали-

чие или отсутствие известного признака криминального типа данного субъекта).

Сейчас закладывается фундамент криминальной психологии, проводятся общие разграничительные линии, отделяющие главные криминальные типы друг от друга, роль экспериментальных методов в криминальной психологии.

Много важных данных можно получить из документов, содержащих в себе сведения о прошлом личности, ее переживаниях (из писем, дневников, сочинений преступников, их литературных произведений, произведений искусства, татуировок).

Показателями своеобразных черт конституции преступников являются особенности форм общения и организаций, складывающихся в преступном мире. Криминалист-психолог должен уделять большое внимание психологии преступных сообществ.

В криминальной психологии есть черты сходства со многими дисциплинами этого направления. В ней есть элементы специальной психологии, т. е. психологии, изучающей индивидов, выделенных по тем или иным внешним признакам (пол, возраст, национальность и т. п.). В ней есть и элементы дифференциальной психологии, так как она устанавливает типы и изучает психические различия носителей разных криминальных типов. Она содержит в себе элементы генетической психологии, поскольку исследует процесс развития криминального типа, начиная с зародыша его у подростков и кончая полным развитием у взрослых преступников. В ней есть и элементы коллективной психологии, поскольку она изучает отклонения от того, что нормально для лиц одного с ними социального слоя, а также психологию толпы, преступных сообществ, шаяк. Свои руководящие точки зрения, на которые она опирается в определении пределов своих исследований и при делении изучаемых ею преступников на группы и подгруппы по родам и видам совершенных ими преступлений, она получает от науки уголовного права, что дает основание относить ее к циклу криминальных дисциплин. Она составляет звено, соединяющее круг криминальных и психологических дисциплин. Для учения о личности и характере криминально-психологическое изучение, в свою очередь, может дать богатый материал и ряд ценных выводов.

Предмет, задачи и методология криминальной психологии

Пастушеня, А. Н. Криминальная психология : учеб.-метод. комплекс. – Минск : Минский ин-т управления, 2007. – С. 5–9.

Криминальная психология – один из разделов юридической психологии, содержание которого включает в себя изучение психических явлений, детерминирующих преступные деяния, личности преступников, преступных групп и сообществ криминальной направленности, психологических факторов, обуславливающих противоправное поведение в обществе.

Объектом научных исследований являются психические явления, детерминирующие преступное поведение индивида, группы, преступность в обществе. Эти явления присущи личности преступника и преступным группам, общественному сознанию, а также процессу психической регуляции преступного поведения. Можно выделить следующие объекты: криминогенные свойства личности преступников, преступных групп и сообществ криминальной направленности, которые являются субъективными предпосылками преступного поведения, а также свойства общественного сознания, выступающие детерминантами преступного поведения в обществе; психические процессы и состояния, которые проявляются в психической деятельности, детерминирующей преступное поведение индивида или группы, а именно: в восприятии социальных ситуаций и объектов преступных посягательств, в мотивации преступных деяний, в формировании преступного умысла и принятии решения на совершение противоправных действий, в реализации преступного умысла и др.; психические явления, которые обуславливают формирование криминогенной личности, формирование преступных групп и криминогенных дефектов общественного сознания.

Предметом криминальной психологии являются виды, качественные характеристики, взаимосвязи психических явлений, выступающих внутренними детерминантами преступного поведения индивида, группы и преступности в обществе, а также механизмы и закономерности формирования и проявления этих явлений в порождении преступных деяний. Предмет кри-

минальной психологии выражает собой аспекты и формы научного познания и объяснения ее объектов – психических явлений, детерминирующих преступное поведение. Углубление научных знаний об этих явлениях выступает в качестве теоретических задач криминальной психологии.

Раскрывая более детально предмет криминальной психологии и ее **теоретические задачи**, необходимо отметить, что она призвана изучать:

- закономерности и механизмы психической регуляции преступного поведения, а также психологические особенности преступлений различных видов;

- виды, структуры и качественные характеристики криминогенно значимых психологических свойств личности преступника, а также психологические особенности личности преступников различных типов;

- психологические закономерности и механизмы формирования криминогенной личности, т. е. личности, склонной к совершению преступления;

- характеристики социально-психологических явлений, присущих преступным группам, психологические особенности преступных групп различных типов и более широких общностей преступников;

- виды и характеристики социально-психологических явлений в обществе, выступающих детерминантами преступности, закономерности их формирования;

- психологические закономерности влияния социальных условий, обстоятельств ситуации и поведения потерпевшего на преступное поведение;

- психологические закономерности и механизмы влияния социальных условий на преступность в определенных социальных группах и обществе в целом.

Прикладные задачи криминальной психологии определяются сферами использования ее научных данных. Эти задачи заключаются в разработке методических основ психологического изучения и оценки различных видов преступных деяний, личности различных типов преступников, преступных групп, а также общественного правосознания.

На основе данных, полученных в результате изучения объектов криминальной психологии, осуществляется разработка рекомендаций для эффективного решения задач правоохрани-

тельной деятельности. Так, научные знания о личности преступников, преступных группах и психической регуляции преступного поведения необходимы для эффективного раскрытия и расследования преступлений. Эти знания также необходимы в уголовном судопроизводстве для правильной оценки характера совершенного преступления, его субъективной стороны. Психологические знания о личности преступника позволяют более правильно оценить личность виновного для назначения адекватного наказания, а знания о преступной группе – установить роль, степень участия и взаимовлияния ее членов при совершении преступного деяния.

Важное значение имеет использование знаний о криминогенной личности в процессе исправления осужденных и индивидуальной профилактики преступлений.

Предупреждение преступности в обществе требует знаний об индивидуально-психологических и социально-психологических явлениях, выступающих ее внутренними причинами, а также знаний о том, как влияют на правовые позиции людей социальные условия.

Научные знания криминальной психологии могут быть использованы в разных областях юридической психологии: оперативной, следственной, экспертной, судебной, исправительной, превентивной.

Методология криминальной психологии. Методология науки представляет собой систему категорий, принципов, методов исследования и научного объяснения психических явлений, относящихся к ее объекту. Она также включает общепсихологические и конкретно-научные (частные) теории, на которых основывается познание и объяснение психических явлений, детерминирующих преступное поведение и преступность в обществе.

Криминальная психология использует категории, общие для психологической науки, и опирается на теоретические знания ее отдельных отраслей. К ним относятся психологические теории, раскрывающие основные категории психологии: психическое отражение, деятельность, сознание и бессознательное, образ, личность, мотивация, эмоции, установки, социально-психологическая теория группы.

Криминальная психология также опирается на категории юридических наук и теоретические положения, раскрывающие

их правовую сущность. В качестве таковых выступают категории уголовного права – «личность преступника», «преступная группа», «преступная организация», «преступное деяние», «умысел», «неосторожность», «потерпевший».

Криминальная психология использует также категории криминологии: «преступное поведение», «криминогенная личность», «преступность», «причины и условия преступности», «виктимное поведение», «правосознание».

Она исследует психологический аспект явлений, которые обозначают указанные понятия, опираясь на общепсихологические теории, и разрабатывает собственные конкретно-научные теоретические положения.

Опирается на определенные понятия и научные данные других социальных и гуманитарных наук: социальной философии, социологии, этики, педагогики, психиатрии.

В свою очередь научные разработки используются перечисленными отраслями психологической науки, юридическими, социальными и гуманитарными науками. Так, для того чтобы системно объяснить с позиций психологии просоциальное поведение индивида, необходимо знать закономерности и механизмы его диалектической противоположности – противоправного поведения. Также и научная проблема воспитания социально добропорядочной личности. Ее раскрытие требует знаний о противоположных явлениях – криминогенных дефектах личности и закономерностях их формирования.

Что касается юридических наук, то данные позволяют глубже развивать криминологические учения о личности преступника, причинах и условиях преступности, ее предупреждении; теорию уголовного права – о субъективной стороне преступления, личности виновного, отдельных обстоятельствах, смягчающих и отягчающих ответственность; теорию уголовно-исполнительного права – о личности осужденного, степени его исправления; теорию государства и права – о правосознании.

Наряду с использованием категорий различных отраслей психологической науки, юридических и других социальных наук криминальная психология формирует свой специфический понятийный аппарат. К понятиям криминальной психологии относятся: «психологический механизм преступного поведения», «психологический генезис криминогенной личности»,

«криминогенный комплекс личности», «криминогенная склонность личности», «антикриминальная устойчивость личности», «криминогенная мотивация», «криминогенные социально-психологические явления», «криминогенные дефекты правосознания», «криминогенные психологические свойства группы».

Принципы криминальной психологии – это основополагающие идеи и правила получения и объяснения научных фактов, относящихся к объектам и предмету исследования криминальной психологии. Криминальная психология основывается на философских, общепсихологических и конкретно-научных принципах познания.

В качестве философских принципов выступают: принцип детерминизма, в соответствии с которым психические явления и социальные условия должны рассматриваться как имеющие причинные взаимосвязи, в частности психическая деятельность, детерминирующая социальное поведение индивида (в том числе и преступное), включает процессы индивидуально своеобразного отражения внешних условий, обусловлена результатами этого отражения. Социальное поведение и его результаты оказывают влияние на формирование психологических свойств личности его субъекта. Принцип системности требует изучения психических явлений в целостной совокупности, выделения наиболее существенных и соподчиненных явлений, построения их структур и раскрытия взаимосвязей. Психические явления рассматриваются как изменяющиеся, формирующиеся, преобразующиеся, прекращающие свое проявление.

Криминальная психология базируется на общих принципах психологической науки: принципе единства сознания и деятельности; принципе личностного подхода; принципе формирования и развития личности в процессе деятельности, познания и общения; принципе взаимосвязи и взаимообусловленности психических процессов, состояний и свойств.

В ней складываются конкретно-научные принципы: принцип примата субъектных (личностных) предпосылок преступного поведения, который опирается на идею свободы воли субъекта поведения и определяет, что в детерминации преступного поведения первостепенное значение имеют личностные качества субъекта, выступающие его внутренними предпосылками, а обстоятельства социальной ситуации непосредственно не предпо-

ределяют совершение вменяемым лицом антиобщественного деяния; принцип иерархии криминогенных факторов преступности, в соответствии с которым внутренние, внешние причины и условия преступного поведения необходимо рассматривать, дифференцируя по степени существенности; принцип криминогенетического подхода к объяснению формирования личности преступника, который требует учета влияний жизненных событий, воздействий социального окружения, видов деятельности и поступков индивида на формирование его правосознания и социально-правовой направленности личности; принцип дифференцированного подхода к психологическому изучению личности преступников, преступных групп и преступных деяний, определяющий необходимость выделения различных типов преступников (криминогенной личности), преступных групп, генезиса и механизма преступных деяний различных видов и их качественных отличий.

В криминальной психологии используется широкий комплекс **методов** исследования, которые применяются в различных отраслях психологической науки: наблюдение, беседа, интервью, тестирование, опрос, биографический метод, анализ продуктов деятельности (преступных деяний), метод независимых характеристик, экспертных оценок, психофизиологического эксперимента (с использованием полиграфа). На основе указанных методов в криминальной психологии осуществляется разработка специальных методик исследования психических явлений, относящихся к ее объектам. Применение указанных методов и методик психологического исследования направлено на решение специфических научных и прикладных задач криминальной психологии.

Методологические основы криминальной психологии

Криминальная психология: теоретические и методологические аспекты науки / О. А. Ахвердова, Н. Н. Волоскова, О. В. Болотова. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2009. – С. 15–34.
--

Криминальная психология (от лат. *criminalis* – преступный) – область юридической психологии, которая изучает: психические явления, факты, психологические механизмы,

психологические закономерности личности преступника, совершаемых им преступлений и преступности как массового социального явления; психические закономерности, связанные с формированием преступной установки личности, образованием преступного умысла, подготовкой и совершением преступления, а также созданием преступного стереотипа поведения; личность преступника, а также пути и способы воспитательного воздействия на эту личность и группу в психологическом аспекте; психологические особенности личности преступников, структуру и психологические особенности преступных групп.

В отечественной криминальной психологии отвергается учение о «прирожденном преступнике», реализуется диалектико-материалистический принцип развития, определяющий исследование всего многообразия явлений, прежде всего социальных, оказывающих влияние на формирование психологических особенностей правонарушителей.

Первые работы, в которых затрагивались вопросы криминальной психологии, появились в 1792 г. в Германии (К. Экартсгаузен «О необходимости психологических познаний при обсуждении преступлений», И. Шауманн «Мысли о криминальной психологии»), В 1808 (И. Гофбауэр «Психология в ее основных применениях к судебной жизни») и 1835 гг. (И. Фредрейх «Систематическое руководство по судебной психологии») большое внимание было уделено изучению психологических аспектов личности преступника.

Во второй половине XIX в. важную роль в становлении криминальной психологии сыграли труды итальянского тюремного психиатра Ч. Ломброзо, создателя биопсихологического направления в изучении личности преступника. В своей теории «врожденного преступника», который в силу своих атавистических черт не может быть исправлен, Ч. Ломброзо исходил из того, что преступное поведение является разновидностью психопатологии. В работах некоторых русских ученых конца XIX в. личность преступника рассматривалась как психопатология, как состояние, близкое к психическому заболеванию («Судебная психопатология» В. П. Сербского, 1900; «Судебная психопатология» П. И. Ковалевского, 1900). Такая трактовка преступного поведения привела к тому, что криминальная психология на долгие годы тесно связала себя с судебной

психиатрией и стала ее вторым наименованием. В дальнейшем биологизаторский и психопатологический крен в изучении личности преступника был преодолен в исследованиях В. М. Бехтерева («Об экспериментальном психологическом исследовании преступников», 1902), С. В. Познышева («Основные начала науки уголовного права», 1912; «Очерки тюрьмоведения», 1915), М. Н. Гернета («В тюрьме. Очерки тюремной психологии», 1925).

В начале XX в. предмет криминальной психологии получил свое окончательное оформление в работах Г. Гросса («Криминальная психология», 1905), П. Кауфмана («Психология преступности», 1912) и Ф. Вульфена («Психология преступника», 1926).

В 50–60-е гг. XX в. появились такие фундаментальные исследования, как «Психология и преступность» Р. Луважа (1956), «Правовая и криминальная психология» Г. Тоха (1961), «Криминальная психология» О. Абрахамсона (1961), «Психология для работников следственных, судебных и исправительных органов» Г. Дудича (1955).

На современном этапе к основным теоретическим проблемам относятся: взаимосвязь социальных, психологических и биологических факторов в детерминации преступного поведения личности; содержание понятия «Личность преступника»; психологическую характеристику преступников различных категорий; психологию индивидуального преступного деяния, групповой и организованной преступной деятельности; психологические аспекты вины.

При определении **предмета криминальной психологии** важно учитывать четыре момента. Во-первых, криминальная психология, как и любая отрасль психологической науки, не ограничивается лишь изучением и описанием психики человека, в данном случае преступника. Она призвана объяснить, раскрыть закономерности и механизмы преступления как деятельности. Такой подход позволяет преодолеть описательство, констатацию лишь фактов, что подменяет психологические исследования социологическими. От точного определения предмета науки зависит разработка и применение методов исследования. Специфические особенности личности правонарушителя и криминальных групп, а также аспекты их

криминальной деятельности невозможно исследовать социологическими методами, тут нужны психологические методы исследования, адаптированные к условиям, в которых изучаются преступность и преступник. Во-вторых, данное выше определение предмета криминальной психологии направлено против попыток сужения ее проблемного поля до рамок только фиксации фактов. Главная задача любой науки, изучающей действительность, заключается в предвидении развития тех или иных событий. Значит, для криминальной психологии важно объективно прогнозировать развитие ситуаций в стране на основе раскрытия механизмов самовоспроизводства преступности. В-третьих, есть две стороны: преступник или преступная группа и пострадавший (пострадавшие). Развитие событий во многом зависит от поведения жертвы. Изучение психологии потерпевших становится важной проблемой. Важно исследовать обстоятельства и факторы, способствовавшие формированию личности преступника или возникновению криминальной группы. И здесь мы выходим на превентивный аспект криминально-психологических исследований. В-четвертых, первостепенное значение имеет изучение психологии преступных сообществ (какие сообщества бывают, как они возникают, каковы внутренние психологические механизмы их существования). Изучение психологических явлений, механизмов и закономерностей в области преступности нужно для того, чтобы, используя психологические и другие рекомендованные криминальной психологией средства, можно было бы активно воздействовать на преступность, сужая сферы и формы ее проявления.

Исходя из определения предмета, можно сформулировать следующие **основные задачи криминальной психологии**:

- изучение психологии личности преступника, особенностей различных типов преступников, разработка их классификации;
- изучение психологии преступления как особого вида деятельности (мотивы, способы совершения, механизмы психологической защиты и самооправдания человека, совершившего общественно опасное деяние);
- изучение психологии преступных сообществ (случайно возникшие, организованные преступные группы, преступные организации; особенности действия в них психологических механизмов, их существования, сплочения, активности);

- психологическое изучение преступности как массового социального явления (основные ее психологические характеристики, тенденции, социально-психологические причины);
- исследование психологических механизмов воспроизводства преступности в обществе и разработка способов профилактики;
- разработка психологических аспектов виктимологии (учение о жертвах преступного посягательства) и разработка на этой основе психологических мер обеспечения личной безопасности жизнедеятельности.

На современном этапе необходимо учитывать динамику современной преступности и личности преступника для более точного формирования задач науки.

Существует четыре **уровня методологии в области криминальной психологии**: уровень общенаучной методологии, частной методологии психологической науки, специальной методологии криминальной психологии и уровень методики юридико-психологического исследования. Общая и частная методологии – основа любого познания и психологического в частности. Третий и четвертый уровни максимально отражают ту своеобразную феноменологию, которая присуща только юридико-психологической реальности, и позволяют познавать и влиять на нее наиболее специфично и профессионально.

Общенаучные и психологические принципы разработаны в едином комплексе. Криминальная психология использует их для решения стратегических вопросов применительно к специфике юридико-психологической реальности:

– *принцип объективности*, обязывающий строить систему научного знания строго в соответствии с объективной реальностью, отражать в ней только то, что действительно существует. Необходимо принимать все меры для исключения влияния на научные знания пристрастий, личных взглядов, предубеждений, корпоративной солидарности, амбициозности и низкой подготовленности того (тех), кто проводит исследования и претендует на вклад в создание научной картины юридико-психологической реальности;

– *принцип детерминизма (причинности)*, отражающий объективно существующие в мире причинно-следственные связи и предписывающий обнаруживать причины юридико-психоло-

гических явлений, а также рассматривать последние как причину тех или иных следствий в правовой сфере;

– *принцип взаимосвязи и взаимодействия* вытекает из факта существования изучаемых явлений в окружении других, с которыми они связаны и взаимно влияют друг на друга. Если изучаемое психологическое явление попадает в систему связей с другими психологическими или непсихологическими явлениями, то оно как-то будет изменяться под их влиянием. Под влиянием конкретной нормы права юридико-психологическое явление (следствие) не пассивно следует ему, а меняет регулируемую силу нормы, увеличивая или ослабляя ее;

– *принцип системности* развивает предыдущий и противостоит функционализму – упрощенному схематическому представлению, что психическая деятельность протекает как простая сумма отдельных, локальных психических актов (например, познавательных или эмоциональных). Сама психика и ее проявления системны. Ошибочно полагать, что наличие у человека какого-то качества (неуравновешенность, вспыльчивость, агрессивность) является причиной преступления. Ведь они совершаются из-за личности. Это всегда личностный акт, в котором обнаруживается весь внутренний мир человека, санкционирующий проявление каких-то «криминогенных начал» и регулирующий их проявление. Агрессивностью, например, обладают миллионы людей, но только малый процент их совершает преступления. Никакой поступок человека нельзя также понять вне системы его жизнедеятельности – «цепочки» жизненных актов, объединенных определенной линией поведения в жизни, образа жизни, выступающих более сложными системностями и влияющих на каждый поступок;

– *принцип развития* выражает органически присущие миру и психике динамизм и изменчивость. Человек, появившись на свет, в своем прижизненном развитии (онтогенезе) проходит психологическую эволюцию, во многом повторяющую, но в миллионы раз ускоренную историю развития психологии человека от питекантропа до современного. Только результаты далеко не однозначны, индивидуализированы. В решающей степени обусловлены обстоятельствами его жизни, его собственной активности. Это относится практически ко всем психическим процессам, состояниям и свойствам человека. Поэтому к каждому

человеку нельзя подходить с однажды сложившимися мерками. Психологическую данность надо рассматривать как срез на пути непрерывного ее изменения с определенными тенденциями, идущими из прошлого в будущее. Важно раскрыть именно их, понять движущие силы, найти при необходимости способы их изменений. Принцип развития – основа научного и практического оптимизма, веры в возможность целенаправленного достижения прогрессивных изменений психологии человека при решении задач укрепления правопорядка;

– *принцип взаимосвязи психики и деятельности* констатирует неразрывность двух важных феноменов. Деятельность – продукт психологии человека. При оперировании объектами мира, действуя, человек не только обнаруживает свою внутреннюю сущность, но и раскрывает их свойства, недоступные пассивному созерцанию. В деятельности психология человека проявляется, изменяется. Психическая деятельность – внутренний план, детерминанта внешней активности. Сознание, проявляясь в деятельности, испытывает обратное влияние со стороны ее характеристик и слагаемых: объектов, условий, целей, мотивов, способов. Достижение основной цели науки криминальной психологии – получение всестороннего системного знания о психике преступника и его генезе. Это требует применения таких способов исследования, которые могли бы обеспечить эффективное взаимодействие, правильное объединение методов и результатов комплекслируемых наук: юридической психологии, судебной психологии, судебной психиатрии, криминологии и юриспруденции. К таким способам, средствам и принципам познания многокачественных явлений действительности относится системный подход, ориентирующий исследование на раскрытие целостности психического функционирования, на установление многообразных типов связей и механизмов.

К исследованию психологии преступника и преступных групп такие связи могут быть установлены лишь путем следования ряду общих принципов системного анализа психических явлений. Актуальные на современном этапе развития психологии принципы:

- Необходимость всестороннего, многопланового рассмотрения объектов как систем, имеющих специфические закономер-

ности. Главная задача здесь состоит в том, чтобы выявить «составляющие» явления и способ их организации. Результаты, полученные при исследовании каждого из выделенных аспектов, должны в этом случае взаимно дополнять друг друга. Этот принцип предписывает психологам рассматривать человека как сложную саморегулирующуюся систему, включающую в себя ряд подсистем (в свою очередь являющуюся подсистемой более широких систем – природы и общества). Учет последнего обстоятельства предполагает оценку криминальных или виктимных его деяний не самих по себе, а в неразрывном единстве с конкретной ситуацией их совершения, выступающей как условие, причина интересующего суд поведения. Правильное выделение страхует от ошибочного распространения закономерностей, присущих одному из уровней структурно-функциональной организации или жизнедеятельности человека.

- Подход к изучению психических явлений как многоуровневых, иерархически организованных и разнопорядковых. Важным правилом, вытекающим из этого принципа, служит предписание сравнивать лишь однопорядковые данные, относящиеся к подсистемам одного уровня организации и сложности. В согласии с названным принципом в каждой из выделенных базовых подсистем личности преступника – организменной (биологической), индивидной (психической) и личностной (социальной) – можно различать иерархию дробных уровней организации, «масштаб» которых во многом задан требованиями конкретной задачи, используемыми для ее решения методическими приемами, необходимой глубиной анализа исследуемого экспертами явления, события, обстоятельства.

- Отказ от «линейного детерминизма». Многоплановость, многоуровневость и многослойность человеческого бытия требуют системного понимания детерминации психических явлений как связанных с факторами разных порядков. Принципиальное значение для криминальной психологии имеет разрешение вопроса о роли социального и биологического в детерминации конкретного поведения человека. Имеются данные о том, что в разных условиях жизнедеятельности человека, на разных этапах его развития, относительно к разным уровням и измерениям психических явлений соотношение социальной, биологической детерминации складывается по-раз-

ному. Установление перечисленных моментов, в частности «условий жизнедеятельности» и «этапов развития» применительно к уровню умственного развития подростка, – одна из основных задач криминальной психологии.

- Необходимость рассматривать явления в развитии (принцип развития). Ни целостность, ни дифференцированность системы не могут быть поняты вне анализа ее развития. Развитие выражает суть самого существования психики как системы. Психические состояния являются лишь моментами этой динамики. Особенно важно соблюдение правила развития при оценке пограничных состояний (психопатий, неврозов, психопатоподобных состояний) в связи с большой их зависимостью от непрерывно изменяющихся внешних воздействий, легкостью наступления состояний декомпенсации и влиянием этих состояний на развитие преступной личности.

Поскольку в процессе и результате поведения, деятельности субъекта ситуация одновременно изменяется. Ее воздействие на субъект приводит к психологическим изменениям. Согласно принципам системного подхода она должна рассматриваться в неразрывной связи с личностными особенностями и динамикой психического состояния субъекта деятельности. При этом необходимо учитывать диалектику взаимопревращений причин и следствий, причин и условий. Системное понимание детерминации противоправного поведения предполагает учет не только непосредственной причины противоправного поступка, но и всей совокупности (цепочки) жизненных событий, подготовившей его. Истинная причина содеянного и ее следствие – поступок – при этом оказываются разделенными значительным временным промежутком.

Для методологии криминальной психологии существенное значение имеют следующие принципиальные положения, вытекающие из системного понимания личности.

1. *Общественно-историческая природа личности.* Представление о личности как о системном сверхчувственном многогранном социальном качестве, которое приобретает индивидом в обществе «в совокупности отношений, общественных по своей природе» и определяется «движением» индивида в этих общественных отношениях.

2. *Разграничение понятий «индивид» и «личность».* Положение это означает, что личность имеет не биологическую, а общественно-историческую сущность. Она возникает только в обществе. Индивид – результат биологической эволюции, преимущественно генотипическое образование. Личность – это, по выражению А. Н. Леонтьева, относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека. Индивид – носитель социального системного качества, личность – само его выражение. Индивид не порождает личность, не является ее причиной, а представляет собой предпосылку возникновения личности и необходимое условие ее существования. Индивидуальные свойства в процессе развития личности в той или иной мере трансформируются, меняются, однако не уничтожаются, сохраняясь «именно как особенности индивида». Четкое разведение индивидуальных и личностных свойств особенно важно при исследовании индивидуально-психологических особенностей личности преступника. Оно имеет принципиально важное значение при выборе соответствующих ее задачам типологий и принципов классификации личности.

3. *Необходимость выбора при анализе структуры и функций личности таких единиц, в которых бы не утрачивались свойства, присущие ей как целому.* В отечественной психологии в качестве такой единицы анализа выделяются мотивы, отношения, установки, смысловые образования. Принцип целостности единиц структурного анализа личности имеет не только общетеоретическое и методологическое значение – он непосредственно задает границы изучения личности как предмета клинической психологии, определяет методические подходы к ее исследованию в экспертной практике, очерчивает «массив» сведений, необходимых и достаточных для решения экспертных вопросов, намечает источники и средства извлечения информации о личности.

4. *Выделение системных родовых социально-типических проявлений и индивидуальных специфических личностно-смысловых свойств.* Первые представляют собой результат процесса социализации личности как объекта общественных отношений. Отражают уровень усвоенного ею нормосообразного, адекватного поведения в больших и малых социальных группах. Эти свойства получают свою содержательную характеристику че-

рез систему общественных функций-ролей и выступают в качестве системных социальных качеств первого порядка. Вторые являются продуктом индивидуализации личности. Они не противостоят социально-типическим системным качествам, поскольку в развитии личности процессы социализации и индивидуализации диалектически сочетаются. Эти социальные качества второго порядка раскрываются через понятие «личностный смысл» – индивидуализированное отражение действительности, выражающее отношение личности к тем объектам, ради которых разворачивается ее деятельность, общение.

Изучение личности преступника, преступных сообществ и психологии преступности в целом должно быть не эпизодическим, а систематическим, плановым, осуществляемым по научно обоснованной программе. Руководствуясь изложенными требованиями, необходимо выбирать в каждом исследовании соответствующие методы для получения объективных данных о конкретной личности правонарушителя, о психологии криминальной группы в той или иной области преступности.

В криминальной психологии имеет значение взаимосвязь двух аспектов применения **системно-структурного метода** при анализе преступника и преступных групп. Во-первых, рассмотрение преступности как множества взаимодействующих составляющих (преступлений, лиц, их совершающих, преступных формирований), взаимодействия. При этом анализируется психологическая структура преступности, характеристики различных элементов, их взаимодействие. Во-вторых, преступность исследуется в рамках более общей системы – общества. Выявляются внешние связи преступности с различными характеристиками общества и личности, выделяются среди них главные. В том числе причинные связи, т. е. порождающие преступность. При этом определяются особенности преступности и ее соотношение с другими системами, какую роль выполняет преступность как подсистема общества. Преступность рассматривается с иными негативными социально-психологическими отклонениями (пьянством, наркоманией, проституцией, теневой экономикой, теневой юстицией), и в этом случае нередко ее анализ осуществляется в рамках выделения такой системы, как социальные отклонения. Она также рассматривается с экономикой, политикой, иными сферами жизнедеятельности.

Все это анализируется, выявляется диалектика структуры преступности, ее взаимодействия с более общей системой – обществом и другими его структурами.

Для изучения психических явлений в области преступности в криминальной психологии и практики профилактики правонарушений используются различные методы, которые принято делить на: 1) методы сбора информации и 2) методы анализа первичных данных. Сбор информации реализуется посредством методов наблюдения, опроса (беседы, анкетирование), эксперимента, обобщения независимых характеристик, экспертных оценок, социометрии, тестов. Анализ первичных данных осуществляется посредством: содержательных (качественный) и количественных (статистический) методов; описательного; исторического и моделирования. Методы сбора и анализа информации тесно связаны друг с другом. Эксперимент или социометрический опрос могут служить сбору информации, ее обобщению, внедрению в практику.

Различают также методы научного исследования (применяемые учеными для изучения проблемы) и методы, применяемые в практической деятельности (например, психологом школы для изучения степени криминализации подростковой среды или изучения конкретной личности подростка с деликвентным поведением и воздействия на него).

В процессе системно-структурного анализа обычно широко используются математические методы (ограниченно – математического моделирования). Распространена практика проведения корреляционного, кластерного анализа, применения некоторых других математических методов с использованием мультимедийных программ.

Анализ уголовной статистики. Психологи изучают общую уголовную статистику, выделяя в ней следующие параметры: динамика преступности по времени, месту и объектам преступного посягательства; структура и характер совершаемых преступлений; степень организованности; профессионализация преступных проявлений; социально-демографическая характеристика преступников; виды и характеристика групповой преступности; влияние взрослых на подростковую преступность; проявление новых видов и способов преступного промысла; степень коррумпированности преступности; связь отечественной

преступности с зарубежной. Проведенный анализ позволяет выделить приоритетные направления для криминально-психологического исследования. Однако данные уголовной статистики приблизительно отражают общую картину, поскольку в нее не входят данные о латентной преступности. Поэтому анализ уголовной статистики дополняется различными опросами (анкетированием, интервью).

Анкетный метод – опрос определенной группы людей по заранее разработанным вопросам с целью получения количественных данных. Например, анкетным опросом можно изучить интересы, мнения девиантной группы подростков, мнения осужденных в колонии по тем или иным нравственным, правовым и другим вопросам, законопослушных граждан в оценке современной преступности, мер профилактики и т. д. Анкетированием можно охватить большую группу лиц, провести исследование в кратчайшие сроки. Однако к результатам анкетного опроса надо подходить осторожно, так как они в известной мере носят субъективный характер. Опрашиваемые (особенно правонарушители) должны быть убеждены, что анкетный опрос не будет использован им во вред и тайна опроса будет сохранена.

Анализ периодической печати. В периодической печати широко освещаются вопросы борьбы с преступностью. Многие издания имеют раздел «Криминальная хроника», где даются характеристика личности или группы преступников, методы и способы совершения преступлений, способы сокрытия следов, поведение задержанных обвиняемых и подозреваемых. Данные прессы и телевидения подвергаются контент-анализу (качественному и количественному анализу). Для этого исследователь разрабатывает схему такого анализа исходя из исследуемой проблемы. К сожалению, контент-анализ СМИ пока мало используется для изучения криминально-психологических проблем.

Оценка экспертов – метод опроса компетентных людей в области борьбы с теми или иными видами преступлений. В изучении организованной преступности такими экспертами могут быть сотрудники подразделений по борьбе с организованной преступностью. В работе с несовершеннолетними экспертами часто выступают сотрудники отделов профилактики

преступности, члены комиссий по делам несовершеннолетних, сотрудники специальных школ для детей и подростков, нуждающихся в особых условиях воспитания, воспитательных колоний.

Психологический анализ уголовных дел. Для изучения психологических особенностей отдельных видов преступлений или категорий преступников отбираются соответствующие уголовные дела. Далее разрабатывается схема их анализа. Собранная информация подлежит обработке, для чего составляется программа и данные вводятся в компьютер. Полученные данные подлежат интерпретации.

Наблюдение – основной метод исследования. С помощью него личность деликвента изучается в реальных условиях без вмешательства исследователя. Наблюдение должно отвечать следующим требованиям: целенаправленность (иметь определенную программу и план наблюдения, в которой отражается, что наблюдать и в каких условиях); систематичность (быть постоянным, а не от случая к случаю); репрезентативность (количество наблюдений и число наблюдаемых должно быть достаточным для получения значимых результатов, позволять использовать математические методы обработки материала); результаты наблюдения подлежат точной фиксации в протоколе наблюдения, используются также магнитофонные и видеозаписи; наблюдать одно и то же лицо или группу надо в разных, закономерно меняющихся условиях. Недостатком этого метода является то, что само по себе наблюдение не всегда позволяет отделить случайные факты от закономерных, а истолкование этих фактов может быть субъективным.

Метод обобщения независимых характеристик. С правонарушителем общается большой круг людей: друзья по месту жительства, участковый инспектор, врачи. Суть метода заключается в учете этих независимых характеристик одним лицом и использовании их в научных и практических целях. Методом обобщения характеристик можно изучать не только отдельную личность, но и криминальную группу.

Социометрия как способ измерения контактных взаимоотношений (в переводе с лат. *socius* означает «товарищ», «компаньон», *metrum* – «измерять», «мерить») позволяет получить одномоментные «снимки» структуры неформальных межлич-

ностных отношений в группе, сообществе. Но в криминальной психологии не всегда можно использовать социометрию в чистом виде. И тут на помощь приходит разновидность этого метода – пространственно-знаковая социометрия.

Судебно-психологическая экспертиза – процессуальное действие, предусмотренное уголовно-процессуальным кодексом, проводимое в целях получения заключения эксперта по вопросам, имеющим доказательственное значение по делу, и требующее серьезных познаний в области психологии. В процессе судебно-психологической экспертизы решаются следующие задачи: установить, способен ли обвиняемый с отставанием в психическом развитии полностью осознавать свои действия и руководить ими; способен ли потерпевший (малолетний, несовершеннолетний), подвергнувшийся изнасилованию, правильно понимать характер и значение совершаемых с ним действий и оказывать сопротивление; установить способности обвиняемых, потерпевших и свидетелей адекватно воспринимать имеющиеся для дела обстоятельства, давать правильные показания; были ли у лица, покончившего самоубийством, перед смертью психические состояния, предрасполагавшие к самоубийству, и установить возможные причины этих состояний; установить наличие или отсутствие у подэкспертного в момент совершения преступления состояния аффекта или иных непатологических состояний (страха, депрессии, стресса, фрустрации), существенно повлиявших на его сознание и деятельность; определить ведущие мотивы в поведении человека и мотивацию отдельных поступков, характеризующих его личность; установить индивидуально-психологические особенности подэкспертного, существенно повлиявшие на его поведение и на формирование намерения совершить преступление; установить структуру преступной группы на основе имеющихся данных о психологических особенностях личности ее участников, выявить лидера и др.; установить наличие или отсутствие у лица, управляющего техническим механизмом, психического состояния, существенно повлиявшего на управление им (на транспорте, на производстве) и повлекшего аварию или чрезвычайное происшествие.

Исходя из задач, решаемых судебно-психологической экспертизой, подбираются и методы их решения. Получаемая в ходе

судебно-психологической экспертизы информация используется в научных целях для разработки теоретических проблем криминальной психологии.

Эксперимент – один из основных методов исследования психологических явлений, механизмов и закономерностей. Эксперимент предполагает специальную организацию ситуации исследования, активное вмешательство в нее исследователя, планомерное манипулирование одной или несколькими переменными (факторами), обязательную регистрацию всех изменений в поведении изучаемого объекта. В зависимости от условий, в которых проводится исследование, различают лабораторный и естественный эксперимент. При лабораторном эксперименте исследователь искусственно создает обстановку и условия, в которых изучается испытуемый. Лабораторный эксперимент в криминальной психологии используется обычно в рамках судебно-психологической экспертизы в отношении обвиняемых, свидетелей и потерпевших. Естественный эксперимент характеризуется тем, что личность и группа изучаются. Например, изучение личности несовершеннолетнего правонарушителя в условиях обучения в школе (если он не подвергнут аресту). Констатирующий эксперимент имеет цель – выявить особенности личности, ее мотивы, интересы, взгляды и убеждения, способствующие совершению правонарушения, степень ее конформности при совершении преступления в группе. Формирующий эксперимент сочетает в себе психологическое изучение личности или группы и осуществление определенной системы воздействия на них.

Тест (от англ. test – «проба», «испытание») – система специальных заданий, позволяющая выявить и измерить определенные психические качества или свойства отдельного индивида. Тест – стандартизированный метод, объективно измеряющий один или несколько аспектов личности. Тесты бывают вербальные и невербальные, тесты интеллекта и тесты личности, индивидуальные и групповые. С их помощью можно выявить особенности аффективно-потребностной сферы, когнитивной (познавательной) деятельности, внутри- и межличностные конфликты, механизмы психологической защиты, общую направленность личности, преобладающий тип переживаний. Тестирование широко применяется при диагностике лично-

сти правонарушителя, его положения в группе, в семье. Полученный материал используется в уголовном процессе, а также в организации профилактики правонарушений.

Криминальная психология

Васильев, В. Л. Юридическая психология. – СПб. : Питер Ком, 1998. – С. 91–94.

Криминальная психология изучает психологические закономерности, связанные с формированием преступной установки, образованием преступного умысла, подготовкой и совершением преступления, а также психологические пути воздействия на него. Она исследует механизмы иммунитета личности в криминогенной ситуации, через познание его закономерностей разрабатывает рекомендации в области индивидуальной профилактики преступности. В рамках криминальной психологии исследуются психологические особенности личности не только насильственных, но и корыстных преступников, а также структура и психологические особенности преступных групп.

Процесс формирования личности хотя и интересует право и криминологию, но не является предметом их изучения. Это дело педагогики и психологии. Умысел возникает в процессе мышления, а на его формирование оказывают влияние понятия и представления, не соответствующие общественному правосознанию. На образование противоправного умысла влияет тип нервной системы, темперамент, характер. Но этот вопрос остается спорным из-за отсутствия серьезных научных исследований в этой области. Постулирование того факта, что преступность обусловлена социально, вовсе не означает, что игнорируются индивидуальные свойства личности при изучении преступного поведения. Косвенное, опосредованное влияние социального фактора на особенности биологической подструктуры не менее очевидно, чем влияние биологического на подструктуру социальной направленности, хотя пол, тип нервной системы и задатки человек получает при рождении. Известны и такие явления, как «воскресные дети», «дети карнавала» – дети, зачатые родителями в состоянии алкогольного опьянения и появляющиеся на свет

с различными патологиями нервной системы, затрудняющими их социальную адаптацию. Так, по данным, приведенным Ф. Г. Угловым, наблюдения за 1500 роженицами показали, что различные отклонения в организме детей наблюдаются у 2 % непьющих матерей, 9 % – у умеренно пьющих, и 74 % – у матерей, злоупотребляющих спиртным. Эти факты свидетельствуют о том, что даже биологическая подструктура личности (где речь идет о сугубо врожденных наследственных свойствах индивида) не свободна полностью от влияния среды, воздействующей на него опосредованно, через организм матери. Как известно, героями и преступниками не рождаются, а становятся, и, следовательно, в формировании этих качеств ведущее место отводится социальным, прижизненным факторам: воспитанию, обучению, влиянию среды. Выявление психобиологических предпосылок асоциального поведения как неблагоприятных свойств психики и организма, которые затрудняют социальную адаптацию индивида, имеет смысл в связи с превентивной практикой, так как позволяет проводить воспитательно-профилактическую деятельность с учетом всех, в том числе и индивидуальных, факторов, которые обуславливают отклонения в поведении и сознании личности. Неблагоприятные психобиологические предпосылки требуют дополнительных как психолого-педагогических, так и медицинских корректирующих мер и воздействий.

При криминологическом изучении причин и условий преступности важен анализ личности во взаимодействии с социальной средой, поскольку преступное поведение рождает не сама по себе личность или среда, а их взаимодействие. Социальная среда – это не только объективные условия и обстоятельства, определяющие поведение человека, но и непрерывающаяся деятельность людей.

Для криминальной психологии личность преступника представляет самостоятельный интерес, поскольку она не просто отражает определенные внешние условия, но и является активной стороной взаимодействия. Для нее характерна сознательная, целенаправленная деятельность. Связь социальных условий с преступным поведением носит сложный характер, причем всегда социальные условия проявляются в преступлении, преломляясь через личность.

Преступность – это не только совокупность преступных деяний, но и совокупность лиц, которые их совершают. Не случайно при исследовании состояния, структуры и динамики преступности анализируются не только факты преступления, но и контингент преступников. Преступность можно также рассматривать в рамках взаимодействия социальной среды и личности, но уже на типическом уровне среды, личности и их взаимодействия. Поэтому одна из основных задач криминальной психологии – выделение внутренних личностных предпосылок, которые во взаимодействии мотивационной сферы личности с определенными факторами внешней среды, могут создавать для данной личности криминогенную ситуацию.

Криминальная психология: введение в методологию познания

Зелинский, А. Ф. Криминальная психология : науч.-практ. издание. – Киев : Юринком Интер, 1999. – С. 4–8.

Известное во всем мире латинское слово «*crim*» означает преступление. Наукой о внутреннем мире человека является психология (в переводе с греч. – «учение о душе»). Криминальная психология – это наука о субъективной стороне преступления, его внутренней детерминации, личности преступника. Такие основополагающие институты (вина, вменяемость, субъективная сторона состава преступления и цели наказания) опираются на психологические представления.

Криминологическая наука, которая заявила о своей самостоятельности во второй половине XIX в., начиная со своих первых позитивистских теорий, рассматривала человека и его психику как важный объект исследования. И поныне две основные ветви криминологических теорий – биопсихологическая и социологическая – различаются между собой лишь тем, какое место в криминальной детерминации они оставляют личности преступника.

Позитивистские теории преступности и фрейдизм получили широкое распространение во многих странах, в том числе в дореволюционной России. В начале XX в. во многих университет-

ских городах России и Украины были созданы криминологические научно-исследовательские центры («кабинеты по изучению преступности и личности преступника»). В тематике исследований, проводимых сотрудниками таких центров, значительное место занимала криминальная психология. Об этом свидетельствуют заголовки научных публикаций: «Юные правонарушители» (В. И. Куфаев. Москва, 1924), «Изучение личности преступника в СССР и за границей» (Е. К. Краснушкин. Москва, 1925), «Психология хулиганства» (А. М. Халецкий. Одесса, 1928), «Уголовное право и рефлексология» (Г. И. Волков. Харьков, 1926). Исследования проводились в основном преподавателями и студентами юридических факультетов в содружестве с психиатрами и психологами. Постепенно криминально-психологическая тематика стала вырастать из рамок криминологии и оформляться в самостоятельную отрасль юриспруденции. В 1923 г. была переведена на русский язык монография немецкого криминолога М. Геринга «Криминальная психология», а через три года под таким же заголовком вышла в свет работа российского криминолога С. В. Познышева. Параллельно развивалась и судебная психология, изучавшая психологию следствия, поведения участников процесса в суде. Занимались этим преимущественно психиатры и психологи: А. Р. Лурия, П. Б. Ганнушкин, Е. К. Краснушкин, А. Е. Брусиловский, А. С. Тагер и др.

В начале 30-х гг. XX в. по обвинению в «методологических ошибках», связанных с изучением личности преступника, криминология была объявлена «буржуазной лженаукой» и почти на тридцать лет изгнана из учебных планов вузов и программ научных исследований. Восстановление чтения учебных курсов по криминологии и судебной психологии на юридических факультетах ведущих вузов СССР началось с 1964 года. Однако после сокрушительного разгрома криминология не сумела восстановить свои позиции и превратилась в несущественный придаток уголовно-правовой теории с ярко выраженной нормативистской ориентацией. Судебная психология была реанимирована как отрасль психологической науки, что нашло официальное признание в решении IV Всесоюзного съезда психологов в июне 1971 г., на котором она была представлена отдельной секцией. Со временем судебной психологией стали активно заниматься юристы, главным образом специалисты в области криминалистики (А. Р. Ратинов, А. В. Дулов, В. Е. Коновалова,

М. В. Костицкий). Развитие психологии отношений, возникающих в процессе предварительного расследования, судебного рассмотрения уголовного дела в суде и исполнения наказания в виде лишения свободы, привело к оформлению новой прикладной отрасли психологической науки – юридической психологии. И вдруг оказалось, что и переживания преступника, цинично отвергающего законы человеческие и Божьи, – это тоже юридическая (правовая) психология (В. Е. Коновалова, М. И. Еникеев, Ю. В. Чуфрановский и др.). На VII съезде Общества психологов СССР, который обсуждал проблемы юридической психологии, около 40 % докладов было посвящено вопросам преступного и иного девиантного поведения, связанного с преступностью. Почти все они были выполнены профессиональными психологами.

Судебная психология, на основе которой оформилась юридическая психология, изучает поведение участников процесса, т. е. поведение правомерное. Уголовно-исполнительная (ранее – исправительно-трудовая) психология имеет дело с законной деятельностью лиц администрации учреждения, исполняющих наказание в виде лишения свободы, а также с поведением осужденных, регулируемым соответствующими правовыми нормами. То же самое можно сказать и о психологии правотворческой деятельности и других подотраслях юридической психологии: везде речь идет о правовой регуляции. Преступное поведение правом не регулируется, наоборот, оно является отрицанием права, дерзким вызовом правопорядку. Уместно в связи с этим вспомнить, что понятия «правовая психология», «правовые переживания (эмоции)» ввел в научный оборот Л. И. Петражицкий – основоположник психологической теории права, в которой речь шла о правовых переживаниях, а не о преступлении (Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. – СПб., 1908; Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – Т. 1. – СПб., 1909). Исходя из этих соображений, считаю, что психология преступного поведения имеет мало общего с юридической (правовой) или судебной психологией, поскольку она изучает ненормативную активность, а юридическая психология, в том числе судебная, имеет своим предметом психологию участников правоотношений – процессуальных, уголовно-исполнительных и иных, – не только выступающих в ролях обвиняемого или

осужденного, но и – государственного служащего. Криминальная психология имеет непосредственное отношение и к уголовному праву, в частности к изучению субъективной стороны преступления, тем не менее центральной криминологической проблемой является личность преступника, характер преступной деятельности, форма вины, степень социального отчуждения. Поэтому криминальная психология в большей степени может выступать и как неотъемлемая часть криминологии.

Таким образом, основу криминальной психологии составляет криминальная мотивация, которая представлена субъективной стороной преступления (уголовно-правовая теория) и внутренним «механизмом» (личностным смыслом) преступного поведения (криминология). Полагаю, что объединение этих двух концепций в междотраслевой криминальной психологии пошло бы на пользу науке и практике. Этот вывод вполне соответствует общепризнанному представлению о ней как комплексной области знаний, в которой юриспруденция стыкуется с социологией и психологией, а также психиатрией, статистикой, математикой, экономикой и другими пограничными отраслями наук. Конечно, для науки неважно, кто открывает истину. Для осуществления научных исследований не имеет значения, к какому роду наук формально относится та либо иная проблема. Но для подготовки научных кадров далеко не безразлично, на базе какого вузовского образования готовить криминологов и в какой специальный совет по защите диссертаций направлять работу, выполненную по проблемам криминальной психологии. Поэтому, признавая криминальную психологию продуктом научной интеграции, следует, на мой взгляд, считать ее частью науки – криминологии.

Криминальная психология как наука

Пирожков, В. Ф. Криминальная психология. – М. : Ось-89, 2001. – С. 4–7.

Преступность и преступления как социальное явление изучаются многими науками: криминологией, уголовной статистикой, науками уголовного права и процесса, криминалистикой и, конечно, криминальной психологией. В одном и том же объ-

екте каждая из названных наук имеет свой предмет исследования, из которого вытекают свои задачи и определяется структура данной науки.

Предмет криминальной психологии. Криминальная психология, являясь самостоятельной ветвью более широкой науки – юридической психологии, изучает психические явления, факты, психологические механизмы и психологические закономерности личности преступника, совершаемых им преступлений и преступности как массового социального явления. При определении предмета криминальной психологии важно учитывать четыре момента.

Во-первых, криминальная психология, как и любая отрасль психологической науки, не ограничивается лишь изучением и описанием психики человека, в данном случае преступника, не ограничивается выявлением психологических феноменов. Она призвана их объяснить, раскрыть закономерности и механизмы преступления как деятельности. Такой подход позволяет преодолеть описательство, констатацию лишь фактов, что подменяет психологические исследования социологическими. От точного определения предмета науки зависит разработка и применение методов исследования. Специфические психологические особенности личности правонарушителя и криминальных групп, а также психологические аспекты их криминальной деятельности невозможно исследовать социологическими методами, тут нужны психологические методы исследования, адаптированные к условиям, в которых криминальной психологией изучаются преступность и преступник.

Во-вторых, данное выше определение предмета направлено против попыток сужения проблем криминальной психологии до рамок только фиксации фактов, а ведь главная задача любой науки, изучающей действительность, заключается в предвидении развития тех или иных событий. Значит, для криминальной психологии важно прогнозировать развитие криминальной ситуации в стране на основе раскрытия механизмов самовоспроизводства преступности.

В-третьих, в криминальной ситуации есть две стороны: преступник или преступная группа и пострадавший (пострадавшие). Развитие событий во многом зависит от поведения жертвы преступного посягательства. Изучение психологии потерпевших становится важной проблемой криминальной психологии.

В-четвертых, для криминальной психологии важно исследовать обстоятельства и факторы, способствовавшие формированию личности преступника или возникновению криминальной группы, и важно было бы предпринять, чтобы преступление было предупреждено. И здесь мы выходим на превентивный аспект криминально-психологических исследований.

В-пятых, для криминальной психологии первостепенное значение имеет изучение психологии преступных сообществ (какие сообщества бывают, как они возникают, каковы внутренние психологические механизмы их существования и др.).

В конце концов, изучение психологических явлений, механизмов и закономерностей в области преступности нужно для того, чтобы, используя психологические и другие рекомендованные криминальной психологией средства, можно было бы активно воздействовать на преступность, сужая сферы и формы ее проявления.

Задачи криминальной психологии. Исходя из определения предмета, можно сформулировать следующие основные задачи криминальной психологии:

- изучение психологии личности преступника, особенностей различных типов преступников, разработка их классификации;
- изучение психологии преступления как особого вида деятельности (мотивы, способы совершения, механизмы психологической защиты и самооправдания человека, совершившего общественно опасное деяние);
- изучение психологии преступных сообществ (виды сообществ – случайно возникшие, организованные преступные группы, преступные организации; особенности действия в них психологических механизмов их существования, сплочения, активности и др.);
- психологическое изучение преступности как массового социального явления (основные ее психологические характеристики, тенденции, социально-психологические причины и т. д.);
- исследование психологических механизмов воспроизводства преступности в обществе и разработка психологических способов ее профилактики;
- разработка психологических аспектов виктимологии (учение о жертвах преступного посягательства) и разработка на этой основе психологических мер обеспечения личной безопасной жизнедеятельности.

РАЗДЕЛ II

МЕХАНИЗМ И ГЕНЕЗИС ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Психологический механизм и генезис преступного поведения

Пастушеня, А. Н. Криминальная психология : учеб.-метод. комплекс. – Минск : Минский ин-т управления, 2007. – С. 15–68.

Уголовное законодательство, практика раскрытия и расследования преступлений особое значение придает правильной оценке субъективной стороны преступного деяния: установлению мотива и цели преступного деяния, психического состояния субъекта преступления, особенностей восприятия и оценки им ситуации, в связи с которой были совершены противоправные действия. Эти и другие элементы субъективной стороны преступления выступают составляющими его психологического механизма. Таким образом, **психологический механизм преступного поведения** – это совокупность и взаимосвязь психических процессов, состояний и свойств личности, а также условий социальной ситуации как факторов преступного поведения индивида. В свою очередь, **психологический генезис преступного поведения** – процесс порождения деяния во внутреннем плане, развивающегося во времени, имеющего определенные стадии и закономерности.

В психической деятельности, детерминирующей социальное поведение человека, взаимодействуют два основных процесса: процесс отражения и процесс регуляции действий, образующих поведенческий акт (поступок, деяние). **Процесс отражения** включает восприятие человеком окружающей действительности и самого себя, т. е. понимание и оценку значения условий и происходящих событий, прогнозирование их развития и последствий, осознание их личностного смысла, осмысление возможных вариантов собственных действий, а также оценку успешности их осуществления. Процесс отражения обе-

спечивает и направляет волевую регуляцию поведения индивида и неразрывно связан с ней. **Процесс регуляции** включает возникновение и развитие побуждения к действиям (т. е. мотива), цели деяния, осознание способов и плана действий, формирование решимости их осуществить и достичь цель, а также процесс исполнения намеченных действий и реализации плана. Процессы отражения и регуляции протекают индивидуально, своеобразно, их содержание обусловлено свойствами и качествами личности. Кроме того, нельзя не учитывать внешние условия, в которых действует субъект, более широкий контекст его поведения, связанный с образом жизни и выполняемыми социальными ролями. На поведение человека влияют также состояние его здоровья, нервной системы и фоновое психическое состояние, которые представляют собой внутренние условия, не относящиеся к свойствам личности. Основываясь на изложенных выше посылах, можно выделить **основные элементы психологического механизма преступного поведения:**

1. Психические процессы отражения и регуляции в преступном поведении, к которым относят **социальную перцепцию** (восприятие и оценка значения внешних условий жизнедеятельности и обстоятельств ситуации, их последствий для себя и личностно значимых ценностей, включая оценку субъектом своего положения в этих условиях и отношение к этим условиям (переживание определенных чувств); **мотивообразование** (возникновение побуждения к активности, направленной на удовлетворение потребности (притязаний, интересов и т. д.) либо разрешение проблемной ситуации). Именно возникшее побуждение и определяет субъективную необходимость принятия цели собственных действий, а также выбора способа, средств ее достижения, т. е. формирование умысла. В преступлениях, совершенных по неосторожности, проявляются мотивы уклонения от выполнения обязанности; **целеполагание** (принятие цели и способа действий, т. е. решения совершить противоправные действия для достижения желаемого результата). Цель преступного деяния выражает собой образ желаемого результата и в то же время неразрывно связана с принимаемым противоправным способом его достижения. Результатом целеполагания в умышленном преступлении является решение (установка) осуществить определенные вредо-

носные действия. В умышленных преступлениях, совершаемых в форме бездействия, субъект не совершает обязательных действий, рассчитывая на желаемый полезный для него результат, который при этом причиняет вред правоохраняемой ценности. В неосторожных преступлениях вредоносная цель отсутствует, поскольку субъект не осуществляет действия, которые он обязан совершить во избежание возможного причинения вреда, и не желает причинения вреда, но осознает или обязан осознавать возможность его наступления. **Исполнительная регуляция** представляет собой процесс реализации намеченных действий, направленных на достижение цели. Она основывается на целевой установке, которая может содержать либо только общее намерение, либо в различной мере продуманный план действий (варианты поведения при изменениях обстоятельств, действия по сокрытию следов и обеспечению алиби). Процесс исполнительной регуляции имеет обратную связь с целеполаганием и мотивообразованием посредством оценки хода событий: субъект корректирует цель, план, способ совершения своих действий; у него также могут изменяться побуждения (например, мотивация удовлетворения потребности заменяется мотивацией защиты). Процесс исполнительной регуляции происходит по закономерностям, описанным Д. Н. Узнадзе. Он включает сочетание стадий подсознательной регуляции (выполнения привычных действий без активного участия сознания) и стадии, когда сознание активизировано для коррекции плана действий на основе оценки реализации цели и изменяющихся обстоятельств. В исполнительной регуляции реализуются необходимые способности, умения, навыки, стереотипы. Этот процесс поддерживается волевыми усилиями субъекта.

2. Психологические свойства и качества личности, обуславливающие индивидуальное своеобразие и криминогенное содержание отражательно-регулятивных процессов. Каждый из указанных выше процессов имеет индивидуально-своеобразное содержание, которое предопределяется определенными психологическими свойствами личности. Знания, представления, предубеждения, перцептивные, когнитивные и эмоционально-оценочные установки (стереотипы), ценностные ориентации и отношения личности обуславливают индивидуальные особенности восприятия и оценки внеш-

них условий и обстоятельств ситуации, в которой совершается преступление. Потребности, влечения, притязания, ценностные ориентации, отношения, эмоционально-мотивационные акцентуации характера и другие свойства личности детерминируют мотивацию в преступном поведении. В свою очередь, представления, предубеждения, отношения, личностные нормы и поведенческие установки, имеющие криминогенное содержание, определяют принятие преступной цели и способа действий. Знания, умения, навыки, способности, волевые качества реализуются в исполнительной регуляции поведения.

3. Внешние условия, в качестве которых выступают условия жизнедеятельности индивида и обстоятельства ситуации. Эти условия выступают внешними детерминантами поведения, будучи индивидуально-своеобразно воспринятыми и понятыми субъектом поведения. По своим объективным особенностям они могут в разной степени способствовать совершению преступления, обуславливать формирование его мотивации и принятие субъектом преступной цели-способа. Вместе с тем влияние внешних условий всегда опосредовано их субъективным восприятием, в соответствии с которым субъект принимает решения или реагирует импульсивно.

4. Внутренние условия представляют собой функциональное и фоновое психическое состояние субъекта. Эти состояния взаимообусловлены и влияют на интенсивность мотивации, а также в некоторой мере на ее содержание. Они также влияют на волевые усилия субъекта, мобилизуя либо ослабляя их, что в свою очередь обуславливает характер принимаемых решений. Состояние опьянения как результат употребления алкоголя, наркотических, токсических или психотропных веществ влияет по существу на все указанные отражательно-регулятивные процессы, искажает их содержание, притупляет, ослабляет и т. п. Указанные внутренние условия могут активизировать либо затормаживать психическую и физическую активность субъекта, способствовать импульсивности его поведения или обуславливать искажение психических функций и тем самым влиять на характер его поведения.

5. Социальная роль, которую выполняет субъект в ситуации, связанной с преступным поведением. В различных ситуациях субъект социального поведения выполняет различные со-

циальные роли, связанные с его должностным либо семейным положением, отношениями с близкими, знакомыми людьми и т. д. Выполняя социальные роли, субъект оценивает обстоятельства ситуации, ориентируясь на свое ролевое положение и связанные с ним обязанности, статус, ожидания присутствующих. Однако в одинаковых ситуациях субъект действует в зависимости от своего ролевого положения, которому присущи различные обязанности и ожидания значимых для него лиц. Например, в одной роли он не реагирует на оскорбительное поведение другого лица, в другой роли (семьянина, друга, коллеги) он вынужден оказать воздействие на него, чтобы сохранить свое достоинство в глазах значимого человека.

Принятие преступной цели и способа реагирования как центральный элемент психологического механизма преступного поведения. Центральным (системообразующим) элементом психологического механизма преступного поведения является **целеполагание**, поскольку именно принятие субъектом решения на совершение противоправных действий, преследующих соответствующую цель, либо на умышленное бездействие определяет субъективную готовность к преступному поведению. Остальные элементы психологического механизма необходимо рассматривать как влияющие на принятие криминальной цели-способа. При этом личностные предпосылки выступают самыми существенными в принятии такой цели-способа и выражаются в совокупности психологических качеств, определяющих его субъективную допустимость, необходимость. Каждый из остальных элементов может способствовать принятию именно преступной цели-способа либо не влиять на содержание принимаемого способа. Возможен и такой вариант, когда обстоятельства ситуации или внутренние условия (функциональное и фоновое психическое состояние субъекта) являются неблагоприятными для принятия и реализации преступной цели-способа. Сдерживающее влияние может оказать субъективное восприятие ситуации как неблагоприятной или борьба мотивов. Субъект вообще может не испытывать желания совершать противоправные действия, но на него оказывают влияние другие лица, и он, не обладая достаточной антикриминальной устойчивостью и самостоятельностью, подчиняется этому влиянию, действуя иногда в силу мотивов дружеской поддержки и взаимопомощи.

Особенности взаимосвязей элементов психологического механизма преступного поведения.

Во-первых, внутренние (личностные) и внешние детерминанты противоправного поведения должны рассматриваться **в единой системе, в генетической связи этапов поведения**, а также во взаимосвязи поведения с той сферой жизнедеятельности индивида, в которую оно входит, в соотношении с его социальным статусом и реализуемой социальной ролью. При этом внешние детерминанты могут выполнять роль как причинных, так и не причинных.

Во-вторых, **личностная причина преступного поведения должна рассматриваться дифференцированно в зависимости от ее характера, степени развития (зрелости) и интенсивности проявления**. Степень зрелости криминогенной потенции личности задает особенности механизма детерминации преступного поведения. При высокой степени ее зрелости детерминация будет носить эндогенный характер, представляя актуализацию потенциальной готовности личности к противозаконным действиям с конкретизацией ее сообразно особенностям внешних условий. В этом случае в детерминации преступного поведения проявится относительно непосредственная его связь с потребностями и интересами субъекта. При недостаточной зрелости криминогенной потенции личности детерминация преступного поведения будет носить форму относительно равнозначного причинного действия внешних и внутренних факторов. Произойдет ситуативно обусловленное формирование готовности субъекта к деянию на основе личностных предпосылок. При низкой степени зрелости потенции личности к преступному поведению, которая может характеризоваться неопределенностью или противоречивостью отношения личности к преступному способу действий, детерминация такого поведения будет носить экзогенный характер. В этом случае внешние детерминанты могут рассматриваться как выполняющие роль исходной причины, порождающей готовность к действиям. Внешние условия при этом могут носить как управляющий характер (внушение, принуждение), так и ограничивающий возможность удовлетворения потребности правомерным способом.

В-третьих, необходим учет **возможности одновременного действия нескольких причинных и не причинных детер-**

минантов (и внутренних, и внешних), имеющих противоположную направленность. По мнению А. Р. Ратинова, интегральная оценка личности и ситуации с точки зрения криминогенности позволяет представить их взаимодействие как взаимное подкрепление, усиление либо ослабление, погашение друг друга. Результат взаимодействия – правомерный или противоправный – зависит от характера сочетания и сравнительной интенсивности конкурирующих факторов различной модальности (направленности).

Уровни психической регуляции в механизме преступного поведения. Психическая деятельность, детерминирующая социальное поведение индивида, в том числе и преступное, протекает при различной активности сознания и мыслительной деятельности, с различной интенсивностью переживания чувств и различной степенью привычности (освоенности) действий. Психическая регуляция любого поведения человека представляет собой сочетание сознательной и бессознательной (подсознательной) регуляции. **Сознательная регуляция** обозначается еще такими понятиями, как произвольная, расчетливо мотивированная, надситуативная, активная (в отличие от реактивной). **Подсознательная** определяется как непроизвольная, импульсивная, реактивная, стереотипная и т. п. В связи с этим можно условно выделить различные уровни психической регуляции поведения в диапазоне от уровня сознания до уровня подсознания. Эти уровни представляют интеллектуальную, эмоциональную и импульсивную регуляцию поведения.

Интеллектуальная регуляция преступного поведения проявляется в процессах осмысленного, расчетливо-рассудительного формирования готовности к деянию и ее коррекции при осуществлении намеченных действий. Такая регуляция присуща всем отражательно-регулятивным процессам. Например, при восприятии условий и обстоятельств субъект стремится детально изучить складывающуюся обстановку, обратить внимание на значимые ее элементы, оценить возможные последствия. В результате такой оценки у него возникает логическое умозаключение и понимание значения для себя (своих ценностей, потребностей, жизненных интересов) происходящих событий и их последствий. Сознательная оценка приводит к осознанию необходимости действовать, чтобы достичь лич-

носно ценного результата или избежать отрицательных последствий. Это осознание и определяет мотивацию поведения субъекта. Процесс целеполагания, в свою очередь, связан с анализом возможных способов и вариантов поведения, прогнозированием их последствий, выбором наиболее приемлемого из них, с выработкой плана действий, обдумыванием вариантов поведения при изменении обстоятельств, способов сокрытия следов, создания алиби и т. п. Одна из важных закономерностей интеллектуальной регуляции заключается в том, что произвольное, интеллектуально регулируемое действие, будучи связанным в своих истоках с потребностями, непосредственно из них не вытекает, а опосредуется через осознанную цель, которая перестает быть прямой проекцией влечений (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев). Исполнительная регуляция также может осуществляться при высокой мобилизованности сознания (умственной деятельности), в результате чего субъект осмысливает успешность своих действий, изменяющуюся обстановку, корректирует цель, способы действий, т. е. принимает решения в процессе исполнения намеченного плана. Интеллектуальная регуляция осуществляется в соответствии с определенными субъективными принципами оценки обстоятельств и принятия решений. Один из них – принцип **ценностиности**. Он заключается в том, что субъект оценивает значение обстоятельств и принимает решение на основе личностных ценностей. Он стремится защитить личностно значимые ценности (имущество, близких людей, собственное достоинство, свой статус и т. д.), овладеть ценностями (приобрести предметы имущества, социальное положение, испытать развлечения и т. д.) или принести блага ценностям (близкому человеку, группе, своему положению и т. д.). В то же время субъект стремится действовать вредоносно в отношении тех объектов (людей, государственных институтов, объектов предметной среды), которые для него имеют отрицательное значение, т. е. представляют антиценности. Второй – принцип **нормативности** – заключается в том, что человек оценивает окружающую действительность и принимает решения в соответствии с личностными нормами, т. е. убеждениями о том, что правильно, необходимо, допустимо и что недозволительно. Третий – принцип **рациональности** – означает стремление субъекта избирать такие варианты удовлетворения потребностей, выхода из проблемной ситуации,

которые требуют наименьших затрат физических и душевных сил, материальных издержек, более быстрые и приносят более ощутимый результат. Приверженность тому или иному принципу поведения обусловлена соответствующими качествами личности (склонностями, индивидуальным стилем принятия решений), особенностями ситуации. Основными свойствами личности, которые реализуются в процессах интеллектуальной регуляции, выступают знания, представления и убеждения о значении различных явлений социальной действительности, включая и значение собственной активности, в том числе и для себя. Представления о значении тех или иных явлений для себя являются **смыслообразующими представлениями личности**. Эти представления образуют когнитивный, смысловой компонент отношений личности к объектам и явлениям социальной среды, видам деятельности, поступкам. Он связан с личностными ценностями, нормами, идеалами и др. Интеллектуальная регуляция проявляется в преступных деяниях насильственного и корыстного типов, которые предварительно планируются и готовятся. Она также может проявляться при совершении преступлений в случайно возникших ситуациях, но при этом преступник в силу умственных способностей и преступного опыта взвешивает обстоятельства и стремится принять рациональное решение. Однако даже при ясном сознательном представлении о конкурирующих мотивах и способах действий смысловое преимущество одного из них не определяет с необходимостью его реальный выбор. Мотив и цель возникают в результате наложения действия других процессов и уровней регуляции.

Эмоциональная регуляция преступного поведения проявляется в том, что подготовка деяния во внутреннем плане основывается на эмоционально-оценочном отражении действительности, чувственном характере мотивообразования и целеполагания, ориентированных преимущественно на ситуацию текущего времени. Иными словами, оценка событий, поведения других людей, возможных вариантов собственного поведения и принятие решений происходит под влиянием чувств. В определенные периоды, при определенных обстоятельствах и состояниях нервной системы субъект может действовать преимущественно по воле чувств. Эмоциональная регуляция может быть отнесена к промежуточному уровню (между сознани-

ем и подсознанием) психической регуляции поведения. Эмоции, переживаемые в связи с восприятием явлений, а также касающиеся собственного поведения (деятельности), представляют собой чувственный компонент отношений к ним субъекта. Ранее пережитые эмоции, будучи зафиксированными в памяти, формируют чувства по отношению к явлениям социальной действительности, видам деятельности и поступкам, которые представляют собой психологические свойства личности. Чувства создают системы оценок, которые, в свою очередь, обуславливают содержательную сторону психической деятельности, проявляясь в эмоционально-образном компоненте мышления. Этот компонент имеет относительную самостоятельность: эмоционально-образное содержание может как гармонизировать с рационально-логическим, так и противоречить ему. Актуальное переживание чувств, имея определенную интенсивность и модальность, обуславливает также и динамическую сторону поведения. В психологических исследованиях установлена прямая связь уровня интенсивности переживаний чувств с реактивностью поведения. Эмоциональная регуляция подчиняется гедонистическому принципу: человек стремится совершать такие поступки, которые для него чувственно благоприятны или приносят разрядку эмоциональным переживаниям, и избегает совершения поступков чувственно неприятных. Такая регуляция в преступном поведении чаще проявляется у лиц, склонных к эмоциональному реагированию на происходящие события, характеризующихся эмоциональной неустойчивостью, повышенной эмотивностью и экзальтированностью. При этом они, действуя по воле чувств, нередко понимают, что поступают неразумно, в ущерб своим интересам и осознают неизбежность отрицательных последствий для самих себя. Психологическими свойствами личности, которые проявляются в эмоциональной регуляции, выступают чувства, окрашенные отношения, эмоционально-оценочные стереотипы и эмоционально-мотивационные установки.

Импульсивная регуляция преступного поведения выражается в поступках, которые совершаются в значительной мере произвольно или послепроизвольно, в силу привычки, стереотипов, автоматизмов, а также в связи с интенсивно переживаемым влечением, аффектом, стрессом, измененным состоянием сознания, в том числе в результате употребления алкоголя

или других одурманивающих веществ. В литературе имеются данные о совершении преступлений в результате гипнотически внушенной программы, что также можно отнести к указанному уровню регуляции поведения. Такая регуляция проявляется в типичных для субъекта ситуациях или при решении типичных практических задач, в состоянии нервно-психического напряжения (стресса, аффекта) или при дефиците времени. В этих случаях субъект действует наиболее привычным образом или хаотично и бессмысленно, реализуя при этом усвоенные шаблоны, стереотипы. Импульсивное поведение в значительной степени носит характер реагирования и в большей мере характерно для насильственных преступлений, совершаемых при обострении конфликта или в некоторых случаях при совершении «карманных краж», как реакция на воспринятый стимул. Импульсивная регуляция ориентирована на ситуацию текущего времени, актуально переживаемую потребность (влечение) и осуществляется на основе поведенческих установок, которые можно отнести к автоматизмам (стереотипы, навыки, привычки, безусловно-рефлекторные и условно-рефлекторные программы). В норме автоматизмы являются компонентом сознательно регулируемого действия, в то время как обособление импульсивного поведения указывает на патологию, уменьшение вменяемости. Как показывают исследования психологов (Э. А. Консталов, Ю. Л. Арзуманов), принятие решения в произвольной деятельности может осуществляться без осознания внешних сигналов, вызывающих этот психический процесс по механизму условного рефлекса, а целеполагание может быть наряду с произвольным также и непроизвольным (О. К. Тихомиров). Основным видом психологических свойств личности, реализующимся в процессе импульсивной регуляции поведения, является поведенческая установка, которая, по мнению Д. Н. Узнадзе, ложится в основу и импульсивного, и сознательно-волевого поведения. Однако в одном случае она создается актуальной ситуацией, в другом – воображаемой. При этом различаются установки, сформированные посредством убеждения, внушения, объяснения (т. е. вербальными и наглядно-образными средствами), и установки, возникшие в результате самостоятельного осуществления действий, их повторения. Последние представляют собой более зрелую готовность к деянию – стереотип, навык. Рассматривая установку как свойство

личности, А. Р. Ратинов определяет ее как сформированную на основе прошлого опыта предрасположенность воспринимать и оценивать какой-либо объект определенным образом и готовность действовать в отношении его в соответствии с этой оценкой. В психологическом словаре выделяются три вида установок – смысловые, целевые и операциональные (в зависимости от того, на какой «фактор деятельности» они направлены – мотив, цель, условие деятельности). Смысловая установка направлена на мотив и выражает отношение к тем объектам, которые имеют личностный смысл. Целевая установка порождает цель, принятие соответствующего способа ее достижения и определяет устойчивый характер протекания действия. Операциональная установка имеет место в ходе действий и обусловлена прошлым опытом поведения в подобных ситуациях, т. е. проявляется в умениях и навыках. Изучение импульсивной регуляции поведения требует учета двух ее видов: на фоне относительно уравновешенного нервно-психического состояния и на фоне высокого уровня нервно-психического возбуждения или напряжения, выражающегося в состояниях аффекта и стресса. Последний вид импульсивной регуляции может рассматриваться как относительно самостоятельный, поскольку он представляет специфический процесс. Действия, совершаемые в состоянии аффекта, отличаются высокой интенсивностью переживания чувств, которая приводит к генерализованному динамическому эффекту. В этом случае, как отмечает С. Л. Рубинштейн, динамические моменты преобладают над избирательной направленностью действий, нарушаются обобщенные схемы действий. В таком состоянии незначительный повод может вызвать разрядку в виде импульсивного действия, направленного даже не на источник напряжения, а в другое русло, обладающее некоторой притягательной силой, или вызвать дезорганизацию (срыв) поведения. Данное явление представляет сдвиг мотива поведения на разрядку аффекта. Аффективное поведение имеет определенные особенности, значимые для психологического анализа преступлений, совершаемых в состоянии аффекта:

- в состоянии аффекта снижается критичность собственных действий и предвидение их последствий, субъект ориентирован только на импульсивно принятую цель;
- возникновение состояния аффекта может иметь относительно длительный этап накопления эмоционального напря-

жения (потенциала), например в результате систематических оскорблений потерпевшим лица, которое впоследствии совершило насильственные действия;

- аффективное состояние возникает при превышении порога нервного напряжения, который индивидуально-специфичен для каждого человека и зависит от свойств нервной системы (силы, уравновешенности, эмоциональной устойчивости), а также от внешних факторов – систематических отрицательных воздействий, в результате которых накопился психоэмоциональный потенциал, или дефицита времени, опасности ситуации и т. п.;

- объектом насильственного посягательства в состоянии аффекта иногда может выступить не тот человек, который явился причиной этого состояния, а другой, который дал повод для разрядки;

- в аффективном поведении может реализовываться привычная программа действий (стереотип, навык, поведенческая установка), а может исполняться программа, внушенная субъекту другим человеком или самому себе в результате представлений в своем воображении, фантазиях, например, насильственных действий, которые он совершает в отношении некоего человека из чувства мести или в связи с сексуальным влечением и т. д.;

- совершение преступления в состоянии аффекта может сопровождаться частичной и в редких случаях полной амнезией (запоминание частичное или вытеснение из памяти);

- аффективное поведение может быть также обусловлено психическими аномалиями индивида – неврозами, посттравматическими расстройствами, психопатиями, эпилепсией, остаточными явлениями черепно-мозговых травм, алкоголизмом, наркоманией и др.

Функциональная взаимосвязь различных уровней психической регуляции и их обусловленность. Рассмотренные выше структурные уровни психической регуляции преступного поведения функционально взаимосвязаны. Порождение актуальной готовности к деянию, включающей в себя мотив и цель, может происходить на различных уровнях психической регуляции, в которых реализуются соответствующие психологические свойства личности. При этом содержание этих свойств,

может как гармонизировать, так и иметь противоречие. Например, в отношении одного и того же способа действий индивид может испытывать отрицательные чувства и в то же время осознавать его положительное значение для достижения личностно ценного результата. Либо способ действий, являющийся для индивида привычным, может приобрести в результате некоторого события отрицательный личностный смысл. В связи с этим возникает вопрос: какой процесс и какое свойство личности будут выступать определяющими в целеполагании при их противоречивости: смыслообразующее убеждение, чувство либо привычка (поведенческая установка)? В научной психологической литературе излагаются положения, которые имеют значение для ответа на этот вопрос.

В. Н. Мясищев обращал внимание на связь простоты-сложности поведенческих актов и условий, в которых они осуществляются, с механизмами их регулирования. В примитивных условиях доминирует эмоциональная и импульсивная регуляция поведения, а в сложных условиях и по мере развития личности – интеллектуальная.

В теории установки Д. Н. Узнадзе и его последователи обосновывают взаимосвязь интеллектуального и импульсивного уровней (процессов) по принципу сменяющих друг друга стадий и функций психической регуляции поведения: подготавливающую и направляющую функцию – интеллектуальная регуляция («объективация») и исполнительную функцию – импульсивная регуляция.

Общим функциональным принципом взаимосвязи структурных механизмов психической регуляции является **принцип доминирования-дополнения**: в каждый момент психической деятельности один из уровней (и процессов) является доминирующим, а остальные дополняют регуляцию. Дополнение может выражаться как во взаимном усилении возникающего стремления, так и в погашении стремления, когда содержание этих процессов противоречиво. Доминирование одного из механизмов (процессов) может иметь различную степень проявления: от максимально выраженного до минимального. Доминирование того или иного уровня регуляции определяется рядом факторов: а) сложностью и новизной внешних условий и действий, требующими мыслительной деятельности, или их

простотой и привычностью, предопределяющими реализацию сложившихся стереотипов; б) характером фонового психического и функционального состояния субъекта (эмоциональное возбуждение, депрессия и т. д.); в) индивидуально-типологическими особенностями субъекта. Индивидуальные предпосылки доминирования определенного уровня психической регуляции выражают склонность к действиям на основе разумного расчета, либо силу чувств, либо по привычному варианту, а также склонность к аффективному реагированию. Так, С. Л. Рубинштейн указывал на индивидуальные различия в эмоциональной возбудимости и устойчивости, в импульсивности и рассудительности, самостоятельности и внушаемости. И. П. Павлов выделил психологические типы людей на основе соотношения в психической деятельности первой и второй сигнальных систем: «мыслительный», «художественный» и «средний». Д. Н. Узнадзе отметил типы по способности к объективации и к волевым усилиям в направлении объективированных целей. Указанные склонности как индивидуально-типологические свойства эмпирически обосновываются в типологических концепциях личности (Г. Айзенк, С. Хаттэй, Дж. Маккинли, К. Леонгард, Х. Смишек, А. Е. Личко), в концепции черт личности (Р. Кэттелл) и в интегрирующей эти подходы структурно-иерархической модели личности (В. М. Мельников, Л. Т. Ямпольский). В качестве таких свойств выступают: эмоциональная устойчивость, расчетливость, озабоченность, аффекто-тимия, импульсивность, конформность, самостоятельность, внушаемость, склонность к продуктивному или репродуктивному мышлению и др.

Психологический генезис преступного поведения. Генезис (от греч. *genesis* – «происхождение», «возникновение») – зарождение и последующий процесс развития, приведший к определенному состоянию, явлению. Психологический генезис преступления – развивающийся во времени процесс психической деятельности, подготавливающей во внутреннем плане и регулирующей совершение индивидом уголовно наказуемого деяния. Познание психологической природы генезиса преступления – один из аспектов изучения отражательно-регулятивной психической деятельности субъекта в процессе ее развития, детерминированного внутренними и внешними фак-

торами. Такой подход к изучению преступного поведения направлен на воссоздание психологической картины преступного деяния, процесса формирования основных составляющих его субъективной стороны (восприятия ситуации, мотивов, целей, состояния субъекта и др.) и играет важную роль в установлении истины по делу (правильной квалификации состава преступления, оценки личности преступника, проведения судебно-психологической экспертизы).

Методологической основой изучения генезиса преступления является принцип развития. Фундаментальной характеристикой развития являются интегральный характер изменений психических состояний субъекта, их определенная направленность и преемственность этапов психической деятельности: каждая последующая стадия процесса вырастает из предыдущей, является ее внутренним условием, и поэтому все стадии неразрывно (недизъюнктивно) связаны между собой генетически.

Психические процессы обуславливают друг друга и могут образовывать «кольцевые связи», когда субъект неоднократно обдумывает обстоятельства и события, уточняет их, меняет свои намерения, снова обдумывает и т. п. Такие «связи» процессов, обеспечивающих формирование готовности к преступному посягательству, характерны для генезиса преступлений с продолжительной стадией подготовки. При этом формирование указанной готовности может иметь перерывы, однако результат каждого этапа этой деятельности фиксируется в памяти и получает некоторое преобразование под влиянием восприятия других событий и последующей психической деятельности.

В импульсивном поведенческом акте проявление рассмотренных функций носит свернутый характер: возникновение готовности к деянию в этом случае представляет собой актуализацию психических образований личности, выражающих ранее сформированную готовность к действиям в аналогичных ситуациях.

Центральным этапом в генезисе преступления является формирование готовности субъекта к совершению противоправных действий. Формирование такой готовности является результатом совокупности различных психических процессов: социальной перцепции, мотивообразования, целеполагания,

связанных с ними интеллектуальных, эмоциональных, волевых процессов, а также процессов импульсивной актуализации поведенческих установок (стереотипов). Системообразующим элементом готовности к преступному посягательству выступает криминальная поведенческая установка, выражающая преступную цель-способ и волевою решимость ее достижения. Остальные составляющие данного процесса должны анализироваться с точки зрения их роли в возникновении и реализации этой установки.

Для совершения общественно опасных действий необходима достаточно зрелая волевая решимость субъекта: ясность представления о том, как необходимо действовать и какого результата нужно достичь, а также уверенность, что принимаемая преступная цель (и способ) является оправданной, правильной, единственно возможной или вынужденной в связи с неприемлемостью других вариантов поведения. В некоторых случаях обнаруживается разделенность по времени этапов формирования цели-способа и возникновения достаточно зрелой волевой решимости действовать. Некоторые преступники отмечают, что в течение определенного времени они имели продуманный вариант совершения незаконного деяния, но не решались на его осуществление. Они отмечали наличие психологического барьера: «что-то сдерживало», «похоже на то, как трудно сделать первый шаг в опасном деле», «какая-то боязнь». Это свидетельствует о том, что наряду с содержательной зрелостью готовности к противозаконному поведенческому акту существует и ее зрелость в волевом плане. Ее возникновение обусловлено периодом времени, необходимым для укрепления решимости совершить действия. В то же время обнаруживается, что волевая решимость зависит от интенсивности побуждения, обусловливаемой остротой проблемной ситуации или скоротечностью представившейся благоприятной возможности получить желаемый результат противозаконным путем. Чем интенсивнее побуждение, тем меньшая степень содержательной зрелости готовности является достаточной для возникновения решимости действовать. В этом случае субъект может приступать к совершению преступных действий, представляя лишь первые шаги своего деяния. Такая импульсивность поведения зависит от индивидуально-психологических особенностей, связанных

с темпераментом, наличием психических аномалий, а также от нервно-психического состояния субъекта.

Генезис конкретного преступления может охватывать также и формирование криминогенной склонности личности, если оно изначально связано с совокупностью причин данного преступления (например, формирование склонности к совершению физического насилия в отношении лица, со стороны которого субъект, будучи вначале законопослушным человеком, постоянно испытывал унижение и физическое подавление).

Методические требования к изучению психологического генезиса преступного поведения. Изучение психологического генезиса преступления предусматривает анализ психической деятельности подозреваемого, в результате которой возникло состояние готовности к совершению деяния и осуществлена реализация этой готовности в преступных действиях. Такой анализ является ретроспективным, осуществляется последовательно во времени, начиная от исходного этапа действия внешней или внутренней причины (например, конфликтной ситуации с потерпевшим или актуализации потребности, мотивировавшей последующие преступные действия). В процессе изучения выясняются различные элементы отражательно-регулятивной психической деятельности субъекта преступления: восприятие им социальных условий и обстоятельств ситуации; формирование образа воспринимаемых обстоятельств и событий; акты мышления по поводу оценки значения обстоятельств и событий; переживание чувств, желаний и стремлений в связи с воспринятым; предположения и ожидания в связи с развитием событий; возникавшие побуждения и намерения; анализируемые способы действий, представления об их возможных результатах и последствиях; принятие решения о способе действий и связанные с ним ожидания, переживание чувств; формирование плана действий; нервно-психическое состояние, сопровождающее процесс формирования готовности и ее реализацию, и т. д.

Изучение психологического генезиса преступления, связанных с ним психических явлений осуществляется с помощью ответа на вопросы: что субъект воспринимал в той или иной ситуации, как он это оценивал, что думал по этому поводу, что предвидел или предчувствовал, какие испытывал желания, чув-

ства, как решал действовать, какие испытывал сомнения, опасения, почему не стал действовать иначе или почему изменил решение и т. д.? Такого характера вопросы позволяют последовательно во времени получать «срезы» интегрального состояния субъекта, представляющего собой результаты отражательно-регулятивных процессов на определенный момент времени.

Изучение генезиса преступления имеет сложности, связанные с осознанием и вербальным отображением (коммуницированием) собственных состояний, а также искажением или ложью, мотивированной желанием подозреваемого представить себя в более положительном плане. В связи с этим для большей точности познания целесообразно стимулировать сравнение респондентом своих переживаний, их детальное описание, фиксировать невербальные признаки анализируемых переживаний. Также необходимо использовать проективные задания, например предложить представить мысли, переживания, побуждения и другие элементы психической деятельности человека, совершающего аналогичные действия или оказавшегося в аналогичных условиях. В этих целях целесообразно помнить основное требование к постановке вопросов респонденту: недопущение в их формулировке подсказки, ориентирующей на использование конкретных терминов, обозначающих то или иное психическое явление, которое мог переживать испытуемый.

Типы психологического генезиса преступного поведения. Различия генезиса преступлений, совершаемых разными лицами, обуславливаются, с одной стороны, криминогенно значимыми особенностями личности преступника, его фоновым психическим состоянием и актуальной социальной ролью, с другой – характером внешних условий. Можно выделить ряд общих типов генезиса возникновения состояния готовности индивида к совершению преступного деяния, в которых проявляются различные типы личностных предпосылок совершения преступного деяния.

Первый тип имеет следующую схему процесса возникновения готовности к преступному посягательству. На начальном этапе у субъекта актуализируется потребность в совершении определенного преступного деяния, предметом которой является не только желаемый объективный результат, но и в значительной мере сам процесс его совершения. Испытывая по-

буждение, субъект одновременно осознает преступный способ его удовлетворения. Криминальное влечение может актуализироваться как независимо от обстоятельств ситуации (эндогенно), так и при стечении обстоятельств, стимулирующих его актуализацию. Далее субъект осуществляет поиск приемлемого объекта посягательства и при его обнаружении оценивает благоприятность условий для совершения преступления. При необходимости ожидает подходящих условий или стремится их создать. При возникновении таких условий у субъекта возникает криминальная целевая установка, т. е. состояние готовности к преступным действиям, и он совершает преступное посягательство. Такой тип генезиса преступления характерен для совершения карманных краж, мошенничества, истязаний, хулиганских проявлений, сексуально-насильственных преступлений и наблюдается у лиц, имеющих криминальные влечения.

Второй тип характеризуется актуализацией определенной потребности или возникновением проблемной ситуации, когда субъект внутренне непротиворечиво принимает преступный способ действий как наиболее предпочтительный по сравнению с правомерным, поскольку и далее подготавливает и совершает преступление. Этот тип генезиса проявляется при совершении корыстных (корыстно-насильственных) и сексуально-насильственных преступлений, а также насильственных действий в конфликтной ситуации. Он характерен для лиц, неоднократно совершавших аналогичные преступные деяния. Индивид уже изначально привержен преступному способу действий, и для него не стоит вопрос принципиального выбора. При совершении корыстных преступлений исходным этапом генезиса является актуализация побуждения добыть материальные средства и одновременно установки на использование преступного способа действий, типичного для преступника. Последующий этап выражается в поиске благоприятных возможностей реализовать преступный способ, осмыслении приемлемого варианта преступных действий и в принятии решения по его осуществлению. При совершении сексуально-насильственного преступления умысел возникает в результате актуализации сексуального влечения и намерения использовать насильственный способ для его удовлетворения. Влечение и намерение актуализируются реактивно при восприятии конкретного лица женского пола,

когда субъект оценивает приемлемость совершения сексуально-насильственных действий. Оценка часто связана с представлением субъекта о категории лиц женского пола, в отношении которых эти действия вполне допустимы и не будут иметь отрицательных последствий, например мести с их стороны.

Третий тип характерен для преступлений, совершаемых субъектами при исключительно благоприятных условиях, которые представляют не только достаточную возможность получения ценного результата преступным способом, но и максимальную безопасность. Этот тип генезиса наблюдается при совершении коррупционных преступлений, хищений и реже вредоносных действий, направленных на избавление от другого человека (от вреда с его стороны; необходимости возвращать ему долг или платить дань; от его эксплуатации; для безраздельного завладения общим с ним имуществом или в связи с желанием избавиться от его опеки, контроля и т. п.). В обычных условиях для индивида не возникает проблемы выбора способа, обеспечивающего удовлетворение потребности или разрешение проблемной ситуации, поскольку правомерный способ является для него приемлемым и он не испытывает побуждения к поиску противозаконной альтернативы. Принятие же преступного способа носит характер отклика на предоставившуюся исключительно благоприятную возможность совершения преступления. Субъект, как правило, детально осмысливает такую возможность с точки зрения избежания юридической ответственности и других отрицательных последствий, предпринимает усилия для повышения гарантии собственной безопасности и, поверив в нее, совершает преступные действия.

Четвертый тип отличается тем, что индивид совершает преступление в результате вынужденного, внутренне противоречивого принятия преступного способа действий, поскольку считает, что удовлетворение потребности или разрешение проблемной ситуации невозможно обеспечить правомерным путем, и при этом не желает оставить эту потребность без удовлетворения или ситуацию без разрешения. Такой тип генезиса характерен для первых эпизодов корыстных преступлений (кражи, хищения с использованием должностного положения, мошенничество), а также для тяжких насильственных преступлений (убийства, причинение тяжких телесных повреждений)

в отношении лица, от которого субъект желает избавиться. При совершении корыстных преступлений первоначальный этап генезиса выражается в обострении материальной потребности (потеря работы, нерациональные растраты, подвергание вымогательству, алкогольная или наркотическая зависимость, обман со стороны партнеров по бизнесу и т. д.) или в связи с повышением уровня материальных притязаний. Возникшее побуждение удовлетворить материальную потребность направляет на поиск способов ее удовлетворения. Вначале этот поиск осуществляется из некриминальных, но не найдя достаточно результативного способа, происходит внутренне противоречивое, сопряженное с борьбой мотивов формирование психологической приемлемости противозаконного способа. Когда такая приемлемость становится достаточно зрелой, конкретная преступная цель принимается либо в случайно возникшей ситуации, субъективно оцененной как благоприятная для совершения корыстного преступления, либо путем предварительного продумывания конкретного варианта решения материальной проблемы криминальным путем. Далее происходит выбор подходящего объекта и приискание условий для посягательства. Аналогично развивается генезис насильственного преступления, когда индивид, не находя приемлемого способа избавиться от человека, который создает ему проблему, испытывая борьбу мотивов, допускает возможность совершения насилия (лично или с помощью другого человека) и, осуществив подготовку, реализует свой умысел либо совершает насильственные действия, импульсивно реагируя на действия потерпевшего в конфликтной ситуации с ним.

Пятый тип проявляется при совершении преступления как реакции на обстоятельства ситуации или действия (положение) потерпевшего. Реакция проявляется в результате оценки обстоятельств как благоприятных для получения ценного результата преступным путем либо как вынуждающих совершить противоправные действия для избежания негативных для себя последствий. Такой тип генезиса характерен для лиц, имеющих достаточно зрелую криминогенную склонность. На начальном этапе генезиса корыстных преступлений субъект не испытывает актуальной потребности материального характера и, следовательно, у него отсутствует побуждение в получении

имущественного результата. Этот мотив возникает реактивно в результате восприятия ситуации и осознания возможности получить материальный результат противозаконным способом. Возникновение побуждения одновременно влечет актуализацию криминальной установки и волевой решимости осуществить противозаконные действия. Основную роль в криминогенной оценке ситуации играет перцептивная установка субъекта, которая подсознательно ориентирует его внимание на выявление возможности незаконного завладения материальными ценностями («Можно ли здесь это украсть?», «Можно ли этого человека обмануть с корыстной целью?» и т. п.). Один из возможных вариантов данного типа генезиса преступления проявляется в изменении цели с насильственной на корыстную. В этом случае, совершая насильственные действия, преступник первоначально не имеет намерения завладеть имуществом потерпевшего, однако, повергнув его в беспомощное состояние, осознает такую возможность и использует ее из корыстных побуждений, а также для причинения потерпевшему более существенного вреда. При совершении сексуально-насильственных преступлений субъект оценивает состояние потерпевшей как беспомощное или безвыходное, а так же то, что она не будет в последующем предпринимать усилия для его привлечения к ответственности. Оценка положения потерпевшей и побуждение к совершению изнасилования могут возникнуть у субъекта и под влиянием иных лиц, например тех, которые уже совершили в отношении жертвы действия насильственного характера. В рассматриваемом типе генезиса насильственных преступлений исходным моментом является отрицательная оценка поведения другого человека (или нескольких человек), в результате которой у субъекта возникает негативная эмоциональная реакция (обида, гнев) с агрессивным побуждением и установкой причинить этому человеку физический или иной вред. Такое агрессивное побуждение может возникать у субъекта в результате оценки им действий другого человека как ущемляющих его интересы либо не соответствующих его притязаниям на доминирование, затрудняющих его самовыражение, либо в связи с желанием избавиться от человека с целью сокрытия другого преступления.

Шестой тип характерен для преступлений, совершаемых в состоянии аффекта, возникшем в связи с конфликтом или восприятием некоторого события. У субъекта происходит бурное переживание отрицательного чувства (гнева, обиды, ревности), как правило, в результате действий потерпевшего, которые расцениваются как причиняющие вред интересам и личному достоинству субъекта (оскорбление, обман, измена, применение физической силы и т. д.), либо в связи с информацией о вредоносных поступках человека. Далее преступник совершает насильственные или иные вредоносные действия, которые приносят разрядку его аффективному состоянию. В значительной части случаев такое состояние возникает на фоне алкогольного опьянения в результате событий, не связанных с поведением потерпевшего, который случайно становится объектом посягательства. В состоянии аффекта преступник иногда «бессмысленно» продолжает причинение повреждений потерпевшему, потерявшему сознание или уже скончавшемуся. В этом случае может действовать мотивация «борьбы с собственным страхом».

Седьмой тип проявляется в постепенном нарастании опасности противоправных действий в процессе их совершения, т. е. в эскалации насилия или иного вреда. Этот тип представляет собой разновидность предыдущего типа и характерен для насильственных, корыстно-насильственных и сексуально-насильственных преступлений. Он наблюдается у лиц, впервые совершающих преступление, а также у рецидивистов. Первоначальное намерение субъекта не нацелено на причинение существенного вреда потерпевшему, однако в процессе обострения с ним конфликта в ответ на его противодействие и угрозы у преступника возникает умысел на причинение более тяжкого вреда. Этот процесс происходит на фоне усиливающегося нервно-психического возбуждения. Ситуативное формирование криминальной установки носит «прогрессирующий» характер и выражается в приемлемости совершения более тяжких вредоносных действий при возрастании противодействия потерпевшего или на меры пресечения преступления. Например, в результате причинения потерпевшему менее тяжкого физического вреда у преступника возникает опасение, что он может обратиться в правоохранительные органы либо организовать

в отношении его физическую расправу. Это опасение побуждает преступника обеспечить свою безопасность, и он принимает решение совершить убийство потерпевшего. Такой тип генезиса сексуально-насильственных преступлений выражается в актуализации вначале у индивида сексуального влечения без намерения совершить преступное насилие и формирования впоследствии такого намерения из-за безуспешности попыток добиться интимной близости с потерпевшей. При этом побуждение к противоправным действиям иногда провоцируется ее поведением, которое дает основания субъекту рассчитывать на согласие вступить с ним в интимные отношения. Отказ от интимной близости субъект воспринимает вначале как формальный. В результате он более явно применяет силу, что обостряет сопротивление потерпевшей и в то же время приводит к формированию у преступника агрессивного побуждения и намерения добиться цели любой ценой вплоть до явного физического насилия с нанесением побоев.

Восьмой тип отличается тем, что преступные действия субъект совершает под влиянием других лиц, склоняющих его к совершению противозаконного деяния. Возникновение криминального умысла может происходить в результате формирования приемлемости совершения преступления под влиянием других лиц. В данном типе генезиса преступления проявляется отсутствие антикриминальной устойчивости личности, податливость субъекта криминогенному воздействию. При этом субъект может испытывать противоречивое или даже преимущественно отрицательное отношение к преступному деянию. Данный тип генезиса наблюдается при первых эпизодах корыстных преступлений у лиц, которые стремились воздерживаться от совершения преступлений, при совершении насильственных деяний в результате подстрекательства, которое может выражаться в формировании у преступника отрицательного отношения к потерпевшему в результате сложившихся конфликтных отношений, а также при формировании криминальной цели.

Девятый тип характеризуется совершением субъектом преступления в результате конформного поведения в составе группы. Исходным этапом в генезисе данного типа является формирование у субъекта установки на включенность в групповую

динамику. В результате у него возникает готовность следовать общим намерениям или намерениям лидера, поддерживать групповые цели. Эта готовность реализуется в преступном поведении как поддержка инициативы наиболее влиятельных членов группы, следование их примеру или как пассивное присутствие при совершении преступных действий членами группы. Последний тип поведения мотивирован опасением вызвать отрицательную реакцию или расправу со стороны членов криминальной общности, психологическим барьером, блокирующим уход из сложившейся ситуации или недопущение преступных действий членов группы, либо непониманием уголовной ответственности за пассивное соучастие в преступлении.

Объяснительные модели преступного поведения

Криминальная психология: теоретические и методологические аспекты науки / О. А. Ахвердова [и др.]. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2009. – С. 95–105.

Схему механизма преступного поведения можно представить с помощью следующего примера (В. Н. Кудрявцев): у человека сформировалась мотивация жить не хуже высокообеспеченных граждан и добиться высокого материального уровня. Для удовлетворения этой потребности человек может принять одно из следующих решений: избрать законный путь достижения благополучия (окончить юридический институт, изучить иностранные языки и поступить на высокооплачиваемую работу) либо встать на преступный путь обогащения (кража, вымогательство и т. п.). Однако решение о краже может быть не реализовано, например, в результате надежной охраны объекта планируемого посягательства. Если же преступление было совершено, решаются вопросы, связанные с использованием похищенного имущества, сокрытием следов преступления, и иные. Теперь рассмотрим основные этапы механизма преступного поведения.

• **Мотивация:** процесс возникновения, формирования мотива преступного поведения и его цели. Мотив поведения – это внутреннее побуждение к действию, желание, определяемое потребностями, интересами, чувствами, возникшими и обострив-

шимися под влиянием внешней среды и конкретной ситуации. Вслед за мотивом формируется цель как предвидимый и желаемый результат определенного деяния.

- **Принятие решения** о совершении преступления: прогнозирование возможных последствий реализации возникшего желания, планирование поведения с учетом реально сложившейся обстановки, собственных возможностей и других обстоятельств, а также выбор средств. После того как у человека под влиянием ситуации и имеющихся потребностей, интересов, чувств возникла установка на определенное поведение, наступает некоторая задержка. Как правило, человек не действует сразу в соответствии с этой установкой, а соотносит ее с существующими в обществе моральными, правовыми и иными нормами, с общественным и групповым мнением, с мнением близких лиц. Кроме того, он учитывает объективные факторы, в том числе: состояние внешнего социального контроля (систему охраны объекта или состояние учета на предприятии и т. п.); практику выявления, пресечения преступления и наказания виновных; взвешиваются возможные выгоды и потери от преступления. Если, например, речь идет о хищении крупной суммы денег, а возможное наказание – штраф в гораздо меньшем размере, то такое преступление становится выгодным. На этой стадии существенное значение приобретают характеристики сознания личности, а также лиц и групп, в контакте с которыми находится человек или на которые он ориентируется. Так, если окружающие осуждают общеуголовные преступления, но снисходительно относятся к экономическим, то ориентированный на незаконное обогащение человек будет планировать не совершение кражи, а, например, получение взятки. Если окружающие вообще осуждают преступный вариант поведения, да и сам человек, принимающий решение, в принципе считает недопустимым уголовно наказуемое поведение, он может отказаться от совершения преступления либо все-таки согласиться его совершить под очень сильным давлением соучастников или обстоятельств. Следовательно, на стадии принятия решения возникающие желания еще раз соотносятся с установленными в обществе нормами поведения, взглядами, мнениями, возможными последствиями деяния. Осознание противоречия принимаемого преступного

решения закону, а тем более уголовному – «последняя линия защиты», переступив через которую человек вступает в сферу действия уголовного закона. При задержке принятия решения может произойти отказ от совершения преступления, например в результате осведомленности о том, что такого рода преступления обычно раскрываются и виновные привлекаются к строгой ответственности. Если человек не отказывается от решения нарушить уголовно-правовой запрет, он избирает те средства достижения цели, которые кажутся ему в соответствующей обстановке наиболее подходящими, учитывая собственные возможности либо возможности соучастников, если таковые имеются.

В ряде случаев механизм преступного поведения носит так называемый **«свернутый характер»**: акта задержки нет, и человек сразу действует в соответствии с возникшей у него установкой. Принятие решения и выбор средств для его реализации происходят мгновенно либо под влиянием ситуации, либо в результате воспроизведения ставших для данного лица привычными способов поведения в аналогичных обстоятельствах, либо под воздействием соучастников. В подобных случаях личностные характеристики как бы обнажаются. Внешние регуляторы поведения (мораль, закон и т. п.), если их содержание внутренне не усвоено личностью, в таких случаях не срабатывают.

Свернутый механизм преступного поведения (без обдумывания решения, перебора вариантов достижения цели) отмечается нередко у лиц, которые не привыкли принимать взвешенные решения и обдумывать последствия. Часто это несовершеннолетние, лица с невысоким уровнем интеллектуального развития, субъекты, отличающиеся импульсивностью либо находящиеся в нетрезвом состоянии. Однако в таких случаях может происходить просто «снятие» влияния внешних для личности регулирующих норм поведения, которые внутренне не усвоены. Поэтому характеристики человека обнажаются, и он наиболее полно проявляет себя со всеми сформированными у него потребностями, привычками поведения, установками.

Свернутый механизм преступного поведения встречается также в сложных, необычных для данного человека ситуациях, требующих быстрого на них реагирования. Тогда стадии мотивации, принятия и исполнения решения практически совпадают.

• **Реализация принятого решения (совершение преступления).** Фактическая реализация решения может отличаться от запланированной, например при изменении внешней ситуации: при активном сопротивлении потерпевшего грабеж может перерасти в разбой или, наоборот, последует отказ от доведения преступного намерения до конца. Иными словами, и состояние человека, и состояние внешней среды на разных стадиях преступного поведения не остаются неизменными. Поэтому правильная оценка преступного деяния предполагает выяснение того, как фактически выглядел процесс порождения преступного поведения на каждом из выделенных этапов, под влиянием чего преимущественно сформировались мотивация и решение (устойчивых характеристик личности либо сложной, необычной ситуации).

Однако сами по себе мотив и цель могут не носить антиобщественного характера, а преступным поведение способны сделать избираемые субъектом средства достижения цели. Например, некоторые насильственные действия совершаются ради того, чтобы пресечь истязания либо оскорбления. Мотивы поведения в таких случаях выглядят вполне оправданными. Другое дело, что закон допускает лишь правомерные средства борьбы с общественно опасными деяниями. Значимо и то, под влиянием каких обстоятельств субъектом принято решение о преступном поведении: вытекает оно из привычного для данного человека способа разрешения конфликтов или продиктовано необычной для него ситуацией, иными обстоятельствами (неверие в возможность быстрой и эффективной защиты нарушенных прав законными средствами, незнание этих средств и т. п.) При этом отказ от доведения преступления до конца не всегда можно оценивать однозначно (результат раскаяния преступника; внезапное появление работников милиции).

• **Посткриминальное поведение:** преступник анализирует происшедшее, наступившие последствия, скрывает следы преступления, распоряжается приобретенным преступным путем имуществом, принимает меры к легализации (отмыванию) такого имущества, а также к тому, чтобы избежать уголовной ответственности и наказания (угрозы, устранение свидетелей, подкуп сотрудников правоохранительных или контролирующих органов и т. п.). Понятие «посткриминальное поведение»

в ряде работ специалистов по уголовному праву и криминальной психологии употребляется в следующем значении: «непреступное поведение субъекта после совершения им какого-либо преступления». В данном случае этот термин используется в ином смысле, т. е. как «поведение, непосредственно следующее за этапом исполнения решения о совершении преступления и связанное с совершенным преступлением». При анализе содеянного и наступивших последствий происходит сравнение достигнутого с желаемым: содеянное вновь соотносится с нормами морали, права, общественным мнением, групповыми оценками. Результат такого анализа: субъект либо раскаивается в содеянном (в том числе в результате такого раскаяния он может явиться с повинной), либо пытается выработать систему защиты против разоблачения. Речь идет не только о фактической защите путем сокрытия следов преступления, устранения свидетелей (эти действия порой планируются при принятии решения и являются неотъемлемой частью исполнения решения) и т. п. Не меньшее значение имеет и система психологической защиты – выработка защитных мотивов, которые имеют те же истоки, что и побудительные, коренятся они в одних и тех же личностных характеристиках.

Предкриминальная ситуация и генезис преступления.

Преступник, совершая преступление, всегда действует в определенной «криминальной» ситуации. Однако он привносит в нее (создавая, используя, подчиняясь и т. п.) свои личностные качества – результат формирующих воздействий иной (иногда длительной по времени) ситуации (предкриминальной, конкретной жизненной). Предкриминальная ситуация – это совокупность внешних для субъекта обстоятельств, непосредственно предшествовавших преступлению и взаимодействующих с личностными качествами субъекта, совершившего преступление.

Исходя из объективного содержания, ситуации, предшествующие преступлению, следует разделять на криминогенные (содержащие объективные предпосылки преступления) и некриминогенные (нейтральные или даже создающие препятствия к совершению преступления). Предкриминальные ситуации криминогенного характера возникают в связи с различными обстоятельствами: создаются преступником специально с целью облегчить совершение преступления; создаются не специ-

ально для совершения преступления, однако детерминируют его (например, приведение себя в состояние опьянения); ситуации, возникшие в результате негативных действий других лиц (в том числе жертв преступления); ситуации, возникшие по стечению случайных обстоятельств либо вызванные стихийными явлениями.

Предкриминальная жизненная ситуация имеет объективное содержание и может содержать обстоятельства, реально воздействующие на личность. Однако ситуация имеет и субъективное содержание, т. е. тот ракурс оценки, который зависит исключительно от субъекта и не обязательно совпадает с ее объективным содержанием. В этих оценках реально проявляется результат формирования личности, т. е. первый этап криминологической ситуации, чем и объясняется тот факт, что в одной и той же ситуации один субъект совершает преступление, а другой отказывается от этого, даже если имелись определенные преступные намерения.

Нередко обстоятельства предкриминальной ситуации таковы, что времени на обдумывание, анализ ситуации у субъекта нет и он действует спонтанно, как бы автоматически. Субъективно он может осознавать свои действия как случайные, инстинктивные, но это не так; здесь работают личностные установки, привычные оценочные и поведенческие стереотипы, так что причинные связи между начальными и конечными этапами криминологической ситуации прослеживаются с достаточной очевидностью.

Криминогенная ситуация как причина и условие совершения преступления. Вопрос о детерминационном значении для субъекта внешних (ситуативных) обстоятельств очень сложен. Известно, что в криминологии под причинами преступления понимаются явления или процессы, порождающие преступления, а под условиями – то, что способствует реализации причин. Но такая градация условна, т. е. одни и те же обстоятельства в одном случае могут оказаться причинами, в других – условиями, способствующими совершению преступления.

К конкретному преступлению ведут две детерминационные линии:

- личность с более или менее выраженной антиобщественной установкой (т. е. субъективный компонент причин);

– определенная предкриминальная ситуация, которая в рамках детерминации может играть и роль причины, и роль условия, способствующего совершению преступления.

В детерминационном механизме ситуация выступает в роли причин конкретного преступления при условии, что она содержит обстоятельства, толкающие субъекта на преступные действия. Она воздействует на волю, сознание, чувства субъекта, непосредственно побуждает его к криминальным действиям. Но это не означает, что внешне выраженные обстоятельства могут выглядеть в виде повода (предлога) к совершению преступления, если объективные побудительные мотивы здесь иные. В отличие от повода «толчком» к совершению преступления могут быть обстоятельства, являющиеся исходной криминологической составляющей механизма преступления. Они дают преступнику мотив и решимость совершить преступление. «Толчковый характер ситуации» – объективная характеристика, причем «толчковые элементы» могут быть по существу как негативными, так и позитивными. Если негативный толчок чаще всего играет роль внешнего (ситуативного) причинного фактора, то позитивный – компонента ситуации некриминогенного характера. **«Толчковый характер ситуации»** остается таким независимо от того, реализовался «толчок» в преступление или нет. Реализовавшийся «толчок» выступает в виде повода (предлога) к совершению преступления, тогда как повод может и не содержать в основе своей «толчка». Можно сказать, что повод есть субъективное отражение объективного содержания ситуации, причем обязательно с негативных позиций, определяющих ее «достаточность» для совершения преступления даже при отсутствии объективно «толчковых моментов». Иными словами, ситуация играет роль повода к совершению преступления, хотя объективно она иногда и не содержит никаких «провоцирующих моментов». «Ситуация толчкового характера», как правило, имеет место при совершении умышленных преступлений. Не может быть «толчковых ситуаций», если условия, предшествующие преступлению, созданы самим преступником. Конкретная жизненная ситуация может оказаться решающей при совершении преступлений по неосторожности. Однако было бы неправильно полагать, что в неосторожных преступлениях всегда складывается такое положение. И при

совершении преступлений по неосторожности в комплексе причин заметную и даже решающую роль играют субъективные качества личности. Достаточно сказать, что преступная самонадеянность или небрежность есть выражение таких негативных качеств, как завышенная самооценка, переоценка своих способностей, навыков и опыта, беспечность, самоуверенность и другие. Для лиц, совершивших преступление по неосторожности, нередко характерно пренебрежение к правовым запретам. Например, нарушения правил дорожного движения могут иметь место и при управлении автомобилем в нетрезвом состоянии, и в случае, когда водитель не сориентировался в ситуации, поставившей его в условия, с которыми он просто не смог справиться при его уровне профессиональной подготовки. Очевидно, что во втором случае роль ситуации более значительна, чем в первом. Во втором случае она решающая.

В науке пока нет однозначного представления о значении предкриминальной (конкретной жизненной) ситуации в механизме совершения преступления. Не является дискуссионным только то, что в этих механизмах, как правило, есть взаимодействие внешних (объективных) и внутренних (субъективных) факторов. Практика показывает, что существует огромное количество соотношений между свойствами личности преступника и обстоятельствами, предшествовавшими совершению преступления. Крайние точки этих соотношений таковы: сильное влияние конкретной жизненной ситуации при отсутствии антиобщественной установки; глубокая и устойчивая антиобщественная установка при отсутствии какого-либо давления внешней ситуации. Между этими крайними точками расположен ряд переходных случаев, когда взаимодействуют более или менее напряженная ситуация и более или менее развитые антиобщественные качества личности.

Ситуация может быть непосредственной, но не единственной причиной преступления, если налицо сильное влияние конкретной жизненной ситуации при отсутствии антиобщественной установки (но не социально-психологических аномалий вообще) или когда взаимодействуют более или менее развитые антиобщественные качества личности... причем в этом взаимодействии главную роль играет ситуация.

Следовательно, ситуация играет определенную роль в качестве детерминационного (в том числе и причинного) эле-

мента в механизме преступления, иногда эта роль решающая. Однако вряд ли возможно положение, при котором субъективный фактор механизма преступления полностью исключается. Субъективное отношение как движущий побудительный элемент присутствует всегда. Может не быть взаимодействия ситуации и личности, если все решает последняя в силу реализации своих негативных качеств. Не может быть детерминации преступления только за счет проявления криминогенной ситуации, так как ситуация всегда опосредуется личностью. Если это не так, скорее всего, нет и вины субъекта, поскольку ситуация не оставляла ему возможности выбора. Но надо учесть, что в данном случае мы имеем в виду только взаимодействие с конкретной жизненной ситуацией, непосредственно предшествующей преступлению. Если же исходить из представления криминологической ситуации, то роль ситуативных факторов совершенно неоспорима: то, что личность приобрела на этапе формирования, реализуется во взаимодействии с предкриминальной ситуацией, и тем самым субъективный фактор в механизме преступления как бы приобретает и объективные, ситуативные очертания.

Механизм преступного поведения

Еникеев, М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии : учеб. для вузов. – М. : Норма, 2005. – С. 315–322.

Сложный комплекс взаимодействия внешних и внутренних факторов, обуславливающих возникновение и развитие преступного деяния, называется механизмом преступления. Совокупность системообразующих элементов преступного деяния (механизм преступления) включает в себя: мотивы, цели, поводы, способы совершения деяния, особенности использования преступником конкретных условий совершения преступления, ориентировочную основу его действий, отношение преступника к промежуточным и итоговым результатам преступления.

Мотивы поведения преступника – система осмысленных побуждений к совершению различных преступных актов, основанная на общей криминальной направленности личности

преступника. В сложной системе криминальной мотивации (установочные, эмоционально-импульсивные побуждения) мотив выступает как система осмысленных, сознательных побуждений, связанная с личностным обоснованием смысла совершаемого преступного деяния. В мотивах таких деяний проявляется антисоциальная личностная направленность преступника, иерархическая система его ценностных ориентаций. Преступное поведение обретает для личности положительный смысл, который трансформируется в систему конкретных осмысленных поведенческих побуждений. Поэтому все криминальные поведенческие решения основаны на мотивационном их обосновании, т. е. на личностном механизме их принятия. Беспринципность, корыстолюбие, цинизм, эгоцентризм и многие другие личностные пороки лежат в основе общей мотивационной направленности преступника. Однако эти негативные качества личности нельзя назвать мотивами преступления.

В правоведческой доктрине и практике судопроизводства сформировалась номенклатура преступных мотивов (агрессивность, корысть, мстительность, ревность, хулиганские побуждения и т. п.). При этом понятие конкретного поведенческого мотива смешивается с понятием мотивационной направленности личности преступника. Выявляя мотивы преступного поведения, необходимо уяснять, на какие конкретные преступные цели накладываются указанные негативные качества личности. Именно тогда мотив становится личностным оправданием, обоснованием конкретной цели действия, указанием на то, какие внешние обстоятельства входят в поле мотивационной направленности личности преступника, какие способы и средства избирает он для достижения своей преступной цели.

Степень тяжести преступления измеряется не «тяжестью» мотива, а способом его сцепления с конкретными обстоятельствами. Поэтому большинство преступных деяний полимотивированы, связаны с иерархией мотивов: преступник может совершать кражу не только по «мотивам корысти», но и из стремления утвердиться в криминальной среде и другим причинам.

В юридической литературе нередко используется термин «бессознательные мотивы». Бессознательных мотивов поведения не существует. Мотив – сознательное, рассудочно обоснованное побуждение к конкретному действию. Однако престу-

пления могут совершаться не только на сознательном уровне, но и на уровне подсознательных и мало осознаваемых мотивационных состояний: установки, влечения, страсти, ситуативно возникшие эмоции и др. В хулиганских действиях, как правило, нельзя выявить специально сформированных мотивов – они совершаются на установочном уровне в силу малокультурной и безответственной личности хулигана. Нельзя выявить мотив преступления, совершенного в состоянии аффекта (аффективные деяния автоматически направлены на нанесение ущерба аффектору или фрустратору).

Но мотивация и мотив – это не одно и то же. Люди с пониженной саморегуляцией отличаются преобладанием ситуативной мотивации: сама доступность обстановки нередко провоцирует у них актуализацию соответствующей мотивации.

Традиционно сложившаяся в юриспруденции однонаправленная схема человеческого поведения «мотив – цель – способ – результат» в действительности более сложна: в механизме совершения преступления побуждения индивида коррелируют с личностно принятыми способами поведения. Поэтому между элементами схемы «мотив – цель – способ» существуют не односторонние, а двухсторонние обратные связи. Иными словами, системообразующим элементом является не только мотив, но и привычный способ поведения, который также определяет направленность человеческого поведения. Отсюда центральным компонентом поведения является не отдельный мотив сам по себе, а мотивационная сфера личности преступника, в которой значительную роль играют обобщенные способы поведения индивида. Но актуализация способов поведения, его операционально-исполнительских возможностей предопределяется условиями среды, реальными возможностями их осуществления: как только внешняя среда создаст возможность для реализации личностных устремлений, мотивационная сфера даст необходимую санкцию.

При **анализе механизма преступного деяния** существенно выявление его повода. Повод преступления – внешнее обстоятельство, приводящее в действие общественно опасную направленность личности преступника. Являясь начальным моментом преступного деяния, повод показывает, с каким обстоятельством связал преступник свое деяние. Повод не имеет самостоятельного причиняющего значения: он лишь разря-

жает ранее сформировавшуюся причину. Тем не менее именно повод совершения преступления в значительной мере характеризует личность преступника, его склонности, социальные позиции, мотивы и цели преступления.

Ни одна ситуация сама по себе не толкает человека на преступный путь. Значимость той или иной ситуации для личности свидетельствует о ее устойчивых свойствах. Объективное содержание, значение ситуации всегда соотносится с ее личностным смыслом для индивида. Гипертрофирование криминогенного значения ситуаций, их провоцирующего и содействующего преступлению характера объективно ведет к априорному уменьшению ответственности личности за свое поведение: в самых тяжелых критических ситуациях высоконравственные люди находят достойные выходы. И если существует свобода выбора, то личность сама ответственна за выбор конкретного варианта своего поведения. Ситуация – лакмусовая бумажка, выявляющая сущность личности. Ситуация возникновения преступных действий – показатель того, в каких условиях данная личность способна совершить преступление. В случаях, когда обстоятельства влияют на формирование преступного умысла, они выступают как целеобразующие механизмы поведения данной личности, а не как причинный механизм поведения.

Кульминационным актом в генезисе преступного деяния является принятие решения – сознательный выбор, окончательное утверждение избранного преступного варианта поведения. Решение охватывает образ будущего результата действия в данных информационных условиях. Оно связано с мысленным перебором возможных вариантов действия, концептуальным обоснованием принимаемого к реализации действия. В решении цель мысленно объединяется с условиями ее реализации, принимается оперативный план действия на основе переработки всей исходной информации. Решения о совершении конкретного преступления могут быть обоснованными – транзитивными и малообоснованными – нетранзитивными (не учитывающими всех условий их реализации). В своей основе любое решение о совершении преступления нетранзитивно, так как не учитывает социальной степени вредности деяния и неотвратимости наказания за него. Но многие деяния нетранзитивны и в отношении их операциональной реализации: они совершаются без

учета возможностей реализации преступного умысла. Это связано с низким интеллектуальным уровнем многих преступников, ограниченностью их оперативного мышления. Значительная часть правонарушителей – нерасчетливые, недальновидные люди с существующими дефектами в мотивационно-регуляционной сфере. Угроза наказания ими актуально не осознается или недооценивается, их преступные решения часто возникают внезапно, детерминируются низменными чувствами (эгоизм, зависть, месть, корысть, агрессивность). Мышление преступника привязано к асоциальным привычным способам поведения.

К обстоятельствам, способствующим принятию решения о совершении преступления, относятся:

- провоцирующее поведение потерпевших;
- давление со стороны преступной группы;
- расчет на поддержку соучастников;
- ослабление сознательного контроля в конфликтных эмоциональных состояниях;
- преуменьшение грозящей опасности разоблачения;
- наличие субъективно трактуемой возможности сокрытия следов преступления;
- алкогольное или наркотическое опьянение.

После принятия решения индивид становится связанным собственным решением: он может недооценить даже те вновь возникшие обстоятельства, которые имели бы для него значение на стадии принятия решения. Иными словами, принятие решения о совершении преступления формирует устойчивое стремление к реализации намеченной программы действий (установку на совершение конкретного действия). Эта установка ограничивает избирательные возможности индивида: например, принятое решение об убийстве определенного лица, как правило, реализуется даже тогда, когда ситуация становится неблагоприятной (возможность опознания, высокая вероятность задержания).

Приступая к совершению преступления, индивид анализирует обстановку, в которой ему придется нарушить закон, проявляя повышенный интерес ко всему, что может помешать реализации преступного умысла или облегчить совершение деяния. Если обстановка соответствует ожиданиям преступника, его действия совершаются стереотипно, привычным для него способом.

Способ совершения преступления – система приемов действия, операциональных комплексов, обусловленных целью и мотивами действия, физическими и психическими особенностями преступника. Это индивидуально-стереотипизированный поведенческий механизм, системно отражающийся во внешней среде – следах совершения преступления. Именно в способе совершения преступления проявляются особенности субъекта: его знания, умения, навыки, привычки, отношение к различным сторонам действительности. При структурно-системном, психологическом подходе к анализу способа совершения преступления целесообразно выделить существенные индивидуальные особенности поведения преступника. Способ совершения преступления неизбежно связан с особенностями допреступного и послепреступного поведения субъекта. Неповторимость индивидуальный способ совершения действий, его поведенческая уникальность – личностный отпечаток преступника, обусловленный динамическими стереотипами его психофизиологии.

Наиболее юридически и психологически значимый компонент преступного поведения – результат криминального деяния. Особенно существенно отношение индивида к достигнутому преступному результату (от чистосердечного раскаяния и осознания вины до глубокого удовлетворения достигнутым). Удовлетворенность (неудовлетворенность) достигнутым результатом способствует появлению новых преступных целей либо самоосуждению и прекращению преступной деятельности. Положительная оценка преступного результата – признак глубокой криминальной деформации личности, основной критерий преступного типа личности.

Криминальная мотивация и социальная перцепция в преступном поведении

<p>Столяренко, А. М. Прикладная юридическая психология : учеб. пособие для вузов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА. – С. 76–86.</p>

Генезис преступного поведения заключается в формировании у индивида состояния психологической готовности к поведенческому акту в форме общественно опасных действий

либо бездействия. В процессе формирования этой готовности индивид:

- лично своеобразно воспринимает и оценивает внешние условия;
- испытывает лично характерные для него побуждения (мотивы);
- определяет лично приемлемый способ и цель действий.

Принятая цель достигается им благодаря сложившимся в жизненном опыте навыкам, умениям, способностям, которые представляют собой также личные образования. Таким образом, в процессе порождения преступного поведения особенности личности обуславливают индивидуально-своеобразное восприятие внешних условий, мотивообразование, целеполагание и исполнительную регуляцию поведения.

Центральным моментом в генезисе преступного поведения является принятие криминальной цели и способа.

Важнейшую отличительную особенность личности, обладающей склонностью к совершению преступного деяния, составляет психологическая приемлемость деяния как способа удовлетворения потребности или разрешения проблемной ситуации. Потребность или возникшая проблемная ситуация, связанная, например, с необходимостью защиты определенных личностных ценностей, является источником мотива поведенческого акта. Ради удовлетворения этой потребности или разрешения проблемной ситуации индивид вынужден совершать целесообразные действия. Цель этих действий всегда субъективно осознается в неразрывной связи со способом достижения желательного результата. Без осознания способа достижения результата, последовательности необходимых действий целесообразная активность человека невозможна, а побуждение удовлетворить потребность или разрешить возникшую проблему останется не «нашедшим» способа своей реализации.

Для реализации одного и того же мотива человек может избирать совершенно разные способы и намечать цели. Так, мотив удовлетворения материальной потребности может быть реализован правомерным способом, когда субъект ставит перед собой цель заработать необходимую сумму денег, а также противоправно, когда он избирает противозаконный способ и соответствующую ему цель – совершить кражу, вымогательство или ограбление.

Для того чтобы ответить на вопрос, что же определяет индивидуальную приемлемость совершения преступления, необходимо обратиться к анализу **психологического механизма целеполагания** в преступном поведении.

Принятие преступной цели (способа) может происходить на основе:

- выбора ее из альтернативных способов удовлетворения потребности или поведения в проблемной ситуации. В числе возможных способов субъект может видеть правомерный, правонарушающий (но не преступный) и преступный. Он также может осознавать эскапический вариант поведения, выражающийся в отказе от удовлетворения потребности, уходе от разрешения возникшей проблемы;
- изначально безальтернативной ориентации на использование общественно опасных действий, к которым субъект лично привержен. При этом у него не возникает необходимости принципиального выбора;
- решающей роли внешнего воздействия на субъекта или вследствие его идентификации с поведением иных лиц в составе референтной группы (подражание, психологическое взаимозаражение, конформное поведение).

Принятие преступной цели-способа в результате выбора определяется преобладающей личностной приемлемостью антиобщественного способа по сравнению с известными субъекту правомерными. В этом случае возможно внутренне противоречивое принятие противозаконного способа, когда субъект отрицательно относится к нему, однако допускает его использование в связи со сложившимися условиями, поскольку не видит возможности использовать правомерный способ или не желает его использовать по различным причинам.

Возможна и относительно равнозначная личностная приемлемость преступного и правомерного способов действий для удовлетворения определенной потребности. Такая приемлемость проявляется в феномене «двойственной адаптации» значительной части преступников, которые используют как противозаконный, так и правомерный способы для решения одних и тех же жизненных задач. Наблюдаются также случаи, когда ни правомерный, ни противоправный способы не являются личностно приемлемыми. Это явление встречается среди лиц,

отбывающих наказания, когда они осознают бесперспективность использования в дальнейшей жизни преступного способа удовлетворения материальных потребностей и в то же время по различным причинам не желают честным трудом обеспечивать свой материальный достаток.

Возникновение преступной цели в случае изначальной ориентации на использование криминального способа действий можно рассматривать как актуализацию сложившейся готовности к преступному поведению. В этом случае индивид, будучи приверженным противозаконному способу, конкретизирует его применительно к условиям, определяет наиболее благоприятную ситуацию. Такая изначальная ориентация на использование преступного способа определяется ранее сложившейся предрешенностью действовать именно им и привычностью его использования.

Возникновение преступной цели под решающим влиянием психологического воздействия на субъект может представлять собой процесс как относительно критичного интеллектуального следования аргументированному убеждению других лиц, так и формирования внушением или по механизмам подражания и взаимозаражения в составе группы. В любом случае этот процесс основывается на личностных предпосылках принятия преступного способа, хотя они могут и не иметь степени зрелости, достаточной для того, чтобы субъект был способен совершить преступное деяние по собственной «инициативе», а лишь выражают отсутствие антикриминальной устойчивости личности.

Личностная приемлемость совершения преступного деяния относительна. Это выражается, во-первых, в приемлемости и предпочтительности определенных видов преступного посягательства и часто в неприятии других способов, позволяющих получить тот же результат. Во-вторых, приемлемость совершения преступного деяния относительна к объектам посягательства (определенные категории людей, правоохраняемые социальные ценности и неприемлемость относительно совершения против других). В-третьих, индивидуальная приемлемость преступного посягательства соотносится с тяжестью вреда, который преступник считает допустимым или необходимым причинить при его совершении. В-четвертых, приемлемость связана с определенной потребностью (определенным ти-

пом проблемной ситуации), ради удовлетворения (разрешения) которой субъективно допустимо или необходимо совершение преступного посягательства. В-пятых, приемлемость посягательства соотносится с внешними условиями, при которых совершение преступного деяния субъективно допустимо, а также с фоновым психическим состоянием, выступающим внутренним условием преступного посягательства.

Психологическая приемлемость преступного способа поведения может иметь различную степень потенциальной готовности к его использованию и проявляться различно. Лица, для которых приемлемо использование преступного способа действий, видят в нем в первую очередь позитивную сторону: возможность удовлетворить материальную потребность, отстоять свои интересы в конфликтной ситуации, удовлетворить сексуальную потребность, воздать другому человеку за причиненный вред и т. п. Отрицательная сторона преступного деяния в их представлении уходит на второй план и осознается весьма ограниченно, в основном лишь как возможность наступления уголовного наказания. Причем большинство из этих лиц считают, что вероятность наступления отрицательных последствий минимальна. При этом значительная часть лиц, неоднократно судимых за корыстные и корыстно-насильственные преступления, предвидят высокую вероятность или даже неизбежность новых судимостей в будущем. Однако это предвидение парадоксально сочетается с уверенностью в минимальной вероятности быть изобличенным, когда они планируют совершить конкретное преступление. В процессе совершения ими преступных деяний установка на достижение желаемого результата настолько доминирует, что погашает внимание к отрицательным последствиям, чувство страха и другие сдерживающие переживания. Значение преступного деяния для потерпевших преступниками чаще всего понимается как нечто естественное в жизни людей, должное или заслуженное самими потерпевшими. Это значение может также ими расцениваться «дифференцированно» в зависимости от того, против кого совершаются преступные действия: их совершение в отношении одних людей расценивается как должное и правильное, в отношении других – как неправильное. Значение деяния для общества представляется преступниками как нечто абстрактное или как нормальное яв-

ление. Это выражается ими, в частности, в афоризмах: «одни торгуют, другие грабят – каждый делает свое дело», «сильный побеждает слабого, а умный – глупого и сильного», «люди всегда жили и будут жить по волчьим законам», «кого-то убьют сегодня, а кто-то умрет завтра» и т. п.

Для лиц, совершающих корыстные и корыстно-насильственные деяния, приемлемость преступного способа определяется возможностью получить материальные средства в достаточном количестве, не затрачивая на это много времени и труда, а также его доступностью и нередко – эмоциональной привлекательностью. Для них правомерный способ обеспечения материальных потребностей имеет отрицательный личностный смысл и воспринимается прежде всего как не позволяющий получить такой материальный результат, который отвечает их притязаниям. Отрицательное значение для себя правомерного способа они связывают с однообразием трудовой деятельности, ее примитивностью, наличием тягостных обязанностей, зависимости от начальства, с необходимостью соблюдать трудовую дисциплину и т. д. Некоторые из преступников отмечают, что могли бы обеспечивать материальную потребность законным трудом, но лишь в качестве организатора предпринимательской деятельности или делая работу, которая была бы по душе и хорошо оплачивалась. Однако конкретных представлений о приемлемой трудовой деятельности они либо не имеют, либо выражают намерение, приобретя начальный капитал незаконным путем, впоследствии его использовать для обогащения, избегая конфликтов с законом. Наряду с такими лицами часть преступников рассматривают законную трудовую деятельность как необходимую наряду с противозаконной или как условие для осуществления последней.

Насильственные преступники своеобразно осознают положительное значение преступного способа действий, отмечая, что нанесение побоев, причинение более тяжкого физического вреда или убийство являются наиболее успешными или единственно возможными способами отстоять свои интересы в конфликтной ситуации или воздать другому человеку за причиненный вред. Большинство из них убеждены в невозможности в конфликтных ситуациях отстоять свои интересы, не прибегая к угрозе насилием, либо считают бессмысленным или не-

достойным использование правомерных способов разрешения острых проблемных ситуаций в межчеловеческих отношениях. При этом правомерный способ они представляют как избегание выяснения отношений, упрощение соперника, покорное снесение оскорблений или побоев или обращение в милицию. Такое поведение оценивается ими и как бесполезное, и как позорное (позор, по их мнению, хуже, чем совершение насильственных действий, несмотря на риск уголовной ответственности). Часть из насильственных преступников хотя и допускает возможность разрешения конфликтных ситуаций без применения насилия, но весьма ограниченно и смутно представляет, как это может быть осуществлено.

У части преступников в качестве одной из сторон приемлемости противозаконного способа действий выступает положительная эмоциональная сторона, которая выражается в предвосхищении положительных эмоций в процессе совершения противозаконного деяния или при достижении желаемого результата. Для значительной части лиц, совершавших корыстные деяния, это «дело» представляется как интересное, азартное, «живое» и т. п. Для другой части из них оно выступает как обыденное, без выраженного как положительного, так и отрицательного чувственного оттенка («крадешь потому, что как без этого обойдешься») или даже как вынужденное, с проявлением, однако, положительных чувств в связи с предвосхищением успеха. Для некоторых преступников с устойчивой криминогенной склонностью противозаконное деяние представляется как тревожное, напряженное, неприятное, но в то же время дающее положительный результат, что компенсирует отрицательные чувства в процессе его совершения. У некоторых несовершеннолетних лиц, совершающих корыстные преступления, наблюдается парадоксальное отношение к деянию, когда его процесс вызывает положительные эмоции, а результат связан с отрицательными чувствами («на краденое смотришь и чувствуешь себя как-то нехорошо», «продукты, купленные на краденые деньги, – невкусные» и т. п.). У некоторых лиц, совершающих насильственные и сексуально-насильственные преступления, обнаруживается также положительная эмоциональная окраска противозаконных действий и в меньшей мере ее противоречивость. Они гордятся своим хладнокровием и способностями по-

давлиять другого человека, переживают удовлетворение, когда устрашают потерпевшего и подчиняют своей воле. При этом сам процесс совершения насильственных действий и сопротивления для части из них является напряженным и тревожным. Однако подавление другого человека вызывает положительные эмоции, разрядку отрицательного эмоционального возбуждения и напряженности. Подсознательное предвосхищение этого определяет положительный эмоциональный компонент отношения к насильственному деянию. У некоторых сексуально-насильственных преступников проявляется «криминогенный круг» отношений: их пристрастию соответствуют женщины легкого поведения и в то же время они считают, что такие женщины могут подвергаться насильственному принуждению к вступлению в половую связь, такое обращение с ними преступники расценивают как должное. У преступников с устойчивой криминогенной склонностью обнаруживается наличие криминальной личностной нормы, которая представляет собой сложившуюся предрешенность использования определенного противозаконного способа действий для удовлетворения некоторой потребности или разрешения определенного типа проблемной ситуации. Это психологическое свойство выражает **высокую зрелость готовности к совершению преступного деяния** определенного характера при определенных условиях. Важным показателем наличия такой нормы является чувство уверенности в правильности противозаконного намерения. В то же время возможна рассогласованность криминальной личностной нормы с характером совершаемых антиобщественных деяний. Так, некоторые лица, совершающие насильственные преступления, как показало ретроспективное исследование генезиса преступлений, имели предрешенность действовать менее опасно, чем действовали на самом деле. Причинение тяжелого физического вреда другому человеку для них было приемлемо лишь в ситуациях, имеющих исключительное значение – необходимость защиты своих жизненно важных ценностей. Однако возникшее у них агрессивное побуждение приобрело характер экспансии и преодолело осознаваемые пределы должного и допустимого. Такое явление может иметь место на фоне повышенного нервно-психического возбуждения субъекта, нередко обусловленного опьянением или психическими аномалиями.

Личностная норма, выражающая предрешенную желательность и необходимость использовать в определенных случаях противозаконный способ действий, выступает основой формирования фиксированной криминальной установки (криминального стереотипа) как психологического свойства личности, представляющего еще более высокую степень зрелости потенциальной готовности к определенным противозаконным действиям. Такая установка выражает не только личностную предрешенность необходимости совершения в определенных ситуациях противозаконных действий, но и практическую освоенность, которая реализуется на уровне подсознательной регуляции поведения. Она «срабатывает» в форме поведенческой реакции, например нападения в ответ на оскорбительное высказывание или совершения карманной кражи при благоприятной ситуации и т. д.

Еще одним из элементов криминальной установки является ее импульсивная актуализация, т. е. подсознательная, сопряженная с переживанием влечения к совершению действий. У отдельных лиц такое влечение приобретает произвольно непреодолимый патологический характер.

Важнейшим психологическим атрибутом приемлемости совершения преступного деяния является позитивное самовосприятие себя как субъекта такого деяния. Оно выражается не только в самооправдании, но и в приписывании себе положительных черт, требуемых для такого рода действий. Это явление можно назвать согласованностью собственного «Я-образа» с образом человека, для которого приемлемо совершить преступное деяние. Такая согласованность ослабляет или исключает переживание чувства вины, стыда за совершение противозаконных действий.

Некоторые закоренелые преступники проявляют противоречивую самооценку и обнаруживают подсознательную протестную или самоуничижительную мотивацию: они совершают деяния как бы наперекор здравому смыслу, рискуя обречь себя на страдания, чтобы отомстить своей судьбе за перенесенные лишения и наказания.

В психологическом механизме преступного поведения принятие субъектом преступной цели является центральным звеном. Криминальная цель у субъекта возникает вследствие

личностной приемлемости преступного способа удовлетворения потребности или разрешения проблемной ситуации. Необходимость же принятия цели предопределяется побуждением – мотивом. Мотив отражает то, ради чего субъект совершает действия (например, удовлетворить некоторую потребность), в то время как цель предопределяет способ и непосредственный результат действий (например, заработать деньги для удовлетворения потребности или украсть деньги).

Источниками мотивов могут быть внутренние и внешние факторы. Внутренние источники побуждений представляют собой потребности и притязания, личностные ценности, требующие защиты или обеспечения своего блага, жизненные планы, привычные атрибуты жизнедеятельности и пристрастия и т. д. Внешними источниками мотивов выступают условия жизнедеятельности или конкретные обстоятельства, в которых возникает проблемная ситуация, например угрожающая некоторым личностным ценностям, затрагивающая интересы, т. е. требующая своего разрешения.

Возникновение мотива и принятие цели обусловливается личностно своеобразным восприятием и оценкой внешних условий и обстоятельств ситуации, т. е. процессом социальной перцепции.

Таким образом, мотивообразование и социальная перцепция «обеспечивают» принятие цели в преступном поведении. Изучение их характера и роли в порождении преступного поведения необходимо для понимания причин и условий этого поведения, а также для установления психологических свойств, выступающих элементами криминогенной склонности личности.

Ряд исследователей считают, что мотив сам по себе не предопределяет необходимость принятия именно криминальной цели-способа, поскольку любое побуждение можно произвольно направить в социально приемлемое либо антисоциальное русло, т. е. удовлетворить порождающую мотив потребность (как правомерным, так и преступным способом). Однако есть социально дезадаптированные мотивы, которые реализовать социально приемлемым способом субъективно оказывается весьма сложно или практически невозможно. Такие мотивы как бы способствуют принятию противоправных целей-способов в поведении, выступают криминогенно значимыми. Есть и мотивы

собственно криминальные, порожденные потребностью в совершении определенного преступного деяния – криминальными влечениями. Криминогенное содержание мотивов обуславливается определенными мотивообразующими свойствами личности. То же самое можно сказать и о социальной перцепции субъекта поведения. Его представления о социальной ситуации могут носить достаточно адекватный социально-правовой характер, а могут иметь искаженное – криминогенно значимое содержание.

Рассмотрим более подробно криминогенные мотивы и криминогенное содержание социальной перцепции, которые выступают условиями, способствующими принятию криминальных целей (способов) действий в порождении преступного поведения.

Криминальные мотивы – это мотивы, порожденные собственно криминальной потребностью, которая проявляется в форме влечения к совершению определенного вида общественно опасного деяния. Субъективно переживаемая нужда в совершении такого деяния выступает предметом потребности. Криминальная потребность может представлять укоренившуюся привычку систематического совершения определенных видов преступных действий либо возникать в результате действия иного психологического механизма. Ее реализация обеспечивает состояние удовлетворенности, разрядку внутреннего напряжения. Такого рода мотивы проявляются как *влечения* к совершению: краж (чаще всего так называемых карманных), сексуально-насильственных деяний; истязаний определенных категорий людей; убийств, сопряженных с изнасилованием, причинением мучений жертве или иным глумлением над ней; хулиганства, связанного с насильственными или эксгибиционистскими действиями; актов вандализма, учинения пожаров и др. Импульсивно возникающее непреодолимое влечение к совершению определенного общественно опасного деяния относят к психической болезни – *патологии влечений*. Однако этот тип психических аномалий вряд ли можно рассматривать как полностью исключаящий вменяемость, поскольку преступник, побуждаемый криминальным влечением, способен воздерживаться от совершения уголовно наказуемого деяния, если ситуация явно неблагоприятна, чревата опасными для него последствиями.

Криминогенно значимые мотивы порождаются различными социально дезадаптированными потребностями, удовлетворение которых правоммерным способом является весьма затруднительным либо вообще не может быть осуществлено. Эти мотивы могут представлять ряд типов, различаясь по своим источникам.

Первый тип представляют мотивы, порожденные гипертрофированными аморальными влечениями, удовлетворение которых субъект реально не может обеспечить правоммерным путем или это удовлетворение связано с криминальным риском – с высокой вероятностью перехода аморального поступка в преступное деяние. Такие влечения могут выражаться в алкоголизме, наркомании, в пристрастии к играм на деньги, к дракам, потребности в систематических развлечениях аморального характера, в половой распущенности и др. Указанные влечения могут быть связаны с психическими аномалиями и относиться к патологии влечений.

Второй тип выражают мотивы, порожденные гипертрофированными потребностями (притязаниями), т. е. потребностями, уровень которых явно завышен, не соответствует индивидуальным или социальным возможностям обеспечения их правоммерного удовлетворения и при этом явно превышает социально средний или жизненно необходимый уровень (иначе эти потребности нельзя называть гипертрофированными). Интенсивное переживание таких потребностей при осознании невозможности их удовлетворить правоммерным способом как бы вынуждает субъекта прибегнуть к незаконному способу действий. Такая «криминогенно вынуждающая» мотивация может порождаться: неадекватно завышенными притязаниями материального характера в обеспечении материального достатка, приобретении дорогостоящего имущества, услуг, в дорогостоящих развлечениях и т. д.; гипертрофированной потребностью властвования над другими людьми (например, над представителями определенных социальных групп), доминирования в межлических отношениях, которое проявляется в деспотизме, в чрезмерной подозрительности и враждебности; чрезмерно завышенными притязаниями в достижении престижного статуса в группе или в определенной общности людей (известности, влиятельности), в самовыражении (переживании самодоволь-

ства от обращения на себя внимания других людей, их восхищения, зависти или опасения), а также потребностью в самоутверждении, побуждающей к рискованным и иным действиям, не адекватным разумной необходимости или совершаемым вопреки социальным нормам и требованиям (весьма характерно для преступников, стремящихся приобрести «криминальный авторитет»).

Третий тип криминогенно значимых мотивов представляют побуждения, обусловленные нуждой в разрядке устойчивых отрицательных эмоциональных состояний субъекта. Эти состояния выражаются в устойчивом переживании чувств отчужденности, тревоги, неполноценности, обиды, зависти, озлобленности, агрессивности и др. Такие переживания могут порождаться и фиксироваться в результате постоянной неудовлетворенности элементарных социальных потребностей, прежде всего потребностей в физической и моральной защищенности, в эмоционально близких межличностных отношениях, а также в результате систематического неблагоприятного внушающего воздействия лиц из ближайшего социального окружения. Указанные переживания при их обострении или в криминогенных ситуациях способствуют совершению неправомерных действий, в результате которых происходит временная разрядка переживаний, компенсация или удовлетворение депривированной потребности. В качестве психологических свойств личности, обуславливающих такого рода эмоционально-мотивационные переживания, выступают соответствующие акцентуации характера и эмоционально-мотивационные установки.

Четвертый тип криминогенно значимых мотивов проявляется в остром переживании отрицательного чувства по отношению к определенным социальным субъектам и объектам, выступающим как правоохраняемые ценности. Эти переживания вызваны сложившимися (зафиксированными в качестве психологических свойств личности) острыми неприязненными отношениями к тем или иным людям, социальным группам, государственным и общественным институтам и другим правоохраняемым социальным ценностям. Указанные переживания порождают у субъекта побуждения к вредоносному воздействию на данные социальные ценности. Неприязненные отношения выражаются в убеждениях об отрицательном (вре-

доносном) значении данных субъектов и объектов. Часто оказывается, что чувственный компонент неприязненного отношения выступает определяющим при отсутствии достаточно ясного представления о реальном отрицательном «значении» конкретного человека или группы людей, к которым индивид испытывает отрицательное отношение.

Пятый тип представляют криминогенно значимые мотивы, порождаемые потребностями в социально-«отчужденном» образе жизни, личностные ценности (которые могут стать жизненными целями) приобщения к группе противоправной направленности, приобретения авторитета среди лиц, совершающих преступления. Потребность быть включенным в «криминальную» социальную среду может быть следствием привыкания к этой среде и одновременного отчуждения от нравственной культуры общества. Эта потребность приобретает характер неосознаваемого влечения у профессиональных преступников, лиц, проводивших значительную часть времени в местах лишения свободы. В такой среде они находят возможность самовыражения, удовлетворения потребности в общении, персонализации (т. е. потребности быть признанным как личность).

Шестой тип криминогенно значимых мотивов представляют побуждения, вызванные неадекватной в нравственном и юридическом плане оценкой значения внешних условий. Неадекватно отрицательная оценка условий может побуждать к юридически неоправданным агрессивным-защитным или иным неправомерным действиям. Искаженно благоприятная оценка условий способна провоцировать действия субъекта по достижению личностно ценного результата, не имеющие законных оснований, или действия, юридически рискованные. Криминогенная значимость мотивов, обусловленная неадекватной оценкой внешних условий, является следствием определенных деформаций личностных свойств, проявляющихся в социальной перцепции и определяющих значение и личностный смысл воспринимаемых социальных явлений – условий жизнедеятельности и конкретных ситуаций.

Социальная перцепция в преступном поведении опосредует в генезисе преступного поведения мотивообразование и целеполагание, а также обеспечивает обратную связь в процессе реализации принятой цели. Мотивацию обуславливает

оценка значения для субъекта (для его личностных ценностей, интересов, потребностей) воспринимаемых явлений социальной действительности, в том числе тех, которые представляют собой социальные ценности, защищаемые уголовным законом. Выделяются два общих вида оценки, порождающей побуждение к действиям: деонтологическая, в которой за основу принимается нормативность (как должно быть), и аксиологическая, исходящая из полезности, ценности явления. Деонтологическая оценка внешних условий основывается на представлениях субъекта о должном (привычном, общепринятом) и в случае их несоответствия этим представлениям порождает побуждение к соответствующему изменению этих условий. Аксиологическая оценка порождает стремление к личностно ценному и идеальному. Принятие цели-способа действий обуславливается оценкой социальных условий с точки зрения тех складывающихся возможностей для достижения данной цели и последствий, которые при этом могут наступить.

Криминогенность восприятия социальной ситуации, выражающаяся в формировании представлений, обуславливающих возникновение криминогенных мотивов и криминальных целей, заключается в следующем: в преувеличенно отрицательной, юридически неадекватной оценке определенных социальных явлений и прежде всего действий других людей как несущих вред для самого субъекта и значимых для него людей, для личностно ценных материальных объектов. Такая оценка порождает побуждения в защите личностных ценностей, в ответном причинении вреда людям или материальным объектам, выступающим источником чего-то отрицательного. Эти побуждения вызывают агрессивно-защитные мотивы, которые создают или обостряют предпосылки принятия субъектом противозаконных целей-способов действий, выражаются в насильственных и иных вредоносных поведенческих актах. При этом совершение противозаконных действий может субъективно восприниматься как морально оправданное и справедливое, как социально не осуждаемое или даже одобряемое; в искаженной оценке внешних условий, включая поведение социальных субъектов, как благоприятных для достижения личностно ценного результата (такая оценка формирует завышенные притязания, которые не могут быть реально удовлетворены правомерным

способом и, следовательно, обуславливают формирование гипертрофированных притязаний и соответствующие им криминогенно значимые мотивы); в неадекватно отрицательной оценке социальных и собственных возможностей как не позволяющих удовлетворить определенные жизненные потребности правомерным способом; в преувеличенно завышенной оценке социальных возможностей для реализации противоправного способа удовлетворения потребности и избежания юридической ответственности или иных отрицательных последствий; в искаженных представлениях о социальной приемлемости (допустимости, одобрении или даже престижности) и распространенности совершения определенных видов противозаконных деяний. Это представление может быть обусловлено, в частности, психологической идентификацией субъекта с общностью, в которой сложилась асоциальная или антисоциальная субкультура, т. е. криминогенные ценностные ориентации, обычаи, нормы поведения. Такого рода представления индивид переносит на поведение в широкой социальной среде, что обуславливает порождение соответствующих криминогенно значимых мотивов и криминальных целей.

Перечисленные криминогенные представления обуславливаются соответствующими психологическими свойствами личности, во многом предубеждениями, **перцептивно-смысловыми установками**, существенно характеризующими криминогенность личности. В числе таких установок можно назвать:

- *установки, ориентирующие индивида на выявление в социальной действительности вредоносных для себя людей, событий и объектов и предопределяющие первостепенную оценку социальных явлений и субъектов с точки зрения их вредоносности. Они выражаются в неадекватных отрицательных предубеждениях в отношении определенных людей, событий, в чрезмерной подозрительности и т. п. Причем у ряда преступников наблюдается глобальное расширение круга «опасных» субъектов, выраженная готовность к агрессивно-защитным действиям;*

- *установки, определяющие приоритетность выявления в окружающей действительности благоприятных возможностей для удовлетворения противоправным способом потребностей корыстно-стяжательского, «потребительского» характера*

или для удовлетворения стремлений к использованию другого человека в качестве средства удовлетворения своих потребностей («найти того, кого можно использовать в своих интересах»). Содержание этих перцептивно-смысловых установок выражается в предубеждениях: о весьма широких и доступных возможностях достижения личностно выгодного результата нетрудовым путем; о конкретных лицах, которые могут подвергаться неправомерному использованию в собственных интересах; о событиях, которые создают благоприятные возможности для незаконного удовлетворения тех или иных потребностей;

- *предубеждения в толерантности окружающих людей к фактам совершения определенных противоправных деяний, в их боязни воспрепятствовать совершению преступлений либо в социальном одобрении некоторых из таких деяний;*

- *предубеждения в неблагоприятности возможностей для удовлетворения определенных жизненно важных потребностей правомерным способом. Неблагоприятность возможностей может связываться с социальными условиями, собственным социально-правовым статусом, с недостатками способностей, знаний, умений и физических сил и т. д.;*

- *предубеждения субъекта в благоприятности социальных условий и собственных возможностей для достижения личностно ценного результата определенным преступным способом.*

РАЗДЕЛ III

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Психологическая типология личности преступника

Пастушеня, А. Н., Урбанович А. А. Юридическая психология : учеб. пособие. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2015. – С. 62–66.

Типология – это метод научного познания, в основе которого лежит группировка объектов с помощью обобщенной модели, выявления их сходства и различия. Выделение различных типов криминогенной личности, в том числе личности преступников, и познание их психологических особенностей необходимо для решения широкого круга практических задач правоохранительной деятельности в сфере уголовной юстиции и профилактики преступлений.

В криминологии и криминальной психологии используются различные основания для типологии личности преступников, которые выражают собой определенные параметры и критерии их различий. Основания типологии личности преступников должны отражать наиболее существенные для научного объяснения и практически значимые отличия типов преступников.

В криминологической типологии преступников различают прежде всего **по видам совершенных ими преступлений**: корыстные, корыстно-насильственные, насильственные, сексуально-насильственные преступники и различные их подтипы, в зависимости от видов совершаемых преступлений (воры, мошенники, грабители, наркоторговцы и т. д.). В качестве специфических типов преступников рассматриваются женщины, несовершеннолетние, рецидивисты.

Кроме того, в работах ученых-криминологов используется ряд **общих параметров типологии преступного поведения**, в которых проявляются особенности личности преступников: случайность/устойчивость, эндогенность/экзогенность преступного поведения (эндогенные преступники (более опасные) ищут или создают условия для совершения преступления, экзогенные – совершают деяния под решающим влиянием неблаго-

приятной ситуации); глобальность/парциальность криминальной зараженности личности (способность человека совершать различные виды преступлений либо предрасположенность к совершению отдельного вида преступления).

В психологических типологиях личности преступников используют различные параметры, по которым определяются особенности криминогенных личностных свойств. Одна из них характеризует **социальную позицию личности**, отражая степень предрасположенности человека к двум противоположным вариантам действий: правомерному и преступному. Эта типология применима для дифференциации позиций в различных сферах юридически значимого поведения. Так, в сфере материальных интересов человек может проявлять правомерную позицию, используя только законные способы обеспечения этих потребностей, либо иметь склонность к совершению определенного корыстного или корыстно-насильственного преступления. В сфере взаимодействия с другими людьми позиция может выражать приемлемость только правомерных вариантов отстаивания своих интересов либо представлять собой склонность к преступным насильственным действиям. Данная типология учитывает возможные варианты отношения личности к правомерному и противоправному способам действий. Если человек испытывает положительное отношение к тому или иному способу, то это является определяющим признаком его приемлемости; если отрицательное – неприятия способа; если противоречивое (сочетание положительных и отрицательных представлений и чувств) – частичной приемлемости. По указанным основаниям можно выделить девять типов личности: от законопослушного типа, обладающего высокой антикриминальной устойчивостью, до криминального, не приемлющего правомерный вариант удовлетворения материальных потребностей или разрешения проблемной ситуации в сфере взаимодействия с другими людьми.

1 – *законопослушный*, с высокой антикриминальной устойчивостью;

2 – *приемлющий правомерный способ достижения цели* в сочетании с предпосылками приемлемости противоправного способа (не имеет антикриминальной устойчивости);

3 – *готовый и к правомерному, и к преступному вариантам действий*;

4 – *противоречиво приемлющий правомерный способ* в сочетании с отрицательным отношением к использованию преступного способа (неудовлетворенный законопослушный тип);

5 – *противоречиво относящийся к правомерному и противоправному способам* (отсутствует антикриминальная устойчивость личности);

6 – *криминальный тип*, допускающий возможность использования правомерного способа в случае затруднительного решения проблемы преступным путем;

7 – *проявляющий отсутствие готовности к правомерному варианту действий* и неприятие преступного варианта;

8 – *проявляющий противоречивую приемлемость* преступного способа и неприятие правомерного (опасающийся, не адаптированный к правомерному решению проблемы);

9 – *криминально ориентированный*, отрицающий возможность правомерного варианта действий.

Еще одна типология характеризует **особенность проявления криминальной склонности**.

Первый тип – наивысшая степень криминальной зараженности. Характеризуется наличием определенного криминального влечения, которое побуждает потенциального преступника искать объект и возможности для совершения преступного посягательства.

Второй тип – приверженность к преступному способу достижения цели как наиболее предпочтительному по сравнению с правомерным. Для индивида не стоит вопрос принципиального выбора. Этот тип характерен для профессиональных преступников, рецидивистов.

Третий тип – принятие преступного способа действий лишь при исключительно благоприятных, с точки зрения индивида, условиях.

Четвертый тип – внутренне противоречивое принятие преступного способа в связи с вынуждающими обстоятельствами и субъективно безвыходным положением.

Пятый тип – склонность к импульсивному совершению противозаконных насильственных действий как реакции на обстоятельства ситуации, поведение потерпевшего. Преступление совершается при повышенном нервно-психическом возбуждении или в состоянии опьянения.

Шестой тип – принятие преступной цели и способа под влиянием других лиц либо в результате конформного поведения в группе, что выражается в недостаточной способности к самоопределению и податливости влиянию других.

Существует также типология преступников, построенная на **особенностях мотивации их преступного поведения**:

- *корыстолюбивый* – совершает преступления из корысти, алчности, жадности;

- *престижный* – стремится занять более высокое социальное положение, завоевать авторитет, быть на виду;

- *игровой* – увлекается процессом совершения преступления как игрой, испытывает азарт;

- *защищающийся* – стремится с помощью преступления защитить себя от действительных или мнимых опасностей;

- *садистский* – испытывает удовлетворение от причинения боли, страданий жертвы; совершает насилие ради насилия;

- *сексуальный* – совершает преступления ради удовлетворения сексуальной потребности, подтверждая свой биологический и физиологический статус;

- *алкогольный/наркозависимый* – стремится добыть средства для приобретения алкоголя или наркотиков;

- *конформный* – совершает преступления в группе силу готовности подчиняться групповой динамике и неспособности к самоопределению;

- *идейный/фанатичный* – воплощает субъективно ценную идею или идеалы политического, религиозного, национального характера или канонов криминальной общности;

- *компенсаторный* – совершает преступление ради компенсации или разрядки психотравматических переживаний собственной ущербности, униженности, стигматизированности.

По **особенностям психической регуляции преступного поведения** можно выделить несколько типов:

- *расчетливый* – детально обдумывающий преступное посягательство, предусмотрительный;

- *эмоциональный* – совершающий преступления в преобладающей мере по воле чувств;

- *импульсивный* – совершающий преступления в силу привычки, криминальных стереотипов в форме реакции на обстоятельства при высоком нервно-психическом напряжении или в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения.

Юридическая психология : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / И. И. Аминов [и др.]. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – С. 109–112.

Личность преступника как явление типологического порядка есть носитель наиболее общих, устойчивых, существенных социально-психологических черт и свойств. Специфика личности как типа заключается в том, что она содержит особенности, которые выступают в качестве внутренних психологических причин преступного поведения. Ведь любое преступление, в какой бы форме оно ни совершалось, не есть случайное по отношению к личности. В своей основе оно подготовлено развитием ее социальных, нравственных, социально-психологических свойств. В качестве таковых выступают: жизненный опыт человека, наполненный антиобщественным смыслом, а также черты духовного мира, предопределяющие выбор общественно опасного варианта поведения в конфликтных ситуациях. Личность преступника является закономерной социальной фигурой для конкретного общества настолько, насколько закономерно существование преступности на данном этапе развития этого общества. Поэтому можно говорить о личности преступника как о временном социальном типе только в связи с преступностью, представляющей собой переходящее социальное явление. Этот временный тип, как и преступность в целом, обладает, однако, устойчивыми чертами и свойствами, позволяющими выделить его в качестве самостоятельного.

Существует несколько типологических схем личности преступника.

1. По характеру антиобщественной направленности и ценностных ориентаций:

- *негативно-пренебрежительный* по отношению к другой личности и ее важнейшим благам: жизни, здоровью, телесной неприкосновенности, чести, достоинству, спокойствию и др. Подобное отношение лежит в основе умышленных агрессивно-насильственных преступлений (убийства, телесные повреждения, изнасилование, оскорбление и пр.), а также большинства случаев хулиганства;

- *корыстно-частнособственнический* связан с игнорированием права человека на все виды собственности (хищения, кражи, мошенничество, взяточничество и иные корыстные преступления);

- *индивидуалистический* – эгоистическое отношение к различным социальным установлениям и предписаниям, своим общегражданским, служебным, семейным и прочим обязанностям (совершение хозяйственных преступлений, преступлений против порядка управления, правосудия, совершение воинских преступлений и пр.);

- *легкомысленно-безответственный* – безответственное отношение к установленным социальным ценностям, своим обязанностям по отношению к ним, проявляющееся в совершении различных неосторожных преступлений.

2. По степени общественной опасности, криминогенной зараженности, выраженности и активности личности:

- *особо опасный (активный антисоциальный)* – многократно судимые рецидивисты, для которых характерна устойчивая преступная деятельность, отличающаяся активной оппозицией обществу, его ценностям и нормам (постоянное совершение краж, грабежей, разбоев, хулиганских действий и тяжких преступлений против личности; крупные хищения имущества, взяточничество в особо крупных размерах);

- *опасные (пассивные социально)* – лица, «выпавшие» из системы нормальных связей и общения, длительное время ведущие паразитический образ жизни (бродяги, попрошайки, тунеядцы), неоднократно судимые, страдающие алкоголизмом. Совершают корыстные преступления (как правило, мелкие) с целью обеспечить свое антиобщественное существование. Как и *особо опасные*, устойчивы в своем противоправном поведении;

- *неустойчивые* – лица, совершающие преступления (порой неоднократно) не в силу стойких антиобщественных установок и представлений, а в связи с включенностью в жизнедеятельность некоторых групп отрицательной направленности, ведущих образ жизни на грани социально приемлемого и антиобщественного (совершают мелкие хищения, кражи, хулиганства в состоянии алкогольного опьянения, реже – грабежи, разбои и некоторые преступления насильственного характера);

– *ситуативные* – лица, общественная опасность которых выражена в поведении незначительно, но тем не менее имеется и проявляется в соответствующих ситуациях. Преступления совершаются ими не потому, что ситуации имеют решающее значение: из-за своих психологических особенностей они попадают в жесткую зависимость от ситуации, не находя социально приемлемого способа ее разрешения (корыстные и насильственные преступления совершаются в субъективно сложных жизненных обстоятельствах).

3. По мотивационным критериям:

- *корыстный;*
- *престижный;*
- *насильственный;*
- *сексуальный.*

Выделение корыстного типа приемлемо в том случае, если этот тип объединяет всех лиц, совершивших любое преступление по мотивам личного обогащения (кражи, грабежи, разбои, хищения, мошенничество, ряд должностных преступлений). Среди виновных в совершении корыстных и должностных преступлений заметно выделяется группа, совершающая такие деяния из престижных побуждений (занять более высокое социальное положение, завоевать авторитет среди ближайшего окружения и т. д.). Корысть, понимаемая в смысле личного обогащения, выступает в этом случае в качестве дополнительного мотива.

Сложнее определить тип личности преступников, совершающих корыстно-насильственные преступления (грабежи, разбои). В этом случае необходимо исходить из того, какие мотивы преступления были главными: если разбой совершен в целях обогащения, то субъекта следует отнести к корыстному типу. Однако практика показывает, что некоторые разбойные нападения организуются лидерами преступных групп не для собственного обогащения, а чтобы сплотить их участников, еще больше подчинить их своему влиянию.

Мотивы насильственных преступлений (убийства, телесные повреждения, изнасилования) и хулиганств достаточно разнообразны. Вообще назвать насилие мотивом ошибочно, потому что совершать действия насильственного характера ради них самих могут лишь психически больные, невменяемые люди.

Понятие насилия во многом отражает внешний характер действия, а не только его внутреннее содержание. Преступления против личности могут совершаться по мотивам личного обогащения, поэтому виновных следует относить к корыстному типу.

Некоторые убийства и телесные повреждения совершаются из хулиганских побуждений, по мотивам ревности и мести. Тогда лица, действия которых направляются указанными стимулами, могут быть отнесены к насильственному типу, а виновные в изнасиловании – к сексуальному.

Разумеется, по мотивационному критерию могут быть выделены и другие типы. Вместе с тем легко заметить в приведенной типологии, что вид преступлений не всегда совпадает с типом личности преступника.

4. В зависимости от соотношения сознания и нравственности:

- *антисоциальный* (лица совершают преступления неоднократно, имеют отрицательную жизненную позицию: воры, мошенники, убийцы);

- *асоциальный* (лица, совершившие преступление впервые, в результате случайного стечения обстоятельств: преступное бездействие, халатность, преступная самонадеянность, состояние аффекта).

Любая типология – условна: всегда можно встретить промежуточные и смешанные типы.

Классификация и типология преступников

Антонян, Ю. М. Криминология. Избранные лекции. – М. : Логос, 2004. – С. 90–94.

С одной стороны, все лица, совершившие преступления, отличаются друг от друга по демографическим, правовым, психологическим и иным признакам, а с другой – они по тем же признакам схожи между собой, образуют устойчивые группы. Поэтому возникает необходимость классификации и типологии преступников.

В советской юридической науке эти вопросы вначале решались с позиций уголовного и исправительно-трудового права. В связи с этим за основу классификации брались социально-де-

мографические (пол, возраст, род занятий и т. д.) и правовые критерии. Последние включают в себя характер и степень тяжести совершенных преступлений, длительность преступной деятельности, повторность совершения преступлений, объект преступного посягательства, форму вины и т. д. Классификации, предлагаемые криминологами, обычно исходят из нравственных и психологических признаков личности преступника, степени общественной опасности правонарушителей, ее глубины, стойкости, содержания.

В отечественной криминологии имеется опыт создания типологий преступников по мотивам совершенных преступлений. Почему в основу типологии был положен именно мотив? Мотив – внутреннее побуждение к поведению, это то, ради чего оно осуществляется, в нем заключается его субъективный смысл. Поэтому можно сказать, что мотив наиболее ярко характеризует человека и личность такова, каковы ее мотивы.

В соответствии с **мотивами преступного поведения** можно выделить такие типы:

- *корыстолюбивый*: лица, совершающие преступления из корысти, алчности, жадности;
- *престижный*: лица, совершающие преступления ради того, чтобы занять в жизни более высокое социальное место, завоевать авторитет, быть на виду;
- *игровой*: лица, для которых совершение преступления, прежде всего игра, азарт, возможность испытать острые ощущения;
- *защищающийся*: лица, которые с помощью преступления пытаются защититься от действительных или мнимых опасностей, угрожающих их жизни, здоровью, чести, социальному положению, материальному благополучию;
- *насильственный*: лица, которые испытывают удовлетворение от того, что причиняют другим боль и страдание, сеют смерть, т. е. люди, творящие насилие ради насилия;
- *сексуальный*: лица, которые совершают преступления ради удовлетворения сексуальной потребности, подтверждения своего биологического, физиологического статуса;
- *семейный тип* корыстных преступников выделяется в связи с той огромной, в том числе стимулирующей, ролью, которую играет семья. Этот тип обычно встречается среди расхити-

телей и взяточников и крайне редко среди лиц, совершающих кражи. Его представители характеризуются тем, что хищения совершаются не столько для самого себя, сколько для достижения необходимого, по их мнению и мнению близких и значимых для них людей, уровня обеспеченности материальными и духовными благами семьи и отдельных ее членов. В некоторых случаях интересы самого преступника вообще не принимаются во внимание и он даже ведет аскетический образ жизни. Многие такие корыстные преступники на работе характеризуются весьма положительно и, конечно, очень привязаны к семье, особенно к детям. *Семейная* мотивация весьма типична, например, для тех женщин, которые похищают вверенное им имущество ради детей, мужа, а нередко и знакомых мужчин, в частности в целях приобретения для них спиртных напитков. Нередки соединения в одном лице представителей *семейного и утверждающегося* типов, т. е. один и тот же человек похищает из корыстных мотивов, по мотивам самоутверждения (утверждения) и для обеспечения семьи;

– *дезадаптивный (или асоциальный) тип* включает в себя лиц, у которых нарушена социальная адаптация, т. е. приспособляемость к условиям социальной среды. Эти преступники ведут антисоциальный, часто бездомный образ жизни, выключены из нормальных связей и отношений, многие из них являются бродягами и алкоголиками. Они совершают, как правило, незначительные по стоимости похищенного кражи и хищения. Добытое преступным путем имущество и деньги используют для поддержания своего образа жизни, обычно связанного с употреблением спиртных напитков. Многие из них ранее были судимы, не имеют постоянного места жительства, прописки, паспорта или иных документов. Естественно, что они обычно нигде не работают, не имеют семьи; связи с близкими, родственниками отсутствуют, друзей, как правило, у них нет. Они как бы плывут по течению, обычно безразличны к своей судьбе, не думают о будущем. В основе такого дезадаптивного поведения лежит полная личностная неопределенность. У них нет устойчивого представления о себе, и они не стремятся к его приобретению. Все их поведение обусловлено неосознаваемым стремлением избежать идентификации (уподобления) с другим человеком, группой, социальной средой в целом, входяще-

ния в нее. Таким образом, смыслом их дезадаптивного поведения является боязнь социальной идентификации и обретения личностной определенности. Такая определенность формируется лишь в процессе активного социального общения, принятия на себя ролей, их проигрывания и выполнения требований среды, в которую включен человек. Благодаря оценкам других людей в процессе общения с ними, участия в совместной деятельности путем идентификации формируется самооценка, представление о себе и тем самым личностная определенность. Человек, у которого сформировано такое качество, знает, что он может и должен делать. Дезадаптивные корыстные преступники избегают включаться в социальные взаимодействия из-за имеющихся у них неосознаваемых тенденций к отрицанию своей социальной идентификации, любой социально-психологической стабильности. Их социальные контакты поверхностны, они если устраиваются на работу, то подолгу на ней не задерживаются, избегают любых обязательств и т. д. Другими словами, они стремятся жить как бы вне общества, вне социальной активности, отгораживаясь от любого проникновения в их внутренний мир. Обычно дезадаптивные личности не имеют законных источников получения средств к существованию: кражи и другие имущественные преступления дают им эти средства;

– *алкогольный тип* очень близок к дезадаптивному, но не сливается с ним. Критерием для выделения этого типа является совершение корыстных преступлений ради получения средств для приобретения спиртных напитков. Среди его представителей в основном те, кто постоянно злоупотребляет такими напитками, или больные алкоголизмом. Для корыстных преступников *алкогольного* типа характерны существенные изменения личности и прежде всего ее мотивационно-потребностной сферы: алкоголь становится смыслообразующим мотивом их поведения, мерилом всех ценностей и отношений. По мере роста зависимости от алкоголя этот мотив приобретает в структуре личности все более доминирующее место, подчиняя себе все иные мотивы. В связи с этим мотивационная сфера полностью перестраивается. Семья, работа, друзья – все это приобретает другое значение, связанные с ними мотивы теряют свою прежнюю побудительную силу. Меняется и круг об-

щения, которое в основном начинает реализовываться в группах антиобщественного поведения, что усиливает и усугубляет дезадаптацию, оторванность человека от нормальных связей и отношений. Корыстные преступления, совершаемые ворами и расхитителями алкогольного типа, обычно не отличаются повышенной общественной опасностью. Чаще всего это мелкие кражи или мелкие хищения на производстве для удовлетворения потребности в спиртных напитках. Преступления совершаются ими примитивными способами, обычно заранее не готовятся, не принимаются меры к уничтожению следов, а похищенное чаще всего тут же сбывается.

Однако среди виновных в корыстных преступлениях заметно выделяется группа людей, совершающих такие действия из соображений престижа, т. е. для того, чтобы занять в жизни более высокое социальное, в первую очередь должностное, положение, завоевать авторитет среди окружающих, быть все время на виду и т. д. Подобные устремления часто сопровождаются неправильным пониманием производственных и иных нужд своего предприятия или учреждения. В качестве дополнительного мотива может выступать корысть, понимаемая в смысле личного обогащения. Таким образом, перечисленных преступников можно объединить в *престижный* тип.

Тем не менее желание поддержать престиж способно подвигнуть не только на так называемые корыстные преступления. Установлено, что иногда кражи, грабежи, разбои, хулиганство, а также убийства, изнасилования и некоторые другие преступления совершаются ради того, чтобы завоевать авторитет в группе, закрепиться в ней, если членство в группе представляется ценным. Насильственные действия нередко провоцируются желанием самоутвердиться, подчеркнуть собственную значимость. Подобные мотивы характерны для преступников молодежного возраста. Причем соображения личного обогащения, когда насилие сопровождается завладением материальными ценностями, не всегда являются ведущими. Стало быть, и такого рода преступников целесообразно относить к *престижному* либо к *самоутверждающемуся* типу. Следует отметить, что *утверждающийся (самоутверждающийся) тип* встречается практически среди любых групп преступников, выделенных по характеру совершаемых преступлений.

Вообще вопрос об определении типа личности преступника, совершающего корыстно-насильственные преступления (разбой, грабежи, вымогательство), достаточно сложен. Для его решения необходимо определить мотивы. Так, если разбой был совершен в целях обогащения, то субъект должен быть отнесен к *корыстному* типу.

Среди несовершеннолетних немало тех, для кого совершение преступлений – игра, напоминающая игру в «казаков-разбойников». Следовательно, таких лиц надо причислять к *игровому* типу. Представителей игрового типа отличает постоянная потребность в риске, поиск острых ощущений, связанных с опасностью, включение в эмоционально возбуждающие ситуации, стремление участвовать в различного рода операциях, неожиданных контактах и т. д. Корыстные побуждения, как правило, действуют наряду с *игровыми*, поскольку для них одинаково значимы как материальные выгоды в результате совершения преступлений, так и те эмоциональные переживания, которые связаны с самим процессом преступного поведения. Последнее обстоятельство существенным образом отличает их от представителей иных типов, т. е. для них психологически весьма важен сам эмоциональный процесс таких действий. Более того, мы встречали случаи, когда этот процесс играл даже ведущую, мотивирующую роль, а остальные стимулы как бы отодвигались на второй план, что особенно характерно, например, для подростков. Многие из них стремятся тем самым обратить на себя внимание.

Представители *игрового* типа преступников и соответствующий тип поведения относительно редко встречаются среди убийц, чаще – среди грабителей, разбойников, хулиганов и виновных в изнасилованиях. Среди последних – это лица так называемого пассивно-игрового типа. Пассивного потому, что (чаще бессознательно) игру затевают женщины, своим поведением создающие видимость возможности вступления с ними в половую близость. Они же, не понимая сущности возникших ситуаций и действительного отношения к ним будущих потерпевших, вступают с ними в такие отношения, которые мы называем игрой. В итоге, чтобы сломить их сопротивление, преступники применяют насилие. Опыт изучения подобных преступников показывает, что значительное большинство из них

искренне верит в то, что женщины были согласны на все и поэтому они ни в чем не виноваты. Исследование лиц пассивно-игрового типа показало, что зачастую вследствие наличия у них физических или иных недостатков преступники не в состоянии установить нормальные сексуальные отношения с женщинами: ими они, по существу, отвергаются, а иногда подвергаются презрению и насмешкам. К тому же дебильность препятствует усвоению нравственных норм, регулирующих общение между полами. Поэтому лишенные возможности социально приемлемым путем удовлетворить свои сексуальные нужды такие преступники прибегают к насилию. Все это дает основание выделить среди насильников *отвергаемый* тип, не встречающийся среди других правонарушителей. Разумеется, дебильные личности можно обнаружить среди большинства категорий общеуголовных преступников, но это лишь отдельные случаи, не дающие оснований сформировать из них самостоятельный тип. Среди виновных же в изнасилованиях они встречаются гораздо чаще.

Разумеется, склонность к игре и *игровая* мотивация присущи не только преступникам. Существует много видов деятельности, связанных с риском, эмоционально возбуждающими ситуациями и т. д., например у альпинистов, автомотогонщиков, каскадеров, у представителей других профессий, чья работа представляет определенную опасность. Надо полагать, что ею занимаются те, кто индивидуально к этому предрасположен и имеет соответствующие способности. Выбор же противоправной или законопослушной формы реализации *игровой* тенденции зависит от формирования личности, ее воспитания.

Корыстные мотивы доминируют у людей, совершающих кражи или преступные действия, связанные с предпринимательской (финансовой) деятельностью, в том числе с использованием насилия. Несложной выглядит психолого-типологическая характеристика членов преступных организаций, в действиях которых можно обнаружить и престижные (включая сюда самоутверждение), и игровые, и корыстные, и насильственные мотивы.

Мотивы насильственных преступлений (убийство, нанесение вреда здоровью, изнасилование, хулиганство и др.) весьма разно образны. Вообще, считать насилие мотивом всех насильственных преступлений ошибочно, потому что совершение насильственных действий ради них самих можно наблюдать

далеко не всегда. Нередко понятие насилия отражает внешний характер действия, а не его сущностное, внутреннее содержание. Преступления против личности могут совершаться по мотивам личного обогащения, в таких случаях виновных следует относить к *корыстному* типу. Некоторые убийства, нанесение вреда здоровью, изнасилования совершаются из хулиганских побуждений или по мотивам мести и ревности. Лица, действия которых направляются указанными стимулами, могут быть отнесены к «насильственному» типу, а виновные в изнасиловании и других половых преступлениях на почве сексуальных побуждений – к «сексуальному».

Не менее сложна **типология по степени общественной опасности**.

К *абсолютно опасным* относятся преступники, совершающие серийные убийства, в том числе наемные и сексуальные; одновременные убийства нескольких человек, как правило, ранее незнакомых; убийства в ходе совершения террористических актов.

К *особо опасным* относятся лица, совершающие убийства в конфликтной ситуации; корыстные преступления с причинением большого материального ущерба; корыстно-насильственные преступления. Сюда же следует отнести руководителей преступных организаций.

К *опасным* относятся лица, совершающие преступления против личности, нарушающие общественный порядок и т. д., но не посягающие на жизнь.

К *представляющим незначительную опасность* относятся остальные преступники, в первую очередь совершившие преступления непредумышленно или в силу неблагоприятного стечения личных обстоятельств, но не против жизни человека.

Аналогичная схема может стать основой типологии корыстных преступников, однако критерии, определяющие каждый тип, будут, конечно, иными.

Существуют и другие типологии. Например, всех лиц, совершающих преступления, криминологи разделили на две большие группы: «**криминогенный тип**» и «**случайный преступник**»; первая в свою очередь состоит из таких подвидов, как «последовательно-криминогенный», «ситуативно-криминогенный» и «ситуативный». Но подобная типология несколько упрощает проблему. Существование *случайных* и *ситуативных* преступ-

ников вообще вызывает сомнение, поскольку, как показывает их специальное изучение, это, как правило, люди, которые в силу своих субъективных особенностей попадают в жесткую зависимость от внешних обстоятельств. Выбор же противоправного выхода из создавшихся ситуаций свидетельствует о предрасположенности именно к преступному образу действий.

Некоторые типологии преступников носят больше описательный, чем объяснительный, характер. В качестве примера приведем типологию расхитителей, разработанную В. Г. Танасевичем. К первой группе он отнес преступников с *ярко выраженной антиобщественной направленностью*, с чрезвычайно развитыми эгоистическими наклонностями, безразличным отношением к общественным интересам. В этой группе выделяются: *расхититель-делец* с активной антиобщественной установкой; *расхититель-рецидивист*, превративший хищения в основной источник доходов; *расхититель-«жулик»*, рассматривающий имущество как источник личного благополучия. Вторую группу составляют лица, совершающие хищения *при отсутствии выраженных антиобщественных устремлений в результате неблагоприятно складывающихся ситуаций, жизненных трудностей*.

Таких типологических схем, особенно в отношении корыстных преступников, можно привести немало, но они еще в недостаточной степени обладают объяснительными функциями.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что невозможно создать типологию личности и поведения всех преступников в зависимости от мотивов их уголовно наказуемых действий. Что касается типологий по иным критериям, то их сконструировать вполне возможно, хотя они обладают значительно меньшими объяснительными возможностями.

Психология преступной личности

Криминальная психология: теоретические и методологические аспекты науки / О. А. Ахвердова [и др.]. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2009. – С. 58–67.

Для того чтобы правильно решить сложные вопросы классификации и типологии преступников, что имеет большое научное и практическое значение, необходимо определить принци-

пиальные методологические подходы к этим приемам научного познания. Прежде всего следует отметить, что классификация и типология при всей их схожести не одно и то же. Классификация, являясь более низким уровнем обобщения, представляет собой устойчивую группировку исследуемых объектов по их отдельным признакам и строится на весьма жестких критериях групп и подгрупп, каждая из которых занимает четко зафиксированное место. Типология такой жесткой дифференциации не содержит.

Классификация преступников в юриспруденции может быть построена по различным основаниям, среди которых следует выделить две большие группы признаков: социологические (социально-демографические) и правовые. К первым из них относятся: пол, возраст, уровень образования, уровень материальной обеспеченности, социальное положение, наличие семьи, социальное происхождение, занятость общественно полезным трудом, род занятий, наличие специальности, место жительства. Ко вторым – характер, степень тяжести совершенных преступлений, совершение преступлений впервые или повторно, в группе или в одиночку, длительность преступной деятельности, объект преступного посягательства, форма вины.

Отдельную группу составляют признаки, характеризующие состояние здоровья преступников. В связи с этим могут быть выделены здоровые, а также лица, страдающие соматическими или психическими расстройствами.

Конечно, приведенный перечень признаков (критериев) классификации преступников не является исчерпывающим и может быть дополнен другими психологическими характеристиками. Здесь многое зависит от того, для чего осуществляется классификация, каким конкретным целям она подчинена.

Проблема типологии личности преступника может быть решена лишь на прочной методологической основе. Говорить о личности преступника как о социальном типе можно лишь в том случае, если она отличается каким-либо признаком, которого нет у представителей других социальных типов. Таким признаком, свойством является его общественная опасность, заключающаяся в возможности нанесения вреда тем отношениям, которые охраняет государство. Личность преступника как явление типологического порядка есть носитель наиболее

общих, устойчивых, существенных социально-психологических черт и свойств. Специфика личности как типа заключается именно в том, что в ней имеются особенности, которые выступают в качестве внутренних психологических причин преступного поведения. В качестве таковых выступают жизненный опыт человека, наполненный социальным содержанием, а также черты духовного мира, предопределяющие в конфликтных ситуациях выбор общественно опасного варианта поведения.

Зарубежные типологии личности преступника. Создатели **позитивистской школы** уголовного права врач-психиатр Ч. Ломброзо и криминолог Э. Ферри различали пять типов преступников: «прирожденных»; «преступников вследствие безумия» (психопатов и иных, страдающих психическими аномалиями); «преступников из страсти»; «случайных»; «привычных».

Так называемая **социологическая школа**, которая возникла как реакция на крайности ломброзианства, сохранила в основном ту же классификацию, исключив из нее лишь прирожденного преступника.

Юнговское деление людей на интравертированных и экстравертированных использовал в своей классификации преступников российский криминолог С. В. Познышев, хотя сам К. Г. Юнг не пытался распространить свою схему на классификацию преступников.

Другой последователь неопрейдизма Э. Фромм исходил из того, что человек существует, во-первых, благодаря тому, что он производит и потребляет вещи (процесс ассимиляции) и, во-вторых, устанавливает отношения с другими людьми (процесс социализации). Люди по-разному относятся к этим процессам. Различаются два типа ориентаций – продуктивная и непродуктивная. Поскольку преступники – это лица, повинные в преступной деятельности, то их ориентацию вряд ли можно назвать продуктивной. Типы характеров лиц с непродуктивной ориентацией в процессе их преобразовательной (ассимиляции) и коммуникативной (социализации) деятельности бывают следующими: «рецептивный» (получающий) и «мазохистский»; «эксплуататорский» (берущий) с садистскими наклонностями; «накопительский» с деструктивными наклонностями в отношениях с другими людьми и обществом»; «рыночный» (обменивающий) с выраженным эгоцентризмом и равнодушием к другим

людям. Мазохистские и садистские наклонности часто сочетаются, а деструктивизм и эгоизм обуславливают состояние психической и социальной отчужденности.

Современный представитель биопсихологического направления в криминологии Ж. Пинатель разделяет правонарушителей на две категории – «особых» и «обычных». Первые в свою очередь разделяются на психопатов, дебилов, алкоголиков и наркоманов. Среди «обычных» – профессиональные преступники и случайные. Последние могут быть: а) криминолоидами; б) «псевдопреступниками» (совершившие преступления по неосторожности) и «преступниками по страсти».

Р. Санфорд (последователь З. Фрейда) различает три категории преступников в зависимости от соотношения у них самосознания («Я»), нравственности («Сверх-Я») и бессознательных деструктивных влечений («Оно»): «досоциальные» (у них слабое «Я» и инфантильное «Сверх-Я», которое не в состоянии контролировать примитивные деструктивные влечения «Оно» к насилию или иной агрессии); «антисоциальные» (сильное «Я», слабое «Оно» и слабое «Сверх-Я» обуславливают эгоцентризм личности и корыстную направленность совершаемых преступлений); «асоциальные» (лица со слабыми «Я» и «Сверх-Я», но достаточно агрессивным «Оно», склонные к дезадаптивному поведению (бродяжничеству, проституции, алкоголизму, наркомании и связанным с ними преступлениям)).

Вот пример современной криминологической классификации социологического направления: «социопаты» (у них отсутствуют внутренние моральные запреты и способность к эмоциональным контактам); «невротики»; «эгоистические личности»; «преступники в силу подверженности к определенной субкультуре и референтной группе».

Отечественные классификации и типологии преступников. В период становления и кратковременного расцвета советской криминологии 20-х гг. XX века проблеме типологии преступников было посвящено несколько интересных работ, в которых к традиционному перечню присоединялись профессиональные преступники (Е. Немировский), а также расхитители и коррумпированные чиновники (Г. Шнейдер и др.).

А. Е. Петрова (Психологическая классификация личностей. Элементарная методика, 1927), как и другие авторы психологи-

ческих схем, начинает свою классификацию с разделения всех людей на две исходные категории – нормальных людей («непримитивных») и «примитивных», то есть с неразвитой психикой и социально неадаптированных. «Примитивными» признаются дети, душевнобольные и преступники. «Примитивы» отличаются от «непримитивов» неясным восприятием, недостаточно развитым мышлением, импульсивной реакцией, неразвитостью социально-правовых понятий и нравственных чувств; действия их, как правило, не согласуются с мыслями.

Однако если работа А. Е. Петровой оказалась почти забытой, то классификация личностей, предложенная А. Ф. Лазурским в те же годы, была высоко оценена современниками и используется в наше время. Преступников следует отнести к той человеческой категории, которую А. Ф. Лазурский назвал «извращенным» типом. Принимая во внимание доминирующие черты характера («психическое содержание личности»), автор разделяет этот тип на четыре подтипа: «рассудочные», «слабовольные», «импульсивные», «эмоциональные» – и располагает их на трех уровнях психической активности – высшем, среднем и низшем. В зависимости от преобладания тех или иных личностных свойств, степени выраженности асоциальных установок, уровня криминальной зараженности, криминального опыта и квалификации может быть проведена психологическая классификация правонарушителей (преступников).

В этом смысле любопытна классификация В. М. Бехтерева, который подчеркивал, что в одних случаях в основе преступления лежат особенности эмоциональной сферы, необычайная раздражительность, импульсивность. Таких лиц он называет «преступники по страсти». В других – преступность имеет причиной недоразвитость нравственной сферы, стремление удовлетворить свои потребности без особого труда. Такие преступники обычно совершают противоправные действия с обдуманном намерением и умыслом. В. М. Бехтерев называет их «преступниками, лишенными нравственного чувства» или «врожденными преступниками». Третья категория – это «слабоумные преступники», которые вследствие недостатков в интеллектуальной сфере не могут оценить значение прав собственности и различий между добром и злом. Четвертая категория – «преступники с ослабленной волей», отличающиеся ленью и неспособностью к систематическому труду.

Известна классификация преступников, проведенная С. В. Познышевым (Познышев С. В. Очерки тюрьмоведения, 1915). Прежде всего он разделял преступников на «эндогенных» (совершивших преступления в силу внутренних, личностных факторов, сознательно вставших на преступный путь) и «экзогенных» (вставших на преступный путь в силу влияния внешних обстоятельств, сложившейся жизненной ситуации, других людей). Затем в этой классификации выделяются профессиональные преступники («профессионалы») и «криминолоиды». В заключение даются 4 категории преступников: а) «эмоциональные»; б) «нравственно ослабленные»; в) «эмоциональные» и одновременно «нравственно ослабленные»; г) «совершившие преступление в состоянии возбуждения под влиянием наркотиков и алкоголя».

А. Г. Ковалев выделяет в своей классификации: «глобальный» преступный тип, характеризующийся полной преступной зараженностью и большой степенью общественной опасности; «парциальный» преступный тип, характеризующийся внутренней «раздвоенностью», сочетанием в себе черт нормального социального типа поведения и черт преступника; «предкриминальный» тип, отражающий потенциальную возможность лица стать преступником, попав в определенную ситуацию, так как у него снижена нравственная и психологическая устойчивость.

К. К. Платонов классифицировал преступников **по индивидуально-психологическому критерию:**

- 1-й тип самый «отягощенный» (определяется соответствующими взглядами и привычками, внутренней тягой к повторным преступлениям);

- 2-й тип определяется «неустойчивостью внутреннего мира» (совершает преступление под влиянием сложившихся обстоятельств или окружающих лиц);

- 3-й тип определяется «высоким уровнем правосознания» (в случае ранее совершенного преступления – глубоким раскаянием в содеянном), но пассивным отношением к другим нарушителям правовых норм;

- 4-й тип определяется не только высоким уровнем правосознания, но и «активным противодействием» или хотя бы попытками противодействия нарушению правовых норм;

– особый 5-й тип безотносительно к личности, ее внутреннему миру определяется возможностью только «случайного», в частности в условиях алкогольного опьянения, преступления.

«Преступная личность» как психологическое понятие определяется безоговорочно только у 1-го типа из указанных выше. Только в этом случае понятия «личность преступника» и «преступная личность» совпадают, и их расхождение требует глубокой перестройки данной личности. Для 2-го типа это совпадение чаще бывает только кратковременным.

Все единичное в личностях преступников при всем их неповторимом разнообразии может быть сведено к четырем типам: «случайно-небрежные»; «оступившиеся»; «привычные правонарушители»; «преступники-профессионалы». К **случайно-небрежному типу** можно отнести осужденных за дорожно-транспортные происшествия, которые не повлекли за собой тяжких последствий. Оступившиеся под влиянием обстоятельств, если у них нет оснований быть зачисленными в следующую группу, составляют далеко не главную, как иногда считают, массу осужденных. Это дифференцированная группа, дающая основной контингент для успешного условно-досрочного освобождения без последующего рецидива. Отграничение этого типа преступников от предыдущего типа, «случайно-небрежных», определяется тем, что его представители вполне сознательно идут на преступление, оправдывая свой шаг иногда обстоятельствами, иногда (что психологически, по существу, то же самое) слишком большим соблазном и надеждой на безнаказанность, на «авось». От следующего типа личностей преступников – «привычных правонарушителей» – тип «оступившихся» отличается отсутствием глубоких корней в социальной патологии развития их личности до первого преступления. Он очень редко дает рецидивы, а если дает, то обычно вследствие невозможности трудоустроиться или перехода в 4-й тип под влиянием уголовного окружения в исправительной колонии.

Правонарушителей **привычного типа** характеризуют: ослабленные «социальные тормоза», что приводит к ослаблению не только психологических, но и физиологических тормозов, стирая грань между правонарушением типа перехода улицы на красный свет и правонарушением, квалифицируемым как преступление.

Тип **преступников-профессионалов**, совершающих неоднократные преступления, характеризуется низкой общей и особенно моральной культурой. Это тот единственный случай, когда типом личности преступника является «преступная личность».

В ходе современных исследований психологических особенностей лиц, совершивших преступные деяния, обращает на себя внимание такое интегративное качество личности, как *социальная адаптивность*, которая оказывает влияние на отношения субъекта с окружающей его социальной средой, определяет его жизненную стратегию, тактику повседневного поведения, взаимоотношений с окружающими его людьми, способы разрешения различных конфликтов с помощью правовых либо не правовых (криминальных) средств. Уровень социальной адаптивности определяют следующие психологические факторы (свойства личности): нервно-психическая, эмоционально-волевая устойчивость личности; интеллектуальный уровень развития субъекта; мотивационная сфера личности (мотивы достижения, избегания неуспеха, ценностные ориентации, мировоззренческая основа личности). Различное сочетание качественных характеристик, формирующих тот или иной фактор, позволяет оценивать уровень социальной адаптивности личности и прогнозировать поведение субъекта, наиболее предпочтительные для него способы разрешения конфликтов, способность управлять ситуациями, в которых он неожиданно оказывается либо которые, напротив, сам целенаправленно ищет во имя удовлетворения своих потребностей, достижения уровня собственных притязаний.

С точки зрения социальной адаптивности лиц, совершающих преступления, условно делят на два основных типа: **социально-адаптивный и социально-дезадаптивный** с выделением промежуточных вариантов.

Социально-адаптивный тип личности преступника отличается высоким уровнем нервно-психической, эмоционально-волевой устойчивости, сопротивляемость (толерантность) к стрессу, к длительно воздействующим психофизическим перегрузкам, стенический тип реагирования в сложных, критических ситуациях, развитые адаптивные свойства нервной системы: сила, подвижность нервных процессов. Эти качества могут усили-

ваться хорошо развитым интеллектом, позволяющим субъекту успешно осваивать тот или иной способ совершения преступлений, гибким мышлением, сообразительностью, прагматическим складом ума, способностью прогнозировать развитие событий не только во время совершения преступления, но и в последующем в ситуациях активного противодействия усилиям правоохранительных органов. Такие лица нередко имеют достаточно широкий круг интересов (и не только в криминальной сфере), хорошую память, развитое внимание, воображение, обостренное восприятие, часто отличаются высоким (завышенным) уровнем притязаний, что иногда приводит их к переоценке своих сил и возможностей и может послужить одной из причин ошибок в ходе их противодействия работникам правоохранительных органов. В мотивационной структуре личности данного криминального типа, как правило, преобладают мотивы достижения, ценностные ориентации, позволяющие осознанно игнорировать социальные нормы, общепринятые правила поведения, преступать недозволенное. Совокупность отмеченных выше качеств личности позволяет представителям данного типа дольше других правонарушителей оставаться неразоблаченными, основательно усваивать криминальный опыт, умело используя его в своей преступной деятельности, приобретать соответствующую криминальную квалификацию. Такой тип личности распространен среди тех, кого относят к профессиональным преступникам, лидеров организованных преступных групп, активных участников совершения групповых преступлений, руководителей различных организованных преступных сообществ и бандитских формирований.

Социально-дезадаптивный тип личности преступника отличается низкой эмоционально-волевой устойчивостью, пониженной устойчивостью к стрессу, невротическая симптоматика, ярко выраженные акцентуированные свойства характера по гипертимно-неустойчивому, эпилептоидному и некоторым другим типам, психические аномалии, психотические расстройства, психопатические особенности личности. Неразвитые в должной мере социально-адаптивные качества таких лиц, сниженный порог их нервно-психической устойчивости могут усугубляться недостаточно высоким интеллектом, слабо развитыми прогностическими способностями. Кроме того, пове-

дение подобного рода субъектов во многом бывает обусловлено достаточно примитивными потребностями (проводить время в постоянных развлечениях, сопровождаемых употреблением спиртных напитков, наркотиков и пр.). Интересы, ценностные ориентации, мировоззренческая основа таких лиц характеризуются своей бездуховностью, примитивным складом, отсутствием высоких идеалов. Поэтому им трудно прогнозировать свои поступки, поведение во имя достижения более значимых целей по сравнению с удовлетворением каких-то сиюминутных потребностей. А поскольку такие потребности далеко не всегда могут быть удовлетворены, все это способствует появлению у них неконтролируемого состояния фрустрации, повышенной агрессивности, проявляемых при совершении различных преступлений насильственного характера от обычного хулиганства до более опасных деяний, актов вандализма, разбойных нападений и пр.

Низкий уровень социальной адаптации можно наблюдать у лиц, относимых криминологами к так называемому **неустойчивому**, а также **ситуационному типу** преступников, нередко оказывающихся во власти обстоятельств, которыми им трудно управлять, сохраняя должную эмоционально-волевую устойчивость, самоконтроль за своими действиями и поведением. Поэтому такие лица чаще других оказываются под воздействием аффективно окрашенных состояний, фрустрации и т. п. Сниженный интеллект при высоком уровне притязаний, отсутствие должного воспитания, навыков поведения, принятых в обществе, в еще большей мере могут способствовать совершению такими лицами всевозможного рода насильственных преступлений.

Психология преступного поведения.

Типология личности преступника

Юридическая психология : учебник / А. М. Бандурка [и др.]. – Харьков, 2002. – С. 380–386.

Личность преступника – это совокупность негативных социально значимых качеств преступника, проявляющаяся в конкретном преступном деянии. Качества личности виновного

должны быть рассмотрены с точки зрения их иерархической структурированности. И здесь на передний план выдвигаются как общая ценностно-ориентировочная схема личности, так и психологические особенности отдельных категорий преступников.

В истории психологии и криминологии предпринимались попытки дать психологическую классификацию личностей преступников. Так, например, известный русский психолог А. Ф. Лазурский, взяв основанием для типологии природные психологические возможности и особенности социальной приспособленности личности к действительности, наряду с другими выделял так называемый **извращенный тип** низшего уровня, который, по его мнению, плохо приспособлен к жизни. В свою очередь, извращенный тип А. Ф. Лазурский делил на ряд типов:

1. **Пассивный тип**, имеющий два подтипа: а) апатичный, характеризующийся отсутствием ярко выраженных интересов и потребностей, равнодушным отношением к окружающей действительности; б) безвольно-робкий, легко внушаемый, с преобладанием подавленного настроения (не относится к криминальному типу, но может служить источником пополнения преступного мира).

2. **Расчетливо-эгоистический** тип, характеризующийся хитростью, черствостью и злопамятностью, заботой о своих выгодах и интересах, преимущественно материальных; этот тип близок к криминальному, ибо его представители легко, без понуждений со стороны, сознательно становятся на путь преступлений.

3. **Аффективно-извращенный** криминальный тип, представители которого – беспорядочно веселые, легкомысленные люди, пропойцы, драчуны, скандалисты, мелкие воришки.

4. **Активно-извращенный** криминальный тип включает два подтипа: а) беспорядочного насильника, характеризующегося решительностью, энергией, склонного к дракам, не любящего работать; б) сосредоточенно-жесткого, способного на самые жестокие зверства и убийства.

Классификация А. Ф. Лазурского имеет определенное познавательное значение, хотя в ней и допускается психологизация преступности.

Ряд современных исследователей разрабатывают классификации преступников исходя из характеристики направленности их личности. Так, Г. М. Миньковский берет за основу типологии «ступенчатое различие направленности», ориентаций личности (включая систему установок) как адекватное выражение социально-демографической, нравственно-психологической и правовой ее характеристик и выделяет четыре типа правонарушителей:

- для первого типа преступление является *случайным*, противоречащим общей направленности личности;

- для второго оно возможно с учетом общей неустойчивости направленности личности, но является *ситуативным* с точки зрения повода и ситуации;

- для третьего оно результат *общей отрицательной ориентации* личности, обуславливающей выбор среды, времяпрепровождение и непосредственный вариант действий при наличии подстрекательства, примера преступного поведения и т. п.;

- для четвертого оно результат *преступной установки* личности, включающей активный поиск, организацию повода и ситуации для преступных деяний, относительно устойчивой системы антисоциальных оценок и отношений.

Предложенная Г. М. Миньковским типология не только фиксирует основные варианты возможной направленности личности правонарушителей, но и отражает процесс постепенного формирования социально негативных черт личности, переход от единичных отклонений к их «цепочке» в случаях, когда противодействующие меры несвоевременны или недостаточно интенсивны. Знание этих особенностей позволяет оборвать, а затем и устранить криминальное развитие личности.

Однако само по себе деяние не раскрывает полностью субъективных сторон личности преступника. Деяния, одинаковые по юридическим признакам, могут быть обусловлены различными психическими факторами. Кража, например, в одном случае обнаруживает хищническую приобретательскую направленность виновного, а в другом – слабоволие и внушаемость. От первого, скорее всего, можно ожидать повторного хищения, от второго – самых разнообразных поступков.

Анализируя личность преступника, исходя из типа, можно определить степень социальной дезадаптации и ориентационно-поведенческую схему личности преступника.

Об экспериментальном психологическом исследовании преступников

Бехтерев, В. М. Об экспериментальном психологическом исследовании преступников // Обозрения психиатрии. – 1902. – № 8. – С. 40–44.

Чем более мы углубляемся в изучение преступных лиц, тем более убеждаемся в сложности тех психических и моральных условий, которые лежат в основе преступности. Уже один факт, что мы до сих пор не можем условиться относительно различных категорий преступных лиц, указывает на особенную сложность психической основы преступления. Факт этот объясняется тем, что в таком деле, как преступление, отражается вся личность субъекта и даже, более того, вся его психофизическая организация, причем в одних случаях в основе преступления лежит особая порывистость чувственной сферы, ее необычайная раздражительность, ее импульсивность, это так называемые **«преступники по страсти»**. В других случаях преступность в своей основе имеет природный недостаток чувственной сферы, выражающийся недоразвитием нравственных чувствований, благодаря чему этой категории преступники совершают обыкновенно преступления с заранее обдуманном намерением, ради удовлетворения потребностей своей натуры без большого труда. Это преступники, лишенные нравственного чувства, чаще всего **«врожденные преступники»**, приближающиеся к категории известной формы – moral insanity (нравственное умопомешательство). В третьих случаях преступления совершаются вследствие недостатка в интеллектуальной сфере, вследствие невозможности оценки значения прав собственности и более или менее ясного различения между злом и добром. Это так называемые **«слабоумные преступники»** или душевно больные преступники. В четвертых случаях мы имеем преступников с **«ослабленной волей»** вследствие алкоголизма или других причин, которые отличаются ленью, неспособностью к систематическому труду и для которых преступление является единственной возможностью существования.

Но все эти деления преступников на те или другие категории, которых предлагалось и предлагается многое множе-

ство, страдают большой условностью. Как психическую сферу нормального человека мы только условно можем разделять на ум, чувство и волю, в действительности же наша психическая сфера представляет одно общее целое, неразрывно связанное в своих отдельных частях, так точно и вышеуказанные деления преступных типов пригодны нам лишь для общей и притом предварительной ориентировки среди массы преступников, в действительности же никто не станет отрицать, что преступность есть явление крайне сложное и далеко не вмещающееся в вышеуказанные категории, не говоря о массе индивидуальных особенностей преступных лиц в каждом отдельном случае.

Мне кажется, что, несмотря на толчок, данный криминально-антропологическим направлением изучению преступности в последний период времени, мы, в сущности, мало продвинулись в изучении преступных лиц и специально антропологическое исследование преступников, которое предполагало открыть особый атактистический преступный тип Lombroso, не дало нам положительных результатов, самое же существование преступного типа в смысле Lombroso подвергается, как известно, большому сомнению и мало кем признается. Этим, конечно, ничуть не умаляется значение того огромного фактического материала, который был собран в отношении физического сложения преступников Lombroso и его учениками и который указывает ближе всего на отношение известной категории преступников к вырождению. С другой стороны, психологическое исследование преступников, которое велось уже издавна и которое получило особенный толчок со времени развития уголовно-антропологической школы, уже в значительной степени использовано многочисленными авторами, работавшими в указанном направлении, и хотя в этом направлении, без сомнения, много еще может быть сделано, но главные результаты в этом отношении уже намечены.

Тем не менее остается еще одна область психологического исследования, которая до сих пор не получила пока применения в должных размерах к исследованию преступных лиц и которая, на мой взгляд, обещает быть в этой сфере наиболее плодотворной, так как приобретаемые ею результаты отлича-

ются большей точностью и возможной научной устойчивостью. Я говорю об экспериментально-психологическом исследовании преступников. Само собой разумеется, что здесь идет речь не об исследовании элементарных психических процессов как простой и сложной реакции, хотя и за исследованиями этого рода нельзя отрицать известного значения, главным же образом, по моему мнению, следует иметь в виду экспериментально-психологическое исследование чувственной реакции, памяти, ассоциации идей, этических представлений, соображения, внимания и проч., следовательно, тех явлений психической жизни, которые входят в область главным образом того отдела экспериментальной психологии, который носит название индивидуальной психологии. Сравнение полученных таким образом данных у преступников с теми, которые мы можем иметь относительно нормальных и честных лиц того же слоя общества, может дать нам более или менее верные указания относительно различия психического склада преступников по сравнению с честными лицами.

Что касается специально нравственной сферы, т. е. нравственных чувствований и представлений, то мне кажется, что и она при известной осторожности может быть также исследована путем ассоциаций, путем суждений, опросов и проч. Не следует, конечно, думать, что правильные нравственные воззрения должны совпадать с нравственностью лица вообще, так как мы видели, что преступность может корениться в нарушении не нравственных суждений и не интеллектуальной сферы вообще, а в нарушении чувственной сферы или сферы воли. Поэтому было бы ошибочно из данных, полученных при исследовании в области сферы нравственных суждений у преступников, выводить заключения об их нравственной сфере вообще, об исправимости преступника и проч., но они могут тем не менее войти в общую характеристику данного психологического типа как необходимый ингредиент.

Мне нет надобности прибавлять, что экспериментально-психологическое исследование преступников должно производиться совместно с подробным обследованием физического состояния преступников, так как при оценке психического склада того или другого лица должно принимать во внимание и фи-

зическую его природу. Ввиду важности, которую мы придаем экспериментально-психологическому исследованию преступников, я полагаю, что наше общество нормальной и патологической психологии могло бы оказать свою посильную помощь изысканиям подобного рода, выработав общий руководящий план исследования преступников вообще, преимущественно в психологическом отношении и в особенности в экспериментально-психологическом отношении и тем самым облегчило бы работу отдельных исследователей в этом направлении.

Преступность и преступники

Дриль, Д. А. Преступность и преступники. – СПб. : Издание Я. Канторовича, 1895. – С. 122–125.

Научное направление, известное во всей своей совокупности его оттенков или подразделений под названием уголовно-антропологической школы, отличается от всех других направлений в науке уголовного права по предмету своего исследования. Этим предметом ей служит не преступление как деяние, а сам деятель, т. е. преступник. Преступное же деяние для нее важно исключительно постольку, поскольку в нем проявляются особенности преступника.

Стремление ясно и резко разграничить душевную болезнь, порок и часто сопутствующее ему преступление имеет свою долгую историю. Преступные деяния, будучи по характеру своему вполне однородны с деяниями порочными и безнравственными, в то же время представляются столь опасными для общего благосостояния, что общественное мнение всегда требовало и продолжает требовать по отношению к ним исключительной меры ограждения – угрозы наказанием.

Для сколько-нибудь удовлетворительного выяснения вопроса о человеческой преступности недостаточно сказать вообще, что преступник представляет собою существо более или менее дурно уравновешенное и более или менее затронутое процессом психофизического вырождения. Необходимо еще ближе присмотреться к явлениям неуравновешенности и вырождения в их многообразных формах, а главное – в их социальных факторах и социальных следствиях.

Строго определенную минимальную степень соответствия всей психофизической структуры личности с условиями жизни окружающего общества, степень, необходимую для самостоятельной жизни в нем, я называю типом нормального общественного человека. Пока минимум общественной приспособленности не нарушен, до тех пор изменяющаяся натура остается приспособленной, способной крепнуть, преуспевать и прогрессировать в условиях данного общества. Если указанный минимум приспособленности нарушен, личность психически, физически и общественно начинает клониться к упадку, регрессировать и отступать от своего прежнего типа. Процесс постепенного регресса может совершаться в одно поколение или может охватывать несколько последовательных поколений, которые будут давать в своих представителях различные стадии вырождения и различные разновидности вырождающихся. Скорость процесса вырождения будет обуславливаться, с одной стороны, силой и длительностью неблагоприятных внешних влияний, а с другой – степенью начальной стойкости и крепости натуры: крепкие и стойкие могут выносить больше и дольше влияние неблагоприятных условий без больших уклонений.

В недостаточностях деятельности наших органов и различных аномалиях состава и окраски самочувствия должно искать ближайший психологический источник существования недостаточных, несчастных, дефективных и предрасположенных натур, которые при наличии неблагоприятных окружающих условий могут и действительно дают нам преступников.

Уголовное право имеет дело преимущественно с самыми худшими разновидностями вырождения, у которых кроме основных недостатков их существа развивается еще много производных их порочной и преступной карьеры.

Конечно, как и повсюду в природе, в сфере преступления нелегко провести резко разграничительные линии между вырождающимися, населяющими приюты и лечебницы для душевно больных под именем «страдающих», и **вырождающимися**, населяющими тюрьмы. Хотя среди преступников и есть душевно больные, тем не менее большинство из них – вовсе не больные, а только более или менее недостаточные, неуравновешенные, порочные и вырождающиеся натуры.

Сам собою напрашивается вопрос о так называемых **случайных преступниках** в противоположность **профессиональным**.

Недостатки и порочности натуры в одном случае могут быть настолько сравнительно незначительны, что их неблагоприятное влияние будет достаточно сильно проявляться и предрасполагать к преступлению только при наличии исключительно неблагоприятных положений, в которые человек попадает нечасто. Конечно, общее субъективное основание преступности будет налицо и в этих случаях, но оно будет сравнительно выражено в различной степени, смотря по индивидуальностям.

В других случаях так называемой случайной преступности недостатки и пороки натуры, предрасполагающие к преступлению при наличии неблагоприятных внешних условий, могут быть преходящими, иными словами, могут быть результатами временных, более или менее длительных и более или менее устойчивых психофизических состояний, из которых складывается жизнь человека. Некоторые из этих временных уклонений и длящихся состояний могут быть настолько неблагоприятны для душевного равновесия, что по своему влиянию на деятельность могут быть приравнены к стойким и важным недостаткам и порокам натуры.

Когда недостаточные и порочные натуры уже сформировались, тогда мы имеем перед собой готовый результат, который при наличии предрасполагающих условий дает место своим следствиям: два фактора преступления образуют равнодействующую – преступную деятельность.

Отдельно следует рассмотреть такой тип преступника, как **неуравновешенные наследственники**. Отличительная черта представителей этого типа – постоянно резкие колебания настроения (от явно выраженной подавленности к столь же явно выраженной возбудимости через целый ряд посредствующих ступеней), не обусловленные внешними причинами.

Перед нами предстает как бы хамелеон: с изменением его настроения всегда изменяется его мышление (как количественно, так и качественно), а вместе с тем будет резко колебаться и характер его отношений с окружающими. Наряду с этим неуравновешанным наследникам присущи другие второстепенные

психические особенности: раздражительность, часто импульсивность, неуравновешенность, лицемерие, лживость, отсутствие устойчивого уважения к чему-либо, неустойчивость воли, усиленно развитое самолюбие, страстное желание быть на виду.

В период подавленного настроения наследственники видят все в черном цвете, испытывают неопределенное беспокойство, в людях замечают только отрицательные черты.

Подвижность их привязанностей и ненавистей удивительная. Существа изменчивые, непостоянные, непоследовательные, парадоксальные и бесчувственные, они всегда реагируют капризно и преувеличенно. Нет ничего более обыкновенного, как наблюдать у наследственников инстинктивное влечение ко злу во всех его формах. Эти развращенные инстинкты проявляются уже в детском возрасте: малолетние наследственники часто проявляют ужасную жестокость: они мучают животных и с наслаждением смотрят на их агонию и страдания. Им доставляет наслаждение бить более слабых, заставлять их терпеть всевозможные страдания, которые они могут только изобрести. Вырастая, наследственники привносят во взрослую жизнь те же детские влечения.

Типология личности преступников

Еникеев, М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии : учеб. для вузов. – М. : Норма, 2005. – С. 297–300.

В основе криминально-психологической классификации личности преступников лежат доминирующие позиции личности, ее побуждения, мотивы, устойчивые цели и способы совершения преступления, мера десоциализированности личности, характер ее антисоциальной направленности. В совершении преступного деяния поведенческий тип личности – основная его причина, которая требует компетентного анализа.

В типологии личностей преступников следует различать три градации:

- 1) общий тип преступника;
- 2) личность преступника определенной категории;
- 3) личность преступника определенного вида.

Эти градации соотносятся между собой как общее, особенное и единичное.

Поскольку социальным ядром личности является ее направленность, система жизненных отношений, мотивационно-ценностная ориентация, то это ядро и должно определять тип преступника.

Критериями типического в преступнике являются мера его асоциальной деформации, характер социально-ценностной деформации и дефекты психической саморегуляции.

По первому критерию (**мера асоциальной деформации**) можно выделить три типа преступников:

- *антисоциальный (злостный);*
- *асоциальный (менее злостный);*
- *характеризующийся дефектами психической саморегуляции (случайный).*

По второму критерию можно установить три категории преступников:

- *насильственный;*
- *корыстный;*
- *корыстно-насильственный.*

Внутри этих групп преступлений выделяются конкретные виды преступников: воры, расхитители, взяточники, мошенники, грабители, убийцы и т. д.

По содержанию ценностно-ориентационной направленности личности мы выделяем:

1. *Преступников с антисоциальной корыстной направленностью.* Эта группа преступников посягает на основное достоинство общества – распределение материальных благ в соответствии с мерой и качеством затраченного труда. Здесь выделяют четыре группы преступников:

- *корыстно-хозяйственные* (фальсификация товаров, игнорирование налогообложения, лицензирования и т. п.);
- *корыстно-служебные* (хищение путем злоупотребления служебным положением, обман клиентов, вымогательство взяток);
- *воры* (лица с корыстным посягательством, связанным с тайным похищением имущества);
- *мошенники* (подделка документов, обманное вымогательство).

2. *Преступники с антисоциальной корыстно-насильственной направленностью* – лица, совершающие корыстные посягательства, сопряженные с насилием над личностью (насильственное вымогательство, грабежи, разбойные нападения).

3. *Преступники с агрессивной направленностью* – лица с крайне пренебрежительным отношением к жизни, здоровью и личному достоинству других людей. В этой группе выделяют четыре подгруппы:

- хулиганы;
- злостные хулиганы;
- лица, причиняющие ущерб чести и достоинству личности путем оскорбления и клеветы;
- лица, совершающие агрессивно-насильственные действия против личности (убийства, изнасилования, причинение телесных повреждений).

По психорегуляционному основанию мы выделяем тип личности преступника, характеризующийся **дефектами психической саморегуляции**, – лица, совершившие преступление впервые и в результате случайного стечения обстоятельств (совершенное преступление противоречит общему типу поведения данной личности, случайно для нее). Это лица, не сумевшие противостоять криминогенной ситуации в результате низкого уровня самоконтроля и ситуативной обусловленности поведения. Этот тип мы подразделяем на четыре разновидности:

- лица, допускающие преступную халатность, бездействие;
- лица, совершающие преступления в результате чрезвычайной самонадеянности;
- лица, совершающие преступления в результате сильного душевного волнения и в ответ на неправомерные действия других лиц;
- лица, совершающие преступления в силу повышенной ситуативной дезадаптации.

Наряду со степенью десоциализации и дефектами ценностной направленности следует различать личность преступника – индивидуалиста и личность преступника – члена преступной группы (сообщества). В последнем случае существенными криминально значимыми признаками являются: групповой статус преступника и его ролевая функция в преступной группе.

Криминологическая и психологическая классификация лиц, совершивших преступления

Зелинский, А. Ф. Криминальная психология : науч.-практ. издание. – Киев : Юринком Интер, 1999. – С. 24–34.

Гуманитарная типология событий, явлений и людей не бывает единообразной. Сказываются идеологические и теоретические пристрастия, а также трудности определения критериев в оценке и измерении человеческих характеров и поступков. К тому же юридическая криминология нередко игнорирует достижения психологической науки – «королевы человековедения».

Специальное исследование различных типов преступников провел С. В. Познышев (1926). В зависимости от того, как соотносятся объективные обстоятельства и внутренняя личностная готовность к преступлению, он разделил всех правонарушителей на **«онтогенных»** и **«экзогенных»**. Первых назвал идейными противниками правопорядка, извлекающими из преступлений выгоду, «моральными психастениками», которым чужды нормы морали и способность к сопереживанию. Позже категория «онтогенных» преступников получила в литературе наименование «социопаты». Вторые, совершившие преступление под воздействием внешних влияний, могут быть лицами: 1) с недостаточно развитыми правовыми чувствами; 2) недостаточно самостоятельными в выборе поступков, т. е. внушаемыми, легкомысленными и слабохарактерными.

В 60–70-е годы XX века советская криминология была уже не такой, как в конце 20-х годов. Показательной в этом отношении оказалась теоретическая метаморфоза, происшедшая тогда с признанным лидером и старейшиной криминологии А. А. Герцензоном: избежав ареста в годы репрессий, он, активный в прошлом сторонник естественно-научной методики, выступил с серией статей, направленных против «биологизации и психологизации» социальных явлений, к которым принадлежит и преступность. Соответственно вели себя и неофиты – преподаватели уголовного права, занявшиеся криминологией: преступников группировали преимущественно по социаль-

но-демографическим (пол, возраст и пр.), уголовно-правовым признакам (виды преступлений, их тяжесть, рецидив).

В сущности, это никакая не классификация преступников, а показатели структуры преступности, что и отметил А. Б. Сахаров при разработке классификации личности преступника, построенной по двум основаниям: 1) **характер совершенных преступлений**; 2) **глубина и стойкость антиобщественной направленности личности**.

По первому основанию выделяют: 1) **насильственных преступников** (агрессивных) – убийцы, насильники, хулиганы, осужденные за телесные повреждения, вандализм и т. п.; 2) **корыстных преступников**, совершивших кражи, хищения, мошенничество, а также взяточников, дельцов наркобизнеса, контрабандистов и т. п.; 3) **корыстно-насильственных** – бандиты, грабители, вымогатели, киллеры (наемные убийцы); 4) нарушивших уголовные запреты в силу своей **гражданской недисциплинированности и правового нигилизма**, бескорыстно и без применения насилия – дезертиры, уклоняющиеся от призыва на действительную военную службу, осужденные за должностные преступления и т. п.; 5) **неосторожных** правонарушителей.

По второму критерию различают: 1) **случайных** преступников, повинных в преступлениях, которые не являются тяжкими; 2) **ситуативных**, впервые совершивших тяжкие преступления под воздействием неблагоприятно сложившейся ситуации (напр., убийство из ревности); 3) **неустойчивых**, повинных в умышленных преступлениях, но в отличие от случайных и ситуативных ранее они допускали различного рода отклоняющееся поведение; 4) **злостных**, которые длительное время ведут преступную деятельность, в том числе ранее судимых (рецидивистов); 5) **особо злостных**, ведущих длительную преступную деятельность, в том числе «воров в законе», особо опасных рецидивистов, лидеров преступных группировок. Эта классификация была отражена почти во всех учебниках и учебных пособиях советского периода; встречается она и поныне. Соединение названных оснований приводит к выделению следующих преступных типов: насильственные злостные, насильственные случайные, корыстные ситуативные и т. д. Бесспорно, классификация, предложенная А. Б. Сахаровым,

сыграла положительную роль в становлении советской криминологии и имела определенное практическое значение. Однако следует отметить, что характер и тяжесть совершенных преступлений не всегда однозначно аттестуют виновное лицо. Глубина и стойкость антиобщественной установки – существенный характерологический признак, но, во-первых, он нуждается в измерениях, а во-вторых, далеко не все преступления, даже умышленные, не говоря уже о неосторожных, порождены антиобщественной установкой личности. Личность как субъект деятельности – понятие прежде всего психологическое.

Юридическая классификация преступлений вряд ли может быть положена в основу криминологическо-психологической классификации личности. По-видимому, решение этой проблемы должно опираться на исследования психологов. Следует отметить, что в работах отечественных и зарубежных психологов такие типологии встречаются редко – от крайне примитивных, облекающих в наукообразную терминологию житейски очевидные суждения о том, что есть люди очень плохие, частично плохие и такие, которые могут стать плохими, до чрезвычайно сложных, порой запутанных, стремящихся учесть чуть ли не все проявления основных психических состояний и процессов. Например, А. Е. Петрова (1927), как и другие авторы психологических схем, начинает свою классификацию с разделения всех людей на две исходные категории: нормальных людей (**«непримитивных»**) и **«примитивных»**, то есть с неразвитой психикой и социально неадаптированных. «Примитивными» признаются дети, душевнобольные и преступники. Обе названные категории граждан делятся автором на сходные типы. В частности, «примитивные» бывают: «конкретно-эмоциональными», «конкретно-аффективными», «аффективно-абстрактными», «импульсивно-абстрактными», «интеллектуально-волевыми». Далее автор описывает особенности восприятия, мышления, воображения, памяти, внушаемости, внимания, а также протекания волевых и эмоциональных психических процессов в каждой из названных групп. «Примитивы» отличаются от «непримитивов» неясным восприятием, недостаточно развитым мышлением, импульсивной реакцией, неразвитостью социально-правовых понятий и нравственных чувств; действия их, как правило, не согласуются с мыслями. Типо-

логия А. Е. Петровой не была популярной и при жизни автора: ссылки на нее в специальной литературе того времени очень редки. Вероятно, заслуживают критики недостаточно корректные и нечеткие формулировки. Так, трудно согласиться с делением людей на «примитивов» и «непримитивов»: многих профессиональных преступников и дельцов «теневой» экономики примитивными личностями никак не назовешь. Трудно отличить типы «конкретно-эмоциональных» от «конкретно-аффективных» преступников.

Классификация личностей, предложенная А. Ф. Лазурским (1927), была высоко оценена современниками и используется в наше время. По мнению В. Н. Мясищева, попытки А. Ф. Лазурского построить классификации личностей, исходя из выдвинутых им положений о трех разрядах людей по их психическому уровню (активности личности), а также о существенных различиях между людьми по их «психическому содержанию», представляют значительный интерес. А. Ф. Лазурский относит преступников к той человеческой категории, которую он назвал **«извращенным» типом**. Принимая во внимание доминирующие черты характера («психическое содержание личности»), автор разделяет этот тип на четыре подтипа: **«рассудочные»**, **«слабовольные»**, **«импульсивные»**, **«эмоциональные»** – и располагает их на трех уровнях психической активности – высшем, среднем и низшем.

Понятие психической активности отражает силу, стойкость и динамичность психики. Сущность этого компонента состоит в тенденции личности к самовыражению, эффективному освоению и преобразованию внешней действительности. Степени активности распределяются от вялости, инертности и пассивного созерцательства на одном полюсе до высших степеней энергии, мощной стремительности действий и постоянного подъема – на другом.

Представителей высшего уровня психической активности мы находим среди талантливых ученых-подвижников, выдающихся писателей, художников, скульпторов, политических деятелей и др. Есть они и среди злодеев масштаба Нерона, Ивана Грозного, А. Гитлера, И. Сталина. К счастью, их немного, ибо «гений и злодейство – вещи несовместные». Поэтому, используя классификационную схему А. Ф. Лазурского для пре-

ступников, ограничимся двумя уровнями психической активности – низшим и средним.

«Рассудочных» преступников низшего уровня мы называем «расчетливыми эгоистами». На среднем уровне расположим «лицемеров».

«Слабовольные» низшего уровня называются «апатичными», а среднего – «неприспособленными».

«Импульсивные» состоят из «беспорядочных импульсивных» и «аффективных».

«Эмоциональные» правонарушители низшего уровня называются «сосредоточенно жестокими», а среднего – «энергичными озлобленными».

Как показали исследователи, среди преступников распространены акцентуации: истероидные (демонстративные), неустойчивые (циклоидные), тревожные, застревающие (параноики или эксплозивные), возбудимые (эпилептоиды), гипертимные, неустойчивые (дистимические), пизоидные (интравертированные).

«Рассудочные» тяготеют к корыстным правонарушениям. По мнению С. В. Познышева, никакого идейного базиса под свое преступление «расчетливые» преступники не подводят; они знают, что оно нехорошо и им не следовало бы его делать, но их соблазняет представляющаяся им связь этого преступления как средства с целью, которой они решили добиться. Для «рассудочных» характерны гипертимная, демонстративная и педантическая акцентуации, хотя, конечно, бывают и другие. Гипертимы подвижны, болтливы, общительны, деятельны, преимущественно экстраверты, то есть ориентируются главным образом на мнение «значимых других»; стремятся привлекать к себе внимание, всегда быть в центре происходящих событий. В то же время их суждения часто легковесны, а поступки аморальны. Демонстративная, или истероидная, акцентуация во многом схожа с гипертимной, но у истероидов проявляется подчеркнутая театральность в общении, повышенная способность увлеченно лгать и даже верить в собственную ложь. Из тщеславия они готовы на рискованные преступные поступки. Педантическая акцентуация характеризуется приступами ипохондрии, нерешительностью и осторожностью поведения. С другой стороны, все, что делают педанты, они выполняют обстоятельно, аккуратно. Акцентуации характера и темперамен-

та личности редко обнаруживаются в чистом виде. В монографии К. Леонгарда описываются также симбиозы, характерные для «расчетливых» преступников: сочетание демонстративных (истерических) и параноических («застревающих») акцентуаций; параноических черт с педантической склонностью. В первом случае личность приобретает целеустремленность, соединенную с беспринципностью и лживостью. Во втором – упорство в достижении цели, а также ригидность, то есть продолжение прежнего поведения несмотря на то, что оно стало очевидно бессмысленным и опасным. Названные акцентуации характеризуют «рассудочных» преступников обоих уровней – низшего и среднего. Различие между ними – в активности эмоциональных и волевых проявлений преступной деятельности. Однако типичная акцентуация «лицемеров» – демонстративная (истерическая). Истероиды склонны к авантюризму и стремятся к лидерству, обладают повышенной способностью к вытеснению из своего сознания нежелательной информации, легко приспособляются к условиям отбывания наказания, примыкая к «активу», поддерживающему администрацию, либо к «отрицаловке», а нередко к тем и другим, тайно, разумеется. Наиболее распространены среди «лицемеров» преступления, совершенные путем обмана, главным образом мошенничество. Резонерствующие «лицемеры» иногда становятся лидерами преступных групп и участвуют в крупномасштабных экономических преступлениях.

Разновидности подтипа **«слабовольных»** названы *апатичными* (низший уровень) и *неприспособленными* (средний уровень). Те и другие нередко экстраверты, легко поддаются внешним влияниям, склонны к депрессивным состояниям. «Слабовольные» обладают преимущественно дистимической и аффективно-лабильной акцентуациями: дистимы (неустойчивые) представляют собой противоположность гипертимам. Личности этого типа по своей натуре молчаливы, медлительны и обычно сосредоточены на мрачных сторонах жизни; в общении – сдержанно-замкнуты, подозрительны. В то же время в силу своей пассивности, они обладают повышенной внушаемостью, поэтому их используют подстрекатели и лидеры преступных группировок. Аффективно-лабильная (циклоидная) акцентуация означает сочетание в личности преступника ги-

пертимических и дистимических характеристик: на передний план выступает то беспечная веселость, то мрачное депрессивное состояние. Неустойчивость настроений отражает внутреннее раздвоение личности «слабовольных», снижающее сопротивляемость житейским неудачам и неблагоприятному влиянию ближайшего окружения. Различие между двумя разновидностями «слабовольных» состоит в уровне интеллектуальных и волевых качеств. Следует в то же время отметить, что наименования «апатичные» и «неприспособленные» носят условный характер, как всякие предельно краткие дефиниции.

«Импульсивных» преступников отличает эмоционально-волевая неуравновешенность, нестабильное и часто бездумное поведение. Опрометчивые решения они принимают по первому побуждению, без размышлений, а вновь возникшее желание немедленно переходит в соответствующее действие, не будучи задерживаемо ни мотивами противоположного характера, ни попытками обсудить предстоящий поступок и его последствия. Отсюда – их решительность и склонность к энергичным действиям, соединенная, однако, со значительным легкомыслием, несерьезностью и беспорядочностью поступков. «Импульсивные» правонарушители совершают главным образом насильственные преступления, в том числе и особо тяжкие (умышленное убийство, увечье, злостное хулиганство, вандализм). Многие из числа рассматриваемой категории лиц обладают эпилептоидной (возбудимы) акцентуацией: они неуправляемы, импульсивны, вспыльчивы, раздражительны, подвержены алкоголизму, аморальны, отличаются также жестокостью и злобностью. Низший уровень «импульсивных» назван *беспорядочными*, средний – *аффективными*. Как и в других подгруппах, эти названия довольно условны и сохранены здесь без изменений главным образом по этическим соображениям. *Аффективные* обладают более развитым интеллектом и волевыми качествами. Может быть, поэтому они чаще, чем *беспорядочные*, стремятся к рационализации содеянного, пытаются переложить вину на других лиц, в том числе на потерпевшего. Это – один из способов психологической защиты от травмирующего психику сознания нелепости поступка. Аффективное состояние в момент импульсивной реакции – не единственное условие бессмысленного поступка. Снижают самоконтроль также алкогольное опьянение,

наркотическое либо токсическое возбуждение, иные болезненные состояния психики.

«Эмоциональные» преступники в отличие от «импульсивных» действуют обычно под воздействием устойчивого эмоционального состояния – чувства мести, жажды власти, полового влечения, ущемленного самолюбия и т. п. Два уровня активности – *сосредоточенно-жестokie* и *энергичные озлобленные*. Первым свойственны: злобность, примитивное мышление, аморальность. Вторые отличаются стойкой враждебностью, часто беспричинной, к окружающим людям к обществу, культурным ценностям и всему миру. Совершаемые ими преступления преимущественно агрессивные. Особенно опасны лица с эпилептоидно-параноической акцентуацией: жестокость и непредсказуемость эпилептоида у них сочетается со злопамятностью, честолюбием, подозрительностью и обидчивостью параноика, что способствует формированию личности серийных убийц и террористов.

Общая характеристика основных преступных типов

<p>Познышев, С. В. Криминальная психология. Преступные типы. – Л. : Наука, 1926. – С. 17–30.</p>

Содержание преступного типа образует то сочетание постоянных свойств, в силу которого личность реагировала на полученные ею впечатления преступным поведением определенного характера. Установить и проанализировать это сочетание в высшей степени важно как судье, определяющему уголовную ответственность, так и пенитенциарному деятелю, осуществляющему намеченную приговором ответственность таким образом, чтобы цели уголовной юстиции были возможно полнее осуществлены в отношении каждого отдельного преступника. Для того чтобы определить, какому воздействию, в интересах правильной борьбы с преступностью должен быть подвергнут преступник, надо знать, что именно должно быть изменено в нем. Это знание мы и получим, когда установим, носителем какого преступного типа является данный субъект. Такое понимание преступного типа дает возможность глубоко заглянуть в личность преступника и ведет к тем главным

корням его преступления, которые содержатся в его психической конституции.

Психическая конституция есть совокупность более или менее постоянных психических свойств человека, определяющих, как этот человек реагирует на получаемые им впечатления. В состав ее входят: умственные способности личности; общие взгляды и убеждения, упрочившиеся в мышлении человека, его мирозерцание; характер человека.

В нормальных случаях психическая конституция человека представляет собою в отношении преступления как бы динамическую систему, находящуюся в равновесии под давлением окружающей среды. Многое удерживает человека от преступления: общий уклад его жизни и преследуемый им круг жизненных целей, которым преступление часто наносит большой и непоправимый вред, так как подрывает благосостояние семьи и те отношения, которые сложились у субъекта со многими другими людьми. В общем, воспитание и жизненные интересы личности заставляют ее держаться на определенном моральном уровне, создают в ней известный моральный тонус, т. е. нравственное напряжение, в силу которого она старается устранять встречающиеся ей на пути затруднения средствами, не вредящими достижению ее главных жизненных целей, и держаться вдали от таких путей и способов действия, как преступление, которое грозит ей подрывом добрых отношений с другими людьми, общественным порицанием и недоверием, разлукой с семьей, судом и наказанием, отрывом, на более или менее долгий срок, от дела и т. д.

Как скоро у человека возникает определенная потребность, и он в поисках за средствами для ее удовлетворения наталкивается на мысль об известном преступлении, у него появляется, хотя бы суммарный, образ этого преступления и вызывает более или менее живое предощущение (антиципацию) тех ощущений и чувств, которые доставит его практическое осуществление. Представляя известное положение вещей или себя в определенном положении, мы до известной степени испытываем те ощущения и чувства, которые будут доставлены этим положением, когда оно осуществится в действительности, мы «предощущаем» то, что нам доставит осуществление данного образа. Это я и называю кратко термином «антиципация».

Если в перспективе имеются не одни приятные, а и неприятные результаты, то возникает борьба влечений к совершению поступка со стремлениями воздержаться от него. У людей, в психической конституции которых нельзя уловить преступного типа, эта борьба если и имеет место, то кончается победой влечений, противодействующих вступлению на преступный путь. Мысль о преступлении и шевельнувшееся желание его совершить вызывает у них противодействие целого ряда более или менее координированных друг с другом элементов психической конституции. Против этой мысли и желания восстает прежде всего нравственное сознание субъекта, которое говорит, что подобный поступок недопустим, плох, бессовестен и т. п. Затем у очень многих вслед поднимается голос их социального сознания, сознания недопустимости, вредности такого образа действий в обществе, его противоправности, преступности. К моральной и социальной оценке поступка присоединяется сознание разных невыгодных последствий преступления для самого виновника его. Что скажут родители? Как отнесется семья? Какое влияние это окажет на ее положение? Как показаться после этого в деревню? Как отразится это на служебной карьере? Как отнесутся знакомые? и т. д. Наконец, соображения о рискованности преступления, о разных технических трудностях его выполнения, о предстоящем суде и наказании за него также более или менее сильно противодействуют развитию стремления к преступлению. Все указанные силы, враждебные росту преступных стремлений, настолько развиты и координированы друг с другом, что являются достаточным противодействием появившейся в сознании мысли о преступлении как средстве удовлетворить ту или иную потребность. Они составляют, так сказать, **«криминорепульсивную» часть психической конституции**, в нормальных случаях, т. е. в случаях отсутствия преступного типа, гораздо более сильную, чем разрозненные **«криминогенные» комплексы**, которые встречаются у всех или почти у всех людей. Под криминогенными комплексами я в данном случае разумею мысль об известном преступлении вместе с желанием его совершить. В нормальных случаях это желание гаснет под влиянием того противодействия, которое его развитие встречает в психической конституции субъекта.

Преступный тип существует тогда, когда образуется такое сочетание черт, при котором психическая конституция перестает находиться в устойчивом равновесии по отношению к преступлению, или благодаря отсутствию, чрезмерному ослаблению или распаду тех ее элементов, которые способны противодействовать стремлению к преступлению и задерживать его рост, или благодаря отложению в ней, на почве указанного ослабления криминорепульсивной части, таких склонностей, благодаря которым возникший у субъекта образ преступления приобрел в сознании особую устойчивость и силу.

Преступный тип представляет собою такого рода психическую конституцию, при которой у личности развивается и получает осуществление стремление к известному преступлению при таких обстоятельствах, при которых у громадного большинства людей такого стремления не возникает, или, по крайней мере, последнее не получает достаточного для его осуществления развития.

Преступный тип не есть простая сумма известных психических свойств личности, а известный склад личности, известное сочетание ее психических свойств, создающее уклон этой личности в сторону преступления, побуждающий ее или прямо искать случая совершить преступление, или не пропускать такого случая, раз он сам представляется, или, по крайней мере, недостаточно сопротивляться подсказываемым известными чувственными влечениями соблазнам этого случая, когда другие люди, если им придет в голову мысль о преступлении, воздерживаются от совершения последнего.

Для того чтобы выяснить черты криминального типа, необходимо тщательно проанализировать совершенное субъектом преступление в связи со всей историей его жизни и со всей обстановкой, при которой это преступление произошло. То состояние, в котором человек совершил преступление, – его вина – составляет продукт, с одной стороны, известного давления на него среды, т. е. действия на него происходивших в окружающей его среде событий, а с другой – его конституции. При этом нередко бывает, что события, непосредственно предшествовавшие преступлению, человек воспринимал, находясь в состоянии, вызванном ранее бывшими исключительными обстоятельствами, в состоянии для него не обычном, а со-

ставлявшем исключительный эпизод его жизни, когда он был рассержен, опечален, потрясен. Проявившуюся в преступлении вину, т. е. известное настроение личности, можно считать произведением или равнодействующей трех множителей, или сил: постоянных свойств личности, действовавших на нее раздражений и тех особенностей в ее настроении в момент действия данных раздражений, которые обуславливались не ее постоянными свойствами, а какими-либо исключительными в ее жизни условиями. Чем более доля участия в генезисе «вины внешних раздражений» и связанных с ними преходящих и исключительных в жизни данной личности психических переживаний, тем менее доля участия в ней постоянных свойств личности или ее конституции, и наоборот. Следовательно, вычтя мысленно из вины преступника то, что надо отнести на счет исключительных обстоятельств данного момента его жизни (особенной силы полученных им впечатлений или особенностей его состояния во время получения этих впечатлений и реакции на них), мы получим остаток, служащий показателем состояния психической конституции субъекта, содержания в ней того или иного преступного типа.

Из факта виновного совершения преступления ясно, что в момент преступной деятельности представление этого преступления заняло господствующее место в сознании данного субъекта, стало центром ассоциаций, причем ассоциаций, ему враждебных, или не появились в поле сознания вовсе, или были с него оттеснены. Почему же это произошло? В чем заключалась основная причина такого настроения человека? Это могло быть или в силу известных свойств самой личности, определенных ее склонностей, или в силу внешних условий, в которых она оказалась. Иными словами, то преобладание или господство, которое получило представление данного преступления в сознании субъекта, объясняется или тем, что в конституции этого субъекта существуют такие отложения, в силу которых сознание его наполнилось ассоциациями, поддерживавшими и укреплявшими стремление к преступлению и не допускавшими проникновения в фиксационную точку сознания враждебных им ассоциаций, или тем, что внешние обстоятельства своим давлением прорвали задерживающее влияние кримино-репульсивной части конституции субъекта ввиду сравнительной слабости этой стороны его личности.

Таким образом, **мы имеем перед собою два различных преступных типа:**

- тип, у которого преобладание в сознании представления преступления и влечения к последнему в момент совершения этого преступления объясняется особыми свойствами личности, образующими предрасположение к данному преступлению;
- и другой тип, у которого означенное преобладание объясняется давлением внешних обстоятельств и сравнительно слабым задерживающим влиянием криминалорепульсивной части конституции.

Преступники первого типа если и совершают преступление при тяжелых внешних обстоятельствах, то не вследствие давления на них этих обстоятельств; главная роль принадлежит их предрасположению к преступлению.

У преступников второго типа преобладающая роль в генезисе их преступлений принадлежит внешним факторам.

Первый тип я называю **эндогенным**, а второй – **экзогенным**.

В литературе и в разговорной речи часто говорят о «случайных» и «привычных» преступниках, но термины эти надо отвергнуть самым решительным образом. И с логической, и с психологической точек зрения они крайне несостоятельны. Никто не становится преступником «случайно», всегда есть ряд обстоятельств, которые привели человека к совершенному им преступлению. Каждое преступление имеет свой «личный» корень, но у одних преступников он иной, чем у других, и играет менее деятельную и видную роль в генезисе их преступлений.

Называть некоторых преступников «привычными» значит употреблять самый неподходящий термин. Совершая «привычное» действие, мы предварительно не вырабатываем его плана и не взвешиваем доводов за и против известного способа его выполнения. Преступление же даже завзятыми профессионалами совершается всегда по определенному конкретному плану, с взвешиванием шансов за и против. Ни о каком действии по привычке в данном случае говорить нельзя. Вот почему я и употребляю термины «эндогенный» и «экзогенный» как несравненно более удачные и отвечающие существу дела; применяя их к преступникам, мы тем самым выражаем, что среди причин преступной деятельности одних преобладающая роль принадлежит их предрасположению к преступлению, а у других – внешним факторам.

Различие между эндогенными и экзогенными преступниками чрезвычайно важно и с теоретической, и с практической точек зрения; оно имеет большое значение для правильной обрисовки наказуемости в законе, для целей розыска, следствия и суда, а также с пенитенциарно-педагогической точки зрения для применения к носителям этих типов соответствующего пенитенциарного режима.

Для того чтобы признать преступника экзогенным, нужно установить: что в жизни субъекта этому преступлению предшествовало известное внешнее событие, которое поставило его или кого-либо из близких ему лиц в более или менее тяжелое положение тем, что причинило или грозило причинить им страдания, которые, по крайней мере в глазах лиц той социальной группы, к которой принадлежит данный субъект, считаются серьезными; что это событие и созданное им положение произвели сильное на него впечатление; что у него нет склонности к такому образу действий, который сходен с преступлением или обнимает последнее как одну из форм своего проявления; что у него недоразвиты или ослаблены те элементы криминалорепульсивной части конституции, которые были нужны для того, чтобы преодолеть впечатление, произведенное неблагоприятными внешними обстоятельствами, и с большей энергией искать непреступного выхода из создавшегося тяжелого положения. Для полной уверенности в принадлежности субъекта к экзогенным преступникам полезно посмотреть, не было ли в его жизни случаев, когда он при неблагоприятных жизненных условиях несколько меньшей силы, чем настоящее тяжелое положение, справлялся с встреченными им затруднениями непреступным путем.

Экзогенный преступник совершает преступление не ради того, чтобы к своим хорошим или сносным условиям прибавить новое наслаждение, получаемое от самого процесса исполнения преступления или от его последствий, а ради полного или частичного освобождения себя от испытываемых им или угрожающих ему более или менее серьезных страданий. Он совершает преступление не только при наличии тяжелых условий, в которых он находится, но и вследствие этих условий. Событие, которое служит для него толчком к преступной деятельности, или сразу катастрофически выбивает его из нормальных

условий жизни, или действует длительно, причем в течение известного времени субъект выносит его действие и старается устранить или, по крайней мере, смягчить его легальными средствами (но недостаточно активно), а потом бросает легальные формы борьбы и решается на преступление.

Появившийся в сознании **эндогенного преступника** криминогенный комплекс в виде желания совершить известное преступление, например ударить, убить, похитить и т. д., находится в связи со взглядами или склонностями, сопровождаемыми однородным эмоциональным тоном, и из этой связи черпает силу для своего развития. Сам по себе такой криминогенный комплекс не является еще симптомом какого-либо действительно опасного состояния личности. В нормальных случаях он остается без поддержки, встречает противодействие со стороны взглядов и лучших черт характера человека, гаснет и исчезает с поля сознания. У эндогенного преступника мы встречаем иную картину: у него есть более или менее прочный базис для развития появившегося желания совершить преступление. Это желание как бы сразу обрастает рядом ассоциаций, поддерживающих и укрепляющих его, выливается в стремление к данному преступлению, потому что у преступника есть взгляды и склонности в характере, более или менее родственные представлению о данном преступлении, его оправдывающие и к нему адаптирующие, снабжающие мысль о нем живыми антиципациями приятных чувств или ощущений, которые можно ожидать, получить от самого совершения этого преступления или от известных его последствий. У эндогенного преступника есть такие взгляды и склонности, из которых даже под влиянием не сильного толчка извне вырастает стремление к данному преступлению.

Если, например, человек предрасположен к краже, то вместе с мыслью о последней как о способе удовлетворить известную потребность у него появится ряд представлений, подталкивающих совершить это преступление: знакомый образ технического выполнения этого преступления, соблазнительная перспектива значительного куша денег, которые таким путем удастся получить, живая антиципация тех чувственных удовольствий, которые на эти деньги можно будет приобрести (сыграть в карты, устроить хорошую выпивку, покутить с женщинами и т. д.),

и вся эта вереница образов и антиципаций, более или менее живых и ярких, послужит источником для сильного импульса совершить это преступление. Мысли же о моральной и социальной оценке поступка, о возможном суде или наказании или не появятся вовсе, или мелькнут в сознании, может быть, даже вызовут некоторые размышления и колебания, но ненадолго и во всяком случае достаточной моторной силой обладать не будут. Благодаря связи известных представлений с живыми антиципаниями приятных ощущений или чувств усиливается процесс фиксации этих представлений в сознании и притягательная сила, с которой они вызывают родственные им представления.

Если человек зол и пылает ненавистью к кому-либо, то, как скоро ему придет в голову мысль об убийстве объекта своей ненависти, вместе с ней у него появится живая антиципация того удовлетворения чувства злобы, внутреннего облегчения, которые он получит от убийства, и ряд злорадных мыслей: что его враг не успеет насладиться каким-либо видом благополучия, что семья этого врага, на которую в известной мере распространилась ненависть данного субъекта, осиротеет, что исчезнет опасный конкурент и т. д. Каждая из этих мыслей, порожденная ненавистью, в свою очередь вызывает новый и более сильный порыв этого чувства и дает от себя толчок к осуществлению преступления.

Если человек убежден, что он должен совершить известное преступление во имя идеи, вместе с мыслью об этом преступлении в его сознании появится более или менее яркая антиципация того внутреннего удовлетворения, которое он получит от его совершения, той славы и благодарности единомышленников, которые достанутся ему в награду за это, и т. д. Благодаря предрасположению мысль о преступлении, так сказать, обрастает рядом представлений о более или менее приятных последствиях этого преступления и тех приятных переживаниях, которые субъект получит от них. А от этого крепнет и развивается стремление к этому преступлению. Каждый из комплексов, входящих в состав предрасположения к известному преступлению, как бы посылает от себя волну психомоторного возбуждения, направленного в сторону преступления.

Преступный тип очень сложен. В него входит много признаков, среди которых можно различать основные и допол-

нительные. К основным признакам принадлежат те взгляды, расчеты и склонности личности, благодаря которым представление известного преступления заняло у нее господствующее место в сознании и возникла склонность к совершению этого преступления для достижения определенных результатов. Дополнительными являются те из признаков, которые характеризуют общее физическое, умственное и нравственное состояние личности, в которых можно видеть причину образования основных признаков или отсутствия достаточных задержек их проявления. Если основные признаки образуют как бы основное ядро в содержании типа, то дополнительные признаки в их совокупности можно сравнить с окружающей это ядро массой (фоном), в которую оно погружено.

У эндогенных преступников основными являются те признаки, из которых складывается их приспособленность к совершению известного преступления, а у экзогенных – те, которые обуславливают их неспособность к достаточно стойкой борьбе не-преступными средствами с тем затруднительным положением, в котором они оказались и из которого обыкновенно люди выходят преступным путем.

Среди основных признаков, в свою очередь, какой-либо один является центральным в том смысле, что благодаря ему последствие преступления представлялось особенно привлекательным и с представлением его у данного субъекта связывался самый сильный импульс к совершению преступления. Поэтому в описании преступного типа прежде всего должен быть оттенен этот центральный признак и группирующиеся около него основные признаки, а затем – признаки дополнительные.

Устанавливая тип того или иного преступника, необходимо считаться с возможностью, что одно и то же лицо по отношению к разным преступлениям может быть носителем сходных или различных типов, например, профессиональный убийца может быть и профессиональным вором, или профессиональный карманный вор может быть эмоциональным убийцей-новичком из ревности или импульсивным виновником тяжкого телесного повреждения. Словом, в одном лице могут совмещаться несколько аналогичных или совершенно различных криминальных типов. Эти случаи могут быть названы стечением или **конкуренцией криминальных типов**.

Обратить серьезное внимание на совмещение в одном лице нескольких преступных типов и на их сходство или различие важно при анализе взаимоотношений членов больших шайк. Последние часто имеют в своем составе различных лиц, которые играют в них существенно различные роли и, несмотря на свое участие в общих делах шайки, по особенностям своих типических черт и по своей роли в этих делах заслуживают выделения из общей массы участников.

От случаев совмещения в одном лице нескольких преступных типов надо отличать такие типы, в которых как бы смешаны или слиты воедино черты нескольких единичных типов и которые поэтому можно назвать **составными или комбинированными**. Если преступление таково, что при отнятии от его состава какого-либо признака мы не будем уже иметь перед собою никакого преступления, то виновники такого преступления являются носителями известных единичных или унитарных типов. Если же, напротив, состав преступления объединяет в себе признаки, присущие различным видам преступления, и при отнятии некоторых из этих признаков мы получим преступление лишь несколько иного состава, то виновники такого преступления являются носителями составных, или комбинированных преступных типов. Эти типы содержат в себе больше признаков, имеющих более или менее серьезное криминально-психологическое значение. Ярким примером комбинированного типа является тип бандита. Я разумею под бандитом человека, который заведомо противозаконно для получения имущества открыто применяет к другому физическую силу или угрожает применением последней. От простого самоуправца он отличается тем, что сознает противозаконность своего насилия и никакого права, ни действительного, ни мнимого, на своей стороне не видит. Заведомо противозаконный насильственный образ действия и применение его ради приобретения имущества – вот два коренных признака бандита.

С точки зрения криминально-психологической бандит представляет собою один тип, в котором объединены черты вора с чертами насильника, не останавливающегося, быть может, даже пред убийством. Объединение этих черт в одном лице и есть основание с точки зрения криминальной психологии выделить тип бандита из других криминальных типов.

Центральный признак комбинированного типа отличается особенной сложностью: он как бы состоит из центральных признаков двух совершенно различных типов, но последние не просто присоединены в нем друг к другу, не смешаны лишь механически, а, так сказать, соединены химически, слиты воедино, в одну склонность. В этом составном или слитном центральном признаке резче выступает один из его компонентов, и лишь иногда они слиты таким образом, что нельзя разобрать, какая из сплетающихся в нем черт оказывается преобладающей. Если мы, например, возвратимся к типу бандита, то среди представителей этого типа найдем много таких, у которых резко выражена склонность к нетрудовому обогащению на чужой счет, характерная для воров, и лишь очень слабо выражена способность к насилию. Эти бандиты сами физической силы к другому не применяют, не всегда способны они даже делать угрозы насилием, но часто они соглашались на участие в налетах без убийств и физического насилия, иногда даже уговариваются с товарищами, чтобы насилий не было, уговариваются, что будут лишь стоять на страже, таскать узлы и т. д. Другие бандиты, наоборот, развивают свою деятельность в резко насильственной форме (связывают потерпевших, наносят раны, убивают) и делают это вполне спокойно, без особых усилий над собой, иногда даже с удовольствием. Немало и таких, которые равнодушны к вопросу о насилии и убийстве: придется – они и на это пойдут, а обойдется без этого – тем лучше, так как меньше риска подвергнуться большому наказанию.

Из дополнительных признаков типа важно отмечать:

- степень умственной одаренности и развития преступника, в частности степень его образования, степень усвоения им знаний, наличие или отсутствие у него умственных интересов, любовь или нелюбовь к чтению, преобладание у него интереса к книгам определенного содержания;

- наличие или отсутствие профессиональной подготовки и интереса к какому-либо виду труда, перерывы в его трудовой жизни, занятие во время совершения преступления и в непосредственно предшествующий период;

- общий склад его характера, преобладание в характере известных наклонностей;

– отношение преступника к наркотикам, в частности к кокаину и алкоголю, с указанием на отношение к этим ядам родителей и вообще предков преступника;

– наличие определенных нервных расстройств;

– признаки и степень дегенерации, т. е. вырождения преступника, если таковое имеется (вырождение, или дегенерация, вообще есть состояние прогрессирующего упадка, такого отклонения организации от нормального типа, при котором отправление той или иной функции, свойственной нормальному индивидууму, понижается, становится все более затруднительным или даже совсем невозможным. Признаки этого состояния регресса очень многочисленны и разнообразны. Иногда оно поражает всего индивидуума в его целом и находит себе то или иное выражение во всех сферах его психической и физической организации; иногда же распространение его ограничивается каким-либо одним или несколькими органами, одной или немногими сторонами жизни индивидуума. В последнем случае индивидуум является носителем отдельных, рассеянных по разным сферам его организации признаков дегенерации, нередко выраженных довольно бледно и не влияющих сколько-нибудь значительно на его психическую деятельность);

– наличность или отсутствие деклассации, т. е. отрыва преступника от того социального слоя, к которому он принадлежал, и от свойственных последнему основных условий жизни. Наличность ее важно установить, потому что она, во-первых, затрудняет возврат преступника к честной трудовой жизни, а во-вторых, обостряет криминогенные элементы психической конституции преступника и облегчает их внешнее проявление. Деклассированный чувствует себя теснее связанным с миром преступников и с притонами, в которых они ютятся. При этом надо различать *внешние и внутренние условия деклассации*. Первые сводятся к утрате внешних признаков принадлежности к известному социальному слою, например хозяйства – сельским хозяином. Второе заключается в таких изменениях самой личности, в силу которых она уже существенно отличается от лиц данного социального слоя и неспособна к жизни и деятельности, свойственным представителям данной социальной группы.

В каждом обществе и в каждом его слое у отдельных членов вырабатывается обыкновенно двойной ряд комплексов, регулирующих их поведение: с одной стороны, комплексы, в которых ассоциированы с определенными чувствами общие представления таких форм жизни и поведения, которые признаются в данной социальной группе хорошими или, по крайней мере, нормальными, допустимыми. В связи с этими комплексами стоят другие комплексы, в которых с определенными чувствами ассоциированы представления образов жизни и действий, которые, напротив, считаются недопустимыми, ненормальными и позорными. Из комплексов второго рода рождаются задерживающие импульсы, т. е. импульсы к воздержанию от известных форм поведения. Из тех и других комплексов складывается присущий личности **коэффициент сопротивляемости неблагоприятным внешним условиям**. Если человек оказывается под угрозой известных страданий, то он в силу присущего ему инстинкта самосохранения ищет средств устранить эти страдания и в своих поисках нередко наталкивается на мысль о том или ином преступлении как о возможном выходе из затруднения. Если присущий субъекту коэффициент сопротивляемости мал, то преступная мысль получит у него осуществление, так как преступление представится ему выгодным. Если этот коэффициент достаточно значителен, то мысль о преступлении будет отброшена.

Группа экзогенных преступников состоит из лиц с пониженным коэффициентом сопротивляемости, с более или менее значительными дефектами криминалорепульсивной части их конституции.

Среди экзогенных преступников можно различать следующие главные разновидности:

I. Во-первых, таких, **которые не видели с достаточной ясностью иных, не преступных выходов из своего положения**, ошибочно считали, что таких выходов нет или что они малонадежны, чрезмерно трудны, малодоступны им и т. п. Так как такое состояние сознания может быть обусловлено или умственной недостаточностью субъекта, или его взволнованностью и подавленностью, мешавшими ему взвешивать и обсуждать, то эту первую группу экзогенных преступников можно разбить на две:

а) на интеллектуально недостаточных (глупых, недалеких, малоразвитых, поверхностных, легкомысленных). Поверхностность мышления проявляется в торопливости суждений о явлении в целом на основании некоторых бросившихся ранее в глаза его признаков, без должного учета других существенных признаков. Легкомыслие состоит в том, что в расчеты и оценки, касающиеся тех или иных событий, вводятся необоснованные надежды или предположения относительно разных обстоятельств, от которых зависит наступление, ненаступление или характер тех или иных последствий, благодаря чему причинная связь явлений представляется совершенно неверно;

б) *растерявшихся* (трусливых, впадающих в уныние, в отчаяние или в состояние растерянности).

II. Вторую основную разновидность экзогенных преступников образуют те, **которые видели иной, не преступный выход** из своего положения, обладали достаточным спокойствием, чтобы взвесить и обсудить представлявшиеся им возможности, **но не обладали достаточной энергией**, чтобы своевременно использовать имевшийся непреступный выход из тяжелого положения, потому то не питали настолько сильного нерасположения к преступлению, чтобы с достаточной настойчивостью стремиться его избежать. В свою очередь, эти недостаточно энергичные поиски преступного выхода из тяжелого положения могут иметь своим источником или: 1) трудно преодолеваемую *пассивность субъекта* (малую способность к длительным и энергичным волевым усилиям, которые необходимы для выхода из данных затруднений легальным путем (пассивные, слишком стесняющиеся и застенчивые), или 2) *недоразвитие одного из альтруистических чувств* (холодные, безучастные или бессердечные, неблагодарные, неделикатные), или 3) *недостаточное развитие чувства честности*, или 4) *недоразвитие уважения к общественным интересам*.

Часто «личный» корень преступности сплетается из различных указанных выше свойств, и тогда субъекта приходится относить в ту подгруппу, характерные свойства которой у него выражены сильнее всего.

Что касается внешних обстоятельств, толкающих экзогенных преступников на преступный путь, то чаще всего они сводятся к материальной нужде или к тяжелому семейному положению.

Нередко при этом недостаток стойкости экзогенного преступника, его податливость на давление внешних обстоятельств в значительной мере обусловлены недостатком самостоятельности, подчинением чьему-либо постороннему сильному влиянию, или опьянением, вследствие которого способность критики у него была ослаблена, а смелость и развязность возросли.

В пределах каждой подгруппы экзогенных преступников надо различать: *внушаемых от поддающихся с трудом чужому влиянию и алкоголиков – от непьющих или почти совсем непьющих.*

Экзогенный тип тем ярче, чем большую роль в происхождении преступления играли дефекты криминорепульсивной части конституции субъекта, и он тем менее опасен, чем большую роль играли внешние факторы. Если мы давление на личность внешних условий, разных жизненных трудностей, заставляющих ее напрягать свою энергию, обозначим буквой «Т» и примем обычные размеры этого давления, не требующие каких-либо исключительных усилий, равными 1, а те дефекты криминорепульсивной части конституции, которые существуют у преступника, обозначим буквой «Д», то можно выставить формулу, определяющую опасность экзогенного типа: чем более «Т» и менее «Д», тем этот тип бледнее, и наоборот.

В соответствии с различием главных целевых комплексов можно установить следующие **виды эндогенных преступников.**

Идейные преступники. Главная цель, ради которой они совершают преступление, – служение известной общей моральной или социальной идее, которой они подчиняют свою личность и поведение.

Резонеры при помощи искусственных, софистических построений обосновывают свои своекорыстные стремления известными общими идеями.

Расчетливо-рассудочные стремятся с вредом для других лиц или всего общества к достижению более или менее широких целей, изменяющих положение их самих или близких к ним лиц.

Эмоциональные преступники. Главная цель, ради которой они совершают преступление, – приятное состояние, связанное с удовлетворением сильно развитого у них чувства.

Импульсивные преступники. Их руководящий целевой комплекс сводится к получению приятных ощущений, связанных с совершением какого-либо действия или с обладанием чем-либо.

Эти пять групп надо пополнить еще шестой – группой **моральных психастеников**. Этому термину я придаю следующий смысл. Деля эндогенных преступников на типы по существенным различиям тех целевых комплексов, которые входят в содержание их предрасположения к преступлению, надо поставить особо группу тех из них, существенную черту которых образует осуждение их нравственным сознанием той цели, ради которой они совершают преступление. У них есть другая нравственная цель, которая и служит источником протеста против преступной цели и вносит в их внутреннюю жизнь двойственность, находящую свое выражение в более или менее длительной нравственной борьбе. Эта борьба приводит их к колебаниям: то согласиться на участие в преступлении, то отказаться от этого. Если у других эндогенных преступников и встречаются колебания и отсрочка исполнения, то вызваны они лишь эгоистическими опасениями риска и техническими трудностями выполнения (иногда – глухим протестом отдельных добрых чувств, не развивающимся в открытый протест нравственного сознания). Нравственной борьбы как протеста нравственного сознания, хотя и недостаточно сильно затормаживающего стремление к преступлению, у них нет.

Случаев моральной психастении не встречается у идейных преступников. Их нравственное сознание не только примирилось с преступлением, но и предписывает последнее; сбитое с правильного пути неверными общими идеями, лежащими в основе их преступной деятельности, или плохим их применением, оно привлекает на службу к выполнению их преступных планов их чувство долга и альтруистические чувства.

У резонеров также не бывает внутренней нравственной борьбы, если они действительно являются искренними резонерами, а не выдают только себя за таковых.

У рассудочно-расчетливых преступников нравственная борьба заканчивается к моменту постановки той общей цели, которая лежит в основе их предрасположения к преступлению. У них исход этой борьбы выливается в форму известной общей

цели и расчета. Однако бывают случаи, когда они заново переоценивают поставленную эгоистическую цель и выбранный ими способ ее достижения и когда у них «да» сменяется «нет», а потом, после колебаний, соблазненные выгодами намеченной цели, они наконец решаются вступить на преступный путь. В этих случаях решение действовать преступным путем вырастает из более или менее серьезной и длительной нравственной борьбы. Такая борьба и колебания могут быть у эмоциональных и импульсивных преступников, если криминалорепульсивная часть их конституции не сильно недоразвита или разрушена. Из подобного рода преступников и составляется группа, названная мною моральными психастениками.

Внешним проявлением происходящей у преступников-психастеников внутренней борьбы служит изменчивость их решения то совершить, то не совершать преступления, их первоначальный отказ от участия в преступлении, более или менее долгие колебания перед согласием принять участие в последнем, вызванные не одними соображениями невыгодности и большого риска, а моральной или социальной оценкой намеченного деяния.

Предрасположение к преступлению представляет собою сочетание в одно целое склонности к известным целям со склонностью к известным способам ее достижения.

Среди этих способов главными являются:

- способ, который можно назвать *скрытно-хищническим*. Применяющий его субъект стремится к достижению известной цели за чужой счет, с эксплуатацией отдельных лиц или каких-либо коллективов, но без всякого прямого воздействия на личность жертвы, с эксплуатацией, которую он старается сделать незаметной для самой жертвы да и для всех остальных. Этот способ достижения целей ярко проявляется в воровстве, растрате и тому подобных преступлениях. Часто он находит себе выражение и в разных непроступных формах;

- *плутовской*, в котором средствами действия являются ложь и обман;

- *насильнический*, в котором средствами действия являются физическое или психическое насилие;

- оскорбительный для кого-либо, т. е. содержащий в себе элемент оскорбления, надругательства или издевательства над другими людьми.

Склонности к этим способам действия очень развиты у эндогенных преступников. При этом у одних заметна сложившаяся склонность к какому-либо одному из этих способов, у других – к нескольким, а у некоторых – ко всем, смотря лишь по соображениям о его технической пригодности и рискованности при данных обстоятельствах. В развитии этих склонностей можно различать три ступени: начальную, среднюю и высшую.

По степени своего развития предрасположение к преступлению может выразиться в следующих трех главных формах:

1. В виде общей тенденции к такому способу достижения известной цели, например в виде общей склонности проявлять свое раздражение или ревность в насильственных формах, в виде склонности вообще к нетрудовому обогащению на чужой счет и т. п. При такой склонности общего характера у человека наблюдается тенденция выливать свое поведение в формы, носящие определенную эмоциональную окраску, но нет сложившейся склонности к какой-либо конкретно-определенной форме такого поведения, к определенному поступку. Раз такой человек совершил преступление, мы можем сказать, что у него намечается образование специальной склонности к известному преступлению, но лишь намечается, и говорить пока еще о наличии такой специальной склонности как о чем-то сложившемся преждевременно. Преступников, являющихся носителями рассматриваемого вида предрасположения, можно назвать **простыми эндогенными преступниками** или эндогенными преступниками первого разряда.

2. В виде выкристаллизовавшейся специальной склонности к такому поведению, которое адаптирует личность к совершению данного преступления, т. е. преступления, по отношению к которому устанавливается тип преступника.

3. В виде специальной склонности к данному преступлению.

В последних двух случаях существует уже особая установка, особая приспособленность личности к определенного рода поступкам, но в первом из этих случаев мы имеем установку на известный вид поведения, родственной данному преступлению, подготовляющий или адаптирующий к нему, а в последнем – на данную форму преступной деятельности. Для этих двух групп эндогенных преступников я считаю наиболее подходящими названия **криминолоидов и профессионалов**.

От эндогенных преступников первого разряда они отличаются тем, что у них уже сложилась специальная криминогенная склонность, на которую и должны направляться меры воздействия, предназначенные свести их с преступного пути.

Криминолоиды – это такие преступники, у которых нет еще выкристаллизовавшейся специальной склонности именно к данному преступлению, но есть специальная склонность к поступкам, представляющим собою проявления того из указанных выше способов действия, который находит яркое свое выражение в данном преступлении, или есть образовавшаяся в результате более или менее частых столкновений с уголовным законом и судом склонность не считаться с велениями уголовного закона. О принадлежности субъекта к типу криминолоидов можно судить по его уголовному прошлому, по его занятиям и образу жизни. Иногда все эти признаки вместе, а иногда тот или иной из них довольно ясно выражены в жизни субъекта и свидетельствуют о его большей или меньшей подготовленности к преступной карьере. Уголовное прошлое заключается в том, что данный субъект совершал сходные или иные преступления, готов к столкновению с законом и судом, что в связи с его уголовным прошлым у него совершенно изменилась, ослаблена или отпала оценка данного преступления, а перспектива суда и наказания совсем или почти совсем не производит на него удерживающего от преступления впечатления.

Вторую разновидность криминолоидов образуют те, которые до известной степени подготовлены к преступлению своими занятиями, сообщившими им способность и навык открыто напасть на другого и применить к нему для достижения своих целей физическую силу, хищнически взять что-либо чужое, эксплуатировать других людей и т. д.

Третья разновидность состоит из людей, которые в своей личной жизни настолько распустились или опустились, развратились, изолгались и т. д., что у них совершенно притупились известные нравственные чувства, почему им сравнительно легко решиться на преступления, от которых людей обыкновенно удерживают эти чувства.

Высшей степени развития предрасположение к преступлению достигает у профессионалов.

Профессиональный преступник – тот, кто несколько раз совершил преступление одного и того же вида по утвердившейся склонности удовлетворять таким образом свою более или менее часто повторяющуюся потребность. Очень часто с этими признаками соединяются неоднократное отбытие наказания и многократная судимость, но это – не непременно признаки профессионального преступника; он может и не быть рецидивистом, равно как рецидивист может не быть профессиональным преступником. Часто профессиональный преступник начинает свою карьеру с раннего возраста, даже с детства, но и этот признак имеется у профессионалов далеко не всегда. Центральный признак профессионального преступника – склонность к удовлетворению своих потребностей посредством данного преступления, образующая как бы «установку» его личности на определенное преступление. Вопрос, совершить ли преступление, для профессионала есть вопрос не моральной оценки поступка, даже не вопрос оценки данного вида преступной карьеры с точки зрения его личных интересов – эта карьера им уже избрана, а исключительно вопрос, так сказать, технический, т. е. вопрос удобства или неудобства совершения преступления при данных обстоятельствах, большего или меньшего риска потерпеть неудачу. Профессионалы владеют особой техникой преступления, часто применяют новейшие открытия в своей преступной деятельности, разрабатывают практически особый жаргон преступников («блатную музыку»).

Таким образом, по степени определенности своего содержания и законченности развития предрасположение к преступлению встречается в трех формах: у эндогенных преступников первого разряда мы встречаем его в начальной фазе развития, у криминолоидов – в средней, а у профессионалов оно достигает полной законченности.

Импульсивные преступники решаются на совершение преступления без внутренней нравственной борьбы. В преступном мире много людей, которые ценою преступления хотели купить отдельное чувственное удовольствие, удовлетворить потребность данной минуты, не заглядывая в будущее, всецело отдаваясь вспыхнувшему в них чувственному импульсу. О суде, наказании, разлуке с семьей и т. д. они в момент преступления или также вовсе не думали, или относились к ним индиффе-

рентно, а еще чаще легкомысленно надеялись, что им удастся ускользнуть от глаз правосудия и остаться нераскрытыми. О моральной и социальной оценке поступка они также не думали и не думают или начинают думать, уже сидя в исправительном доме. В этой надежде их нередко укрепляла слепая вера в предусмотрительность и ловкость их более опытных товарищей: последние-де, как люди бывалые, «деловые», знают уже, как все так устроить, чтобы сухими выйти из воды. Поразительно легко и быстро такие люди решаются вступить на преступный путь: идет человек, гуляет, никаких преступных мыслей у него нет; вдруг встречается со старым знакомым, разговорится, получит от него приглашение «участвовать в деле» и через несколько часов или даже минут он уже преступник, и иногда очень тяжкий. Иной раз он сначала еще оробеет, скажет, что боится попасться, что он по этому делу «неспециалист», через минуту же согласится, когда ему скажут, что ручаются за успех, что дело – простое и ему придется лишь нести узлы, стоять у дверей или выполнять какую-либо иную функцию, не требующую технических навыков и знаний. А потом, сидя в тюрьме, такой человек сам искренно удивляется, зачем и как он мог пойти на такое дело.

Некоторые характерные **черты импульсивного типа**: способность действовать по импульсам, непосредственно рождающимся из живых антиципаций известных ощущений, ради того, чтобы устранить нечто, доставляющее неприятные ощущения, или получить приятные ощущения от самого процесса совершения преступления или от его плодов. Но характерные черты импульсивного типа приобретают очень различную окраску в отдельных его разновидностях. Среди этих разновидностей надо различать две главных, а в пределах каждой из них, в свою очередь, по несколько типов.

Первую основную разновидность импульсивных преступников составляют те, которые ведут еще трудовой образ жизни, но имеют склонность неразборчиво добывать себе определенные приятные ощущения, руководясь одними соображениями личного удобства и риска. У них нет таких комплексов морального и социального характера, которые могли бы послужить источником импульсов к удовлетворению этой склонности в соответствии с моральной и социальной оценкой спо-

собов ее удовлетворения. Их можно назвать преступниками с ограниченной или частичной импульсивностью. Их предрасположение к преступлению состоит в указанной склонности, причем нередко вне сферы этой склонности они обладают довольно значительной сопротивляемостью внешним влияниям, стремящимся увлечь на преступный путь. Они могут многое претерпеть, во многом себе отказать, чтобы только не сбиться с пути честной, трудовой жизни, но известная потребность чувствуется ими особенно остро, приятные ощущения от удовлетворения ее воспроизводятся в их памяти, антиципируются так живо, что из этой антиципации рождается сильный импульс к поведению, способному доставить эти ощущения, и не встречает себе у них задержки.

Второй основной тип импульсивных преступников составляют те, у которых кроме указанных свойств первого типа заметна уже склонность к образу жизни, более или менее резко уклоняющемуся от нормальной, трудовой жизни и приспособленному к тому, чтобы доставлять субъекту те чувственные удовольствия, к которым у него имеются особые склонности. Эти люди или совсем оторвались от нормальной трудовой жизни в обществе и стали «социальными паразитами», или находятся уже на пути к этому. Их можно назвать преступниками с широкой или полной импульсивностью. Они способны удовлетворять в формах импульсивной преступности гораздо более широкий круг потребностей, чем преступники первого типа. Их предрасположение к преступлению сложнее по своему составу, обыкновенно труднее поддается воздействию и представляет собою более широкий базис для преступной деятельности.

Тщеславно-самолюбивые импульсивные преступники составляют отдельную группу. Предрасположение их к преступлению состоит в не ограничиваемой комплексами морального и социального характера склонности производить на других впечатление людей с определенным весом и значением, с определенными связями или способностями, «показывать себя» другим как неспособных терпеть известное положение или отношение к себе, или, наоборот, как способных совершить известный поступок, умеющих вести себя в известном положении, «умеющих подать и принять не хуже, а даже лучше всякого другого»,

и т. п. Иногда этими людьми руководит тщеславие, а иногда – так называемое «ложное» самолюбие. Большею частью это люди недалекие, очень обидчивые, «мелко самолюбивые», как говорят иногда, «помешанные на внешности». Если обладатель этой склонности попадет в положение, ей противоречащее или грозящее показать его обществу в невыгодном свете, то она становится источником сильного импульса к любому поступку, в котором субъект будет видеть подходящий выход из создавшегося для него неприятного положения. При таких условиях перед нами будет более или менее сильное предрасположение к преступлению, и, быть может, даже к очень тяжкому.

Следующую разновидность импульсивных преступников составляют те, которые совершают преступление ради того, чтобы получить какой-либо предмет, которым они могут украсить себя или жилище или увеличить свой домашний комфорт. Широко распространенная у людей склонность к украшениям приобретает у них особую силу и выбивается из-под всякого нравственного контроля.

Еще одна разновидность импульсивных преступников, которые склонны совершить преступление, чтобы таким путем достать средства для кого-нибудь развлечения (пойти на вечеринку, в кинематограф, для игры карты или кутежа, посещения ресторанов, приобретения себе наркотика) или нескольких подобных целей сразу. Перспектива таких развлечений и увеселений является в их сознании с такими живыми антиципациями, из которых рождаются сильные импульсы к преступлению, не задерживаемые у них ничем.

Всматриваясь в личности преступников импульсивного типа рассматриваемых разновидностей, между ними можно подметить одно различие: одни хотят добыть себе хоть что-нибудь, что попадется, другие на мелочи не идут, предварительно принимают меры, чтобы куш, который они схватят, был солиден. Последние приближаются к рассудочно-расчетливым преступникам, отличаясь от последних тем, что имеют в виду добыть для себя не новое материальное положение, более или менее радикально изменяющее течение их жизни, а временное более обильное удовлетворение их потребностей в материальных предметах: чтобы хватило и приодеться, и жене хороший костюм сшить или шляпку купить, и на курорт проехать, в ресторанах побывать и т. д.

Особую разновидность импульсивных преступников составляют преступники половые, *изнасиллователи и развратители подростков и малолетних*. Это – субъекты, у которых существует сильная склонность к половым удовольствиям, не ограничиваемая обычными у людей комплексами морального характера, а подчиняющаяся одним соображениям личной приятности и риска. В силу этих соображений они стараются обставить получение приятных ощущений полового характера такими условиями, при которых им не угрожали бы ни большой скандал, ни ответственность, но о моральной стороне своего поступка и о его социальной недопустимости они не думают. Иногда преступления этих субъектов бывают очень тяжки, а иногда носят на себе печать не столько зверской жестокости, сколько не лишённой комизма половой распущенности.

Как дальнейшие разновидности импульсивных преступников можно отметить:

1. *Искателей легкого избавления от грозящих им опасности или неприятностей*. Сюда относятся люди, у которых есть предрасположение, например, к насилию и т. п., но это предрасположение не созревает окончательно и не проявляется, пока они не очутились перед лицом какой-либо важной в их глазах опасности или перед угрозой более или менее больших неприятностей. Тогда, чтобы оттолкнуть от себя эту опасность или эти неприятности, они совершают преступление. Таковы, например, многие воры, которые в своей воровской деятельности более или менее старательно избегают насилия, но отстреливаются от погони, сопротивляются при аресте. В этом отношении между ворами наблюдается интересное различие: карманники и типичные домушники «по тихой», проникающие в квартиры без взлома, не сопротивляются, а застигнутые на месте преступления бегут или просят прощения. Воры-взломщики вступают в бой с застигшими их лицами (нередко отстреливаются) и в этом случае могут совершить убийство. По степени их отрицательного отношения к насильственным действиям воров можно расположить в ряд, на одном конце которого можно поставить карманников, домушников «по тихой» и «парадников», т. е. крадущих из передних, а на другом – воров, со взломом проникающих в квартиры («домушников-громил»), обкрадывающих кооперативы, склады, магазины и проникаю-

щих туда со взломом (иногда со взломом полов, стен или потолков) («шниферов»). Сравнительно реже встречается способность к насилию у первых и сравнительно чаще и резче она выражена у вторых.

2. Последнюю разновидность, которую я отмечу в пределах первого типа импульсивных преступников, составляют искатели легкого выхода из материальных затруднений, состоящих в недостатке денег для удовлетворения более или менее серьезной потребности. Эти материальные затруднения могут быть различны: от недостатка денег на сравнительно неважную потребность, удовлетворение которой могло бы быть отсрочено, до действительно тяжелого материального положения. Нужда в смысле недостаточного удовлетворения первых потребностей самого преступника или его семьи (потребностей в пище, одежде, жилище или в лечении) вовсе не часто встречается в числе причин преступления. И в тех случаях, когда ее приходилось встречать, она нередко была следствием преступления и отбытого заключения, после которого человеку трудно бывает найти себе место и устроиться.

Второй основной тип импульсивных преступников – лица, у которых уже сложилась склонность к образу жизни, более или менее резко уклоняющемуся от трудовой жизни и приспособленному к тому, чтобы доставлять субъекту те чувственные удовольствия, к которым у него имеются особые склонности. У этих преступников представление известного образа жизни с его особыми требованиями выступает как особая мотивирующая сила, подкрепляющая их предрасположение к преступлению и распространяющая его на все те поступки, которыми поддерживается данный образ жизни. У преступников второго типа мы встречаем те же склонности, что и у описанных выше разновидностей, но подкрепленные большей привязанностью к нетрудовому образу жизни. При этом у них чаще встречается совмещение у одного субъекта характерных свойств отдельных разновидностей импульсивного типа с преобладанием тех или иных из них.

В пределах этого второго типа импульсивных преступников я различаю две разновидности: 1) *лиц с наметившейся деклассацией* и 2) *деклассированных*. Процесс деклассации первых еще не закончился, а только наметился и идет; они еще окончательно-

но не порвали с нормальным, трудовым существованием и, так сказать, одной ногой стоят на трудовом пути, но не сегодня, так завтра они окончательно порвут с ним. У носителей второй разновидности процесс деклассации уже закончился. К лицам с наметившейся и закончившейся декларацией принадлежит громадное большинство импульсивных криминолоидов и профессионалов. В пределах каждого из этих видовых типов надо различать еще моральных дегенератов от лиц лишь с чертами морального недоразвития, алкоголиков, эпилептиков, истериков, вообще невропатов – от неалкоголиков и людей, вполне здоровых в нервном отношении. Затем не лишено интереса отметить, что именно особенно привлекает субъекта в нетрудовом, паразитарном образе жизни: возможность ли неограниченных половых удовольствий и излишеств, злоупотребление наркотиком, алкоголизм, кокаинизм или просто беззаботное прозябание изо дня в день без какой-либо дисциплины и труда с возможностью предаваться лени, азартным играм и т. д.

Среди **эмоциональных преступников** можно различать следующие главные разновидности:

1) *альтруистов*, действующих ради удовлетворения известного альтруистического чувства, побуждающего служить другим людям и находящего свое удовлетворение в доставлении им чего-либо приятного, например ради любви, дружбы;

2) *антиальтруистов*, действующих ради удовлетворения антиальтруистического чувства, например злобы, мести, ревности, вообще чувства, побуждающего вредить другим и в причинении этого вреда находящего свое удовлетворение.

В пределах каждого из двух указанных типов преступники могут быть разбиты на видовые типы, смотря по роду чувств, являющихся у них главными руководителями их преступной деятельности (*злобно-раздражительные, ревнивцы, завистники* и т. д.) и, кроме того, в пределах каждого видового типа на две разновидности:

а) *аффективные*, действующие в состоянии более или менее сильного душевного волнения, по взрыву, так сказать, известного чувства;

б) *обдуманно-эмоциональные*, действующие рассчитанно, с большею или меньшею обдуманностью ради удовлетворения известного чувства.

Первые действуют в «порыве» известного чувства, необдуманно и иногда искренно и горько раскаиваются после в том, что они сгоряча сделали. Вторые действуют если и в аффекте, то не сильном, с расчетом, ставя иногда предварительные условия для того или иного образа действий, выжидают подходящих условий, а при отсутствии таковых откладывают свой поступок. У них антиальтруистическое чувство не вспыхивает сразу бурным аффектом, а нарастает постепенно, но, достигнув известного напряжения, долго держится на этом уровне, не вызывая видимого волнения. Часто они действуют с большим спокойствием, отчетливо помнят каждый свой шаг, не теряются, встречая какое-либо препятствие, и с большим хладнокровием скрывают следы преступления. При сильном напряжении чувства они сохраняют ясность и отчетливость мышления. Иными словами, не чувство захватывает их, а как будто они отдаются во власть известного чувства, потому что им приятны его проявления: ни особой торопливости, ни излишних, ненужных для их цели действий у них не бывает или бывает во всяком случае гораздо меньше, чем у других носителей эмоционального типа. Их деятельность во время самого совершения преступления и сокрытия его следов носит характер обдуманности, расчетливости, необычной в подобных случаях осмотрительности.

Представителями **типа расчетливо-рассудочных** являются те преступники, которые, поставив себе целью достижение известного положения (служебного, социального, имущественного, семейного) или известной роли в обществе, ради этого совершают преступление, потому что, по их расчетам, преступление поможет им достигнуть ее или устранил какое-либо стоящее на пути к ней препятствие и приблизит к ее осуществлению.

В основе их преступной деятельности лежит цель, имеющая не мимолетное значение, а более или менее общее руководящее значение в их жизни, поскольку достижением ее на долгий срок создаются известные рамки для этой жизни и определяется направление последней. Не порыв чувства, не стремление к мимолетным чувственным наслаждениям, а представление связи совершаемого преступления с их общей целью толкает их на преступную дорогу, и, чтобы свести их с последней, надо или изменить в их глазах значение этой общей цели, или при-

вести к убеждению в необходимости идти к ней иными, не преступными путями.

В качестве **общих целей**, толкающих к преступлению этих преступников, всего чаще фигурируют:

– *карьера*, причем преступники, у которых движущей силой является склонность к достижению этой цели, стремятся к последней или по честолюбию как к властному, видному, почетному положению (карьеристы-властолюбцы или честолюбцы), или ради материальных выгод, связанных с известным положением (корыстные карьеристы);

– *достижение известного семейного положения*: освобождение себя от тягостных для субъекта уз с целью поставить себя в новое семейное положение или обеспечение за собой известного семейного положения и т. д. (искатели семейного покоя или счастья).

Идейные преступники и резонеры. Первые совершают преступление ради торжества известной моральной или социальной идеи, которой они подчиняют свою личность и поведение. Они приносят в жертву торжеству общих идей свои личные интересы, а иногда и целиком свою личность.

Вторые пытаются подвести идейный базис под свое стремление к удовлетворению известных своих потребностей: они прикрывают личные цели общими идеями и посредством последних получают особую энергию для достижения этих целей. Иными словами, резонеры пользуются общими идеями для торжества своих личных целей. Не следует думать, однако, что в резонерстве есть элемент сознательной лжи. Нет, настоящее резонерство бывает вполне искренним, а его своекорыстный, личный элемент может быть скрыт под общими фразами так глубоко, что станет незаметен самому субъекту.

Разница между теми и другими преступниками в самом содержании идей, лежащих в основе их предрасположения к преступлению. В одном случае это моральная или социальная идея, которая получает свое осуществление в чем-либо объективном по отношению к данному субъекту и если приносит ему какую-либо пользу, то как отражение известного объективного порядка. В другом случае это идея, осуществляющаяся в рамках жизни данного субъекта, в известных формах его существования и притом идея всегда ложная, так как только ложная

идея может разрешить человеку преступление ради его личных целей. У преступников-резонеров мы встречаем кривую логику, софистические уловки. Отсюда не следует, что те идеи, которыми руководятся идейные преступники, всегда верны. Нет, и они часто ложны, но могут быть и верны.

Психология и типология личности преступника

Романов, В. В. Юридическая психология : учебник. – М. : Юристъ, 2004. – С. 278–283.

Основная цель создания различных типологических вариантов личности преступника состоит в том, чтобы оказать помощь правоохранительным органам в изучении лиц данной категории, причин совершаемых ими преступлений, в разработке наиболее эффективных тактико-психологических приемов и методов разоблачения их преступной деятельности, в оказании последующего воспитательного воздействия на их личность.

Поскольку личность преступника – проблема междисциплинарная, в ходе разработки типологии лиц, совершающих преступления, можно использовать различные основания, критерии (правовые, социальные, психологические и т. д.) или, как еще говорят, *типобразующие признаки*: социально-демографические (пол, возраст, образование и т. д.); отношение к содеянному, степень общественной опасности; психологические особенности; направленность противоправных действий; содержание, глубина и стойкость криминогенной мотивации; ведущие свойства характера; психические аномалии; уровень социальной адаптации, криминогенной зараженности и т. д. Классификация может быть построена и по субъективной стороне содеянного и даже по отдельным составам преступлений Особенной части Уголовного кодекса.

В криминологии – науке, специально посвященной изучению личности преступника, достаточно подробно разработана классификация различных криминальных типов. Кратко напомним наиболее известные из них с тем, чтобы посмотреть на эти типы с психологической точки зрения:

– **по объекту посягательства, характеру преступных действий** выделяются следующие три наиболее крупные типологические группы преступников: *корыстные, насильственные, корыстно-насильственные*;

– **по характеру, степени общественной опасности** преступные типы подразделяются на:

– *случайный тип*, объединяющий лиц, впервые совершивших преступление в результате случайного стечения обстоятельств при общей социально-положительной направленности личности;

– *ситуационный тип* личности преступников, совершивших преступление под воздействием неблагоприятных условий формирования их личности, однако в целом характеризующихся больше положительно, чем отрицательно;

– *неустойчивый тип*, к которому относятся лица, также совершившие преступление впервые, но допускавшие ранее различного рода правонарушения, аморальные поступки;

– *злостный тип*, включающий лиц, неоднократно совершавших преступления, в том числе ранее судимых за это;

– *особо опасный тип личности преступников*, признанных опасными либо особо опасными рецидивистами за совершенные тяжкие преступления и т. п.

Возможна разработка и иных типологических вариантов личности преступников, например по субъективной стороне в зависимости **от формы вины** – умышленно или неосторожно совершено преступление и т. д.

В отличие от криминологии, уголовного права юридическую психологию интересуют прежде всего *психологические критерии оценки личности преступников*, особенности их характера, ценностных ориентаций, социальных установок, повлиявших на их противоправное поведение.

В ходе исследования психологических особенностей лиц, совершивших различные преступные деяния, обращает на себя внимание такое интегративное качество личности, как *социальная адаптивность*, которая влияет на поведение человека в самых различных, в том числе и в криминальных, ситуациях. Данное комплексное личностное образование влияет на отношения субъекта с окружающей его социальной средой, определяет в целом его жизненную стратегию, тактику повседневного

поведения, взаимоотношений с окружающими его людьми, способы разрешения им различных конфликтов с помощью правовых либо неправовых (криминальных) средств.

В основе социальной адаптивности личности лежит *психическая адаптация* человека как результат деятельности целостной самоуправляемой системы, активность которой обеспечивается не просто совокупностью отдельных компонентов (подсистем), а их взаимодействием и «содействием», порождающим новые интегративные качества, не присущие отдельным образующим предметам.

Система психической адаптации постоянно находится в состоянии готовности у субъекта к выполнению присущих ей функций. В тех же случаях, когда данная система не срабатывает, когда вследствие этого нарушаются взаимоотношения субъекта с окружением, последний начинает предпринимать усилия для того, чтобы изменить сложившееся положение либо попросту выйти из него в любую сторону и часто любым путем. Такой «любой путь» может быть просто не понят окружающими, поскольку выходит за пределы обычного здравого смысла, общепринятых стереотипов поведения. У лиц же, обремененных психическими аномалиями, к тому же находящихся в состоянии фрустрации в усложненных жизненных ситуациях, вероятность выбора «любого пути», выходящего за пределы норм права, значительно возрастает. В итоге лица с психическими аномалиями, которые значительно снижают уровень их социальной адаптации, чаще других в большей мере оказываются в жесткой зависимости от конкретных обстоятельств. Эту зависимость они очень часто пытаются «снять» с помощью насильственных действий. Такие действия (обычно на бессознательном уровне) имеют смысл разрушения, уничтожения объекта, демонстрирующего лицу его несостоятельность или недостаточность, и выступают в роли психологической защиты. Все это нередко объясняет агрессивные формы поведения людей, прибегающих к насилию. Проведенные исследования подтвердили высокий процент лиц с психическими аномалиями среди осужденных за убийства (72 %), нанесение тяжких телесных повреждений (64,8 %).

С этой точки зрения лиц, совершающих преступления, условно можно разделить на две большие группы, два основных

типа: *социально-адаптивный* и *социально-дезадаптивный тип личности* с выделением промежуточных вариантов личности.

Какие психологические факторы, свойства личности человека вообще и личности преступника в первую очередь определяют уровень социальной адаптивности последнего и, во-вторых, каким образом можно оценивать этот уровень или эту качественную характеристику личности?

В связи с этим обращают на себя внимание следующие факторы:

- нервно-психическая, эмоционально-волевая устойчивость личности;
- интеллектуальный уровень развития субъекта;
- мотивационная сфера личности, включающая не только мотивы достижения, избегания неуспеха, но и такие более сложные образования, как ценностные ориентации, мировоззренческая основа личности.

Различное сочетание качественных характеристик, формирующих тот или иной фактор, позволяет оценивать уровень социальной адаптивности личности и прогнозировать поведение субъекта (его наиболее предпочтительные способы разрешения конфликтов), позволяет судить о том, насколько он в состоянии управлять ситуациями, в которых неожиданно оказывается либо которые, напротив, сам целенаправленно ищет во имя удовлетворения своих потребностей, достижения уровня собственных притязаний.

Социально-адаптивный тип личности преступника отличается высоким уровнем нервно-психической, эмоционально-волевой устойчивости, сопротивляемостью (толерантностью) к стрессу, к длительно воздействующим психофизическим перегрузкам, стеническим типом реагирования в сложных, критических ситуациях, развитыми адаптивными свойствами нервной системы: силой, подвижностью нервных процессов.

Эти качества могут усиливаться хорошо развитым интеллектом, позволяющим субъекту успешно осваивать тот или иной способ совершения преступлений, гибким мышлением, сообразительностью, прагматическим складом ума, способностью прогнозировать развитие событий не только на время совершения преступления, но и в последующем в ситуациях активного противодействия усилиям правоохранительных органов.

Такие лица нередко имеют достаточно широкий круг интересов (и не только в криминальной сфере), хорошую память, развитое внимание и воображение, обостренное восприятие. Кроме того, субъекты, относимые к данному типу, часто отличаются высоким (завышенным) уровнем притязаний, что иногда приводит их к переоценке своих сил и возможностей и может послужить одной из причин ошибок в ходе их противодействия работникам правоохранительных органов.

В мотивационной структуре личности данного криминального типа, как правило, преобладают мотивы достижения, ценностные ориентации, позволяющие им осознанно игнорировать социальные нормы, общепринятые правила поведения, преступать недозволенное. Поэтому характерной чертой таких лиц является низкий уровень нормативности поведения, соответствующий такому же уровню правосознания. Совокупность отмеченных выше качеств личности позволяет представителям данного типа дольше других правонарушителей оставаться неразоблаченными, основательно усваивать криминальный опыт, умело используя его в своей преступной деятельности, приобретать соответствующую криминальную квалификацию. Такой тип личности распространен среди тех, кого относят к *профессиональным преступникам*, кто является лидерами организованных преступных групп, активными участниками совершения групповых преступлений, руководителями различных организованных преступных сообществ, бандитских формирований.

Если воспользоваться вышеприведенной типологией, можно сказать, что *высокий уровень социальной адаптивности* отличает лиц, отнесенных к *злостному* и к *особо опасному криминальным типам*. Благодаря своей социальной «мимикрии», быстрой приспособляемости к происходящим в обществе переменам представители указанных выше преступных типов в своих корыстных интересах способны умело извлекать различные преимущества, всевозможного рода блага, присваивая незаконным путем огромные материальные средства.

Социально-дезадаптивный тип личности преступника. Лица, которых можно отнести к данному типу, отличаются своей низкой эмоционально-волевой устойчивостью, сниженной сопротивляемостью к стрессу, невротической симп-

томатикой, ярко выраженными акцентуированными свойствами характера по гипертимно-неустойчивому, эпилептоидному и некоторым другим типам, психическими аномалиями, психотическими расстройствами, психопатическими особенностями личности.

Неразвитые в должной мере социально-адаптивные качества таких лиц, сниженный порог их нервно-психической устойчивости могут усугубляться недостаточно высоким интеллектом, слабо развитыми прогностическими способностями.

Кроме того, поведение подобного рода субъектов во многом бывает обусловлено достаточно примитивными потребностями (проводить время в постоянных развлечениях, сопровождаемых употреблением спиртных напитков, наркотиков и пр.). Интересы, ценностные ориентации, мировоззренческая основа таких лиц характеризуются своей бездуховностью, примитивным складом, отсутствием высоких идеалов. Поэтому им трудно прогнозировать свои поступки, поведение во имя достижения более значимых целей по сравнению с удовлетворением каких-то сиюминутных потребностей. А поскольку такие потребности далеко не всегда могут быть удовлетворены, все это способствует появлению у них неконтролируемого состояния фрустрации, повышенной агрессивности, проявляемых при совершении различных преступлений насильственного характера, начиная от обычного хулиганства и кончая более опасными преступными деяниями, актами вандализма, разбойными нападениями и пр. *Низкий уровень социальной адаптации* можно наблюдать у лиц, относимых криминологами к так называемому *неустойчивому*, а также *ситуационному типам преступников*, нередко оказывающихся во власти обстоятельств, которыми им трудно управлять, сохраняя должную эмоционально-волевую устойчивость, самоконтроль за своими действиями и поведением. Поэтому такие лица чаще других оказываются под сильным воздействием аффективно окрашенных состояний, гнева, фрустрации и т. п. Сниженный интеллект при высоком уровне притязаний, отсутствие должного воспитания, навыков поведения, принятых в обществе, в еще большей мере могут способствовать совершению такими лицами всевозможного рода насильственных преступлений.

Нарушения социальной адаптации выявляются с помощью различных тестовых методик: ММРІ (СМИЛ или ММИЛ), 16-ФЛЮ Р. Б. Кеттелла.

Типологические свойства тех, кто совершает преступления, имеют различную степень выраженности, разнообразные сочетания. С этой точки зрения можно говорить о *промежуточных* или о *смешанных типах*, поскольку у лиц, виновных в совершении преступлений (как, разумеется, и у законопослушных граждан), в разной степени сформированы различные *компенсаторные свойства личности*, позволяющие поддерживать определенный уровень социальной адаптации в различных ситуациях. Например, даже при сниженном уровне нервно-психической устойчивости некоторым лицам с развитым интеллектом за счет своих незаурядных умственных, прогностических способностей удается поддерживать необходимый для занятия криминальной деятельностью уровень социальной адаптации, умело используя несовершенство системы наших правоохранительных органов, ошибки и просчеты в их деятельности, своевременно уходя от уголовной ответственности.

РАЗДЕЛ IV

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП И СООБЩЕСТВ КРИМИНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Виды и психологическая характеристика
преступных групп. Психологическая характеристика
криминальной субкультуры

Пастушеня, А. Н. Криминальная психология : учеб.-метод. комплекс. – Минск : Минский ин-т управления, 2007. – С. 119–136.

Преступные группы выступают объектом изучения юридических наук – криминологии, уголовного права, криминалистики, а также юридической психологии (криминальной, оперативной, следственной, превентивной).

В уголовном законодательстве преступление признается совершенным группой, если хотя бы два лица совместно участвовали в совершении преступления в качестве его исполнителей.

В криминологических исследованиях обращается внимание на ряд формальных характеристик преступных групп, таких как численность, особенности состава, криминальная специализация группы, устанавливаются тенденции и закономерности групповой преступности, разрабатываются научные рекомендации по ее предупреждению.

В криминалистических исследованиях изучаются особенности совершения преступными группами различных видов преступлений, устанавливаются закономерные особенности совершения этих деяний, что позволяет более эффективно раскрывать и расследовать преступления.

В уголовном праве анализируется соответствующая классификация групп: преступная группа, организованная группа, преступная организация, а также рассматриваются формы участия в преступлении членов группы – исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник. Это необходимо для квалифи-

кации преступлений, установления вины и индивидуализации назначения наказаний.

В юридической психологии изучаются социально-психологические явления и механизмы, присущие преступным группам, позволяющие более глубоко понять особенности их образования и функционирования, что необходимо для решения многих задач правоохранительной деятельности (раскрытия, расследования и предупреждения групповых преступлений).

Группа является микросредой, в которой действует человек, а также фактором, влияющим на его поведение. Не случайно групповые преступления по сравнению с индивидуальными имеют более высокую общественную опасность, так как в условиях группы психологически облегчается совершение преступления, усиливается решимость колеблющихся лиц под влиянием других членов группы, повышается возможность вовлечения в преступную деятельность новых лиц. Важное значение имеет и психологическое заражение, преступный ажиотаж. Поэтому в уголовном законодательстве за совершение групповых преступлений предусмотрено более строгое наказание.

Характеристика преступной группы предусматривает отражение ряда юридически значимых особенностей, которые также имеют значение с точки зрения психологических особенностей. К юридически значимым характеристикам группы, изучаемым в основном криминологией, относятся ее численность, состав, криминальная специализация.

По численности преступные группы можно условно подразделить на малые (2–4 человека), средние (5–10 человек) и большие (более 10 человек) преступные группы, а также преступные группировки, объединяющие несколько преступных групп, численность которых имеет десятки и сотни человек. Такие группировки (преступные сообщества) имеют различную или взаимосвязанную криминальную специализацию (например, незаконный оборот наркотиков, угон и перепродажа дорогих автомобилей и др.).

Нижний предел численности преступной группы определен уголовным законодательством – два человека. Малая численность группы предполагает более интенсивные контакты. В таких группах, как правило, доминируют личные отношения, хотя они и опосредованы совместной преступной деятельно-

стью. Это означает, что взаимодействие в них имеет высокий уровень эмоциональных контактов, при которых более открыто осуществляется обмен мнениями, предложениями, сомнениями, чувствами, сокровенными мыслями. Малые преступные группы являются внутренне неделимыми. Члены группы достаточно хорошо знают друг друга и находятся в поле взаимного внимания.

У членов групп средней численности отношения более дистанцированы. Внутри таких групп могут формироваться более близкие отношения между отдельными преступниками, т. е. возникать микрогруппы. Для преступной деятельности групп средней численности требуется более четкая организация их функционирования, которая основывается на лидерстве одного или нескольких влиятельных преступников, формальной дисциплине и ответственности, санкциях за неправильные действия или нарушение договоренностей. В некоторых группах средней численности не все преступники могут знать некоторых членов, с которыми в целях конспирации контактирует лидер. Он же и управляет преступной деятельностью группы. В таких группах более часто возникают взаимные подозрения, недоверие и конфликты.

Большие преступные группы, как правило, объединяют несколько малых и средних групп, каждая из которых выполняет свои функции в преступной деятельности. Иногда встречаются группы численностью 15–25 человек, которые совершают преступления, например разбойные нападения на квартиры, составами малых групп. В таких группах имеется несколько лидеров, которые имеют приближенных к себе преступников и планируют преступные посягательства. Для их совершения привлекают в состав своей малой группы других преступников из числа большой группы. Увеличение численности группы предъявляет более высокие требования и к ее организованности, необходимости координировать действия ее членов. Поэтому в больших преступных группах, осуществляющих взаимосвязанную преступную деятельность, устанавливаются жесткие правила поведения ее членов и взаимный контроль в целях конспирации. Обмен информацией ограничен тем объемом, который необходим для выполнения каждой группой, входящей в состав большой группы, своих криминальных функций.

Преступные группы различаются по особенностям состава: возрасту, полу, национальности, криминальному опыту, социальному статусу и т. д. Указанные особенности состава обуславливают и определенные особенности психологии преступных групп.

Возрастные особенности состава преступных групп обуславливают мотивацию объединения, характер взаимоотношений и мотивацию преступной деятельности. В большинстве случаев криминальные группы образуются объединением лиц молодежного возраста. Такие группы совершают более дерзкие преступления, более активны и характеризуются дружескими отношениями их членов. В группах, совершающих экономические и другие преступления, связанные с использованием служебного положения, взаимоотношения их членов обусловлены должностной субординацией, а лидером является лицо, обладающее более высокими должностными полномочиями.

Существуют преступные группы несовершеннолетних и смешанные группы, в которых участвуют взрослые и несовершеннолетние. С учетом личностных особенностей несовершеннолетних им поручают непрестижные или опасные функции. Встречаются случаи, когда несовершеннолетние, входящие в преступные группы, совершают тяжкие деяния, в том числе убийства, если «заказ на убийство» поступает от уголовного авторитета. Преступные группы несовершеннолетнего подросткового возраста, как правило, носят характер «групп-компаний», когда ведущими мотивами объединения являются совместные развлечения в группе. Для групп юношеского возраста в преступном поведении характерна мотивация самовыражения, что обуславливает в большей мере цинизм, демонстративность совершаемых преступлений, если группа носит устойчивый характер.

В смешанных группах объединяющую роль играет более старший и опытный преступник, который заражает несовершеннолетних криминальной романтикой, стимулирует их стремление достойно проявить себя в преступных деяниях, устанавливает достаточно жесткую дисциплину, основанную на безоговорочном подчинении ему, которая необходима в целях конспирации, и не участвует в совершении преступлений в качестве исполнителя.

По половому признаку группы могут быть: однополые (преимущественно мужского пола, реже женского); смешанные (с участием лиц мужского и женского пола). Преступные группы с участием одних женщин чаще всего занимаются такими видами промысла, как проституция, мошенничество, кражи, торговля наркотиками. Нередки случаи, когда женщины, особенно некоторых национальностей, не уступают мужчинам по дерзости совершаемых преступлений, а порой выступают организаторами преступных групп.

Некоторые преступные группы могут формироваться **по этническому принципу**. Эти группировки отличаются глубокой конспирацией, жесткой дисциплиной, национальной обрядностью, приверженностью кровному родству. Иногда в состав национальных группировок входят представители других этносов.

О криминальной специализации может идти речь, если группа носит относительно устойчивый характер (неоднократно совершает преступления). Криминальной специализацией устойчивых преступных групп выступает в преобладающем большинстве случаев совершение корыстных и корыстно-насильственных преступлений. Группы, специализирующиеся на совершении насильственных и сексуально-насильственных преступлений, встречаются реже. Это могут быть группы, совершающие насильственные действия на почве национальной или религиозной вражды, террористические акты, злостные хулиганства, которые носят форму развлечений и выражаются в учинении драк, нанесении побоев молодым людям. Такие группы существуют непродолжительное время и при привлечении к ответственности отдельных ее представителей распадаются, не возобновляя преступной деятельности, либо прекращают свою преступную активность в результате взросления лидеров, призыва их на службу в вооруженные силы и т. п.

По устойчивости преступной деятельности выделяются следующие типы преступных групп:

- *случайные*, которые образуются при случайной встрече (на вокзале, рынке) не знакомых или знакомых лиц, как правило ранее судимых. Эти лица совершают совместно одно или несколько преступлений в относительно короткий промежуток времени и расстаются;

- *устойчивые*, систематически совершающие преступления;

– *устойчивые*, систематически не занимающиеся преступной деятельностью, однако периодически объединяющиеся для совершения одного или несколько преступлений (хищения, браконьерство, незаконная предпринимательская деятельность) в короткий промежуток времени, после чего долго не возобновляют противоправную деятельность. Как правило, в состав таких групп входят лица, поддерживающие дружеские отношения и ведущие внешне добропорядочный образ жизни;

– *устойчивые* с изменяющимся составом из числа более широкой общности преступников. Такие группы малой численности периодически (например, при необходимости добычи денег) формируются под началом более влиятельного преступника из состава общности преступников, поддерживающих взаимоотношения и желающих принять участие в совершении конкретного преступления с данным лидером. В следующий раз состав группы может быть иным, в зависимости от потребности в средствах и желания совершать преступление под началом определенного лидера.

Основные стороны психологической характеристики преступных групп. Преступная группа – разновидность малой группы, и при ее описании целесообразно обращать внимание на те стороны психологической характеристики, которые традиционно изучаются в социальной психологии. Психологическая характеристика преступной группы отражает некоторые особенности индивидуальной психологии членов группы и ее социально-психологические особенности. В качестве основных **индивидуальных особенностей состава группы** необходимо учитывать мотивацию вхождения в группу каждого из ее членов, особенности их личности: криминальные способности, внутригрупповой статус, принадлежность к определенной неформальной «касте», наличие и характер связей в ней, личностный стиль действий при совершении преступлений, отношения с другими членами группы и др. **Социально-психологическая характеристика** преступной группы призвана раскрыть ее психологические особенности как целостной общности. В качестве основных сторон такой характеристики выступают статусная структура группы, характер взаимоотношений, внутригрупповые нормы и обычаи, функционально-ролевая дифференциация членов группы, мотивация образования группы (вхождения в нее участников).

Статусная структура группы раскрывает иерархию членов группы по степени влияния. Влиятельность члена группы может зависеть от возраста, криминального опыта, умственных способностей (хитрости, изобретательности, умений предвидеть ход событий), умений убеждать и оказывать давление, силы воли, физической силы, от авторитета в более широкой преступной среде. В малой преступной группе можно выделить, как правило, одного наиболее влиятельного преступника – лидера. Редко встречаются группы, в которых могут быть два лидера, равнозначных по степени влияния. В средних по численности группах чаще встречается два лидера, которые имеют равнозначный или несколько различающийся статус. Кроме лидера группы в ее составе можно выделить достаточно влиятельных преступников, а также имеющих средний и низкий статус. Лица с низким статусом, как правило, более молодые по возрасту, менее опытные и предусмотрительные, не отличаются инициативой, ведомые, находятся в зависимости от лидера. Изучение статусной структуры конкретной группы возможно на основе учета ряда признаков: менее влиятельные всегда ориентируются на более влиятельных, стремятся заметить их реакцию, оценку своим высказываниям и действиям, не принимают самостоятельно решения, стремятся проинформировать более влиятельных, уступают им более престижное местонахождение в ситуациях совместного отдыха или общения. Более влиятельные используют повелительный или покровительственный тон, навязывают свое мнение, допускают грубость в отношении менее влиятельных, принимают окончательные решения о совершении преступлений.

Характер межличностных отношений членов группы отражает отношение каждого к каждому: член группы может проявлять различное отношение к каждому из остальных ее членов (дружеское, симпатизирующее, выражающееся в оказании помощи, поддержки, стремлении к более тесному общению). Положительное отношение может выражаться в стремлении члена группы угождать другому, заслужить его признание, доверие, поддержку. Индифферентное отношение к другому члену группы не выражается ни симпатией, ни антипатией. Недоброжелательные отношения выражаются в антипатии, недоверии, соперничестве, конфликтном или явно агрессивном поведении по отношению к члену группы.

Взаимоотношения (отношения каждого с каждым) не всегда носят зеркальный характер, т. е. не всегда отличаются одинаковой взаимностью. Нередко встречаются случаи, когда два члена группы проявляют по отношению друг к другу различные отношения, вплоть до противоположных.

Взаимоотношения в группе существенно влияют на ее сплоченность. Отношение, которое испытывает к себе член группы, обуславливает его мотивацию и активность в совместной преступной деятельности. Анализ взаимоотношений членов группы позволяет построить их внутригрупповую сеть, определить преступников, испытывающих наиболее и наименее благоприятное отношение со стороны других. Это важно для выявления наиболее сильного или слабого «звена» в группе.

Внутригрупповые нормы и обычаи выступают регулятором взаимодействия членов группы, ее самоорганизации и взаимоотношений. Они могут быть сходными с общими нормами поведения и обычаями более широкой общности преступников или субкультуры, которая складывается в местах лишения свободы. Нормы и обычаи выражают правила взаимоотношений, обязанности по отношению друг к другу, определенные общепризнанные запреты, санкции за нарушения внутригрупповых норм, принятый в группе стиль руководства (единовластный, совещательный «на равных») и стиль подчинения (безоговорочный, относительно независимый). Нормы поведения и взаимоотношений направлены на консолидацию группы, поддержание внутренней «дисциплины», обеспечение конспирации при совершении преступлений. Они могут быть весьма детализированными, жестко соблюдаемыми и контролируемыми. Как правило, такие нормы присущи преступникам, имеющим криминальный и пенитенциарный опыт, которые относятся к неформальной «касте», приверженцев так называемых «воровских законов». Различный характер санкций за нарушение внутригрупповых норм зависит от того, какое нарушение допустил преступник и какие оно имеет последствия прежде всего для конспирации преступной деятельности, личного достоинства других членов группы, их положения в криминальной среде. Наиболее жесткие санкции, вплоть до убийства, применяются за оказание помощи правоохранным органам в изобличении членов преступной группы и корыстный обман членов группы.

Функционально-ролевая дифференциация в группе может быть в той или иной мере выраженной и стабильной. Она представляет собой разделение ролей и обязанностей при подготовке и совершении преступлений, сокрытии их следов. Наиболее выражена такая специализация в группах, совершающих кражи, разбойные нападения на квартиры, нелегальный оборот наркотиков, хищения автотранспорта с последующей его продажей, экономические преступления, торговлю людьми и др. Как правило, необходимость исполнения определенных функций при совершении конкретных видов преступлений и определяет требуемую численность преступной группы. Функции и роли в преступной группе распределяются с учетом индивидуальных способностей и умений. Престижным в преступных группах считается владение особыми способностями и умениями, необходимыми для успешного совершения преступлений. Однако не всегда член группы, владеющий такими способностями, является ее лидером.

Мотивация вхождения в группу ее членов влияет на ее сплоченность (как ценностное единство) и совместимость состава. Мотивы вхождения в группу могут быть самые разные. В качестве основных из таких мотивов выступают: корыстные побуждения (нажива, обогащение); безвыходное положение в связи с тяжелым материальным положением, отсутствием средств для существования или в связи с долгами; необходимость удовлетворения наркотической или алкогольной зависимости; зависимость от более влиятельного члена группы, связанное с ней чувство долга; мотив принуждения из-за боязни расправы со стороны членов группы; стремление приобрести преступный авторитет; дружеские мотивы, стремление оказать поддержку кому-либо из членов группы, совместное проведение времени, развлечения, стремление к риску; зараженность криминальной романтикой, самовыражение, приобретение самостоятельности, желание быть не хуже других; стремление отомстить кому-либо, совершить расправу, действуя в составе группы; ранее взятые на себя обязательства участвовать в преступной деятельности; внушенная мотивация в результате заинтересовывающего воздействия на индивида других членов преступной группы.

Мотивация вхождения в группу конкретного ее члена может включать несколько из перечисленных мотивов, один из которых, как правило, выступает ведущим. Нередко отдельные члены группы теряют привлекательную мотивацию совместной преступной деятельности. Это может быть обусловлено неудовлетворенностью своим положением в группе, взаимоотношениями с другими преступниками или лидером, недовольством из-за несправедливого раздела преступного дохода, недоверием к отдельным членам группы и другими причинами. Выход из преступной группы для конкретного лица часто связан с психологическими трудностями, с потерей приятельских отношений или даже риском расправы. Поэтому в некоторых случаях мотивация участия в преступной деятельности в составе группы является вынужденной.

Криминальная субкультура представляет собой совокупность духовных, материальных ценностей, норм, традиций, ритуалов, регламентирующих криминальную деятельность преступных сообществ, способствующих их сплоченности и организованности, осуществлению преступной деятельности, избеганию уголовной ответственности, живучести и преемственности поколений правонарушителей и криминальных групп. Криминальная субкультура представляет собой явление, присущее преступным общностям в различных странах, проявляющееся с различной степенью выраженности и содержательной спецификой. Зная приверженность преступных групп и отдельных преступников к определенным ценностям криминальной субкультуры, можно прогнозировать их поведение в целях раскрытия преступлений, их профилактики и оптимизации исправления осужденных.

Криминальная субкультура по своему содержанию опирается на антисоциальное мировоззрение преступников (особую философию преступного мира), оправдывающее совершение преступлений, отрицающее вину и ответственность за содеянное, заменяющее низменные поступки благородными и возвышенными мотивами, придающее ценность криминальному («воровскому») братству, взаимной помощи, честности друг перед другом. В частности, совершение насильственных преступлений оправдывается товарищеской взаимопомощью, дружеской поддержкой, необходимостью мести за ранее нанесенную

обиду, обвинением жертвы, якобы спровоцировавшей ответную агрессию, заслуживающей своим поведением или образом жизни насильственного обращения. Корыстные преступления находят оправдание в идеях о необходимости перераспределения собственности и ее насильственного присвоения с самой разнообразной позитивной мотивацией: собственник сам наворовал, и это надо делить по справедливости, или надо взять то, что и так бы пропало, и т. п.

В криминальной субкультуре возвышается образ профессионального преступника, живущего по «законам» преступного мира («живущего правильно», «порядочного арестанта»). Он наделяется достойными волевыми и даже моральными качествами в отношении к другим профессиональным преступникам: смелостью, стойкостью в переживании лишений, упорством, готовностью к самопожертвованию за товарищей, «братву», положительным отношением к матери, удачливостью, оптимизмом и др. Его судьба преподносится как достойная уважения. В этом свою роль играет криминальная мифология и творчество (песни на соответствующую тематику).

Криминальная субкультура выполняет регулятивную функцию в преступных сообществах. Наиболее существенными регуляторами поведения, образа жизни и взаимоотношений являются неформальные нормы поведения и стратификация преступников.

Криминальная субкультура имеет давние корни – она возникла в тюрьмах и поселениях каторжан в дореволюционный период. Ее история характеризуется различными этапами преобразований, которые обуславливались важнейшими общественно-государственными событиями и связанными с ними изменениями уголовной политики государства. Так, период Октябрьской революции 1917 года и Гражданской войны привел к развалу правоохранительной системы и породил разгул преступности. В этот период преступный промысел получил широкое распространение и породил формирование каст профессиональных преступников. В 30-е годы XX века наряду с репрессиями по политическим мотивам значительная часть профессиональных преступников была предана суду и изолирована в места лишения свободы. В этот период в лагерях в общностях осужденных формируются конкретные правила пове-

дения преступников – «воровские законы» и их философия. Наиболее авторитетные профессиональные преступники консолидируются и образуют неформальную элитную касту, именуя себя «ворами» (позже «воры в законе»). Эта каста приобретает неформальную власть над остальными заключенными и власть в преступных сообществах вне мест лишения свободы. В период 1941–1945 годов часть представителей элитной касты с учетом их добровольного согласия принимала участие в боевых действиях Красной армии (в штрафных батальонах). Однако после окончания войны значительная часть из них продолжили преступную деятельность и были осуждены. Возвращаясь в места лишения свободы, они претендовали на неформальную власть и связанные с ней привилегии, но остававшиеся там лидерами преступной среды («идейные воры»), не участвовавшие в боевых действиях, не желая делиться своей властью, объявили воевавших воров «ссученными», т. е. нарушившими каноны криминального «братства» в связи с сотрудничеством с государственной властью. Между авторитетными преступниками указанных двух течений развернулась кровавая борьба, выражавшаяся во взаимной расправе, как правило, доходившей до убийств, которая получила в преступном мире название «сучьей войны». В ней в итоге победителями оказались «идейные воры».

В конце 50-х – начале 60-х годов XX века были подготовлены и начаты реформы системы ГУЛАГа, направленные на борьбу с криминальными авторитетами и усиление воспитательной работы с осужденными. Была создана отрядная система и институт начальников отрядов – сотрудников, которые выполняют организаторские и воспитательные функции. Проводимая работа дала ощутимые результаты в развенчании «воров в законе». Их количество значительно снизилось.

В последующие годы неформальная власть криминальных авторитетов не прогрессировала, но и не была ликвидирована полностью, поскольку после достижения определенных успехов внимание к проблеме криминальной субкультуры было ослаблено.

В перестроечные и последующие годы в криминальной субкультуре произошли существенные изменения. Они были связаны с существенным расширением сферы частной коммерче-

ской деятельности. Преступная элита повернулась в сторону корыстной преступной деятельности и личного обогащения. Появилось новое поколение «воров в законе», приверженное ценностям богатой жизни, дорогостоящих развлечений, участия в легальном бизнесе на основе отмываемых средств, добытых преступным путем (так называемые «апельсины»). Преступные авторитеты, приверженные старым «воровским законам», в которых проповедовался материальный аскетизм, естественным путем стали терять свое влияние. Многие из правил поведения, декларируемых представителями криминальной элиты, стали ими же попираются и трактоваться в конкретных ситуациях с точки зрения своей выгоды. В годы новейшей истории Беларуси криминальная субкультура и криминальные авторитеты постепенно утрачивают свою неформальную роль и регулирующую функцию в связи укреплением правопорядка и особым вниманием к борьбе с организованной преступностью. На эти процессы существенное влияние оказали также и изменения уголовно-исполнительной политики. Они выражаются в усилении воспитательной работы и активном применении институтов досрочного освобождения к осужденным, твердо ставшим на путь исправления и своим поведением доказавшим отказ от приверженности криминальным традициям.

В качестве регуляторов поведения и взаимодействия преступников в их общностях выступают **неформальные нормы («воровские законы»), обычаи (традиции) и ритуалы**. Неформальные нормы выражают собой правила поведения в определенных ситуациях, обязанности и запреты. Они направлены на обеспечение власти криминальной элиты, конспирацию противоправной деятельности, пополнение рядов профессиональных преступников, придерживающихся «воровских законов», взаимопомощь, недопущение конфликтов в среде преступников и их рациональное разрешение, на оказание влияния на представителей правоохранительных органов, обеспечение организованности противодействия им. До 90 годов XX века, когда криминальная субкультура проявлялась достаточно выражено и оказывала существенное влияние на общности преступников, в их среде действовали приведенные ниже неформальные обязанности и запреты.

В качестве **основных обязанностей** можно назвать следующие:

- всегда и везде оказывать поддержку преступникам, относящимся к элитарной касте, и по возможности представителям среднего слоя;
- способствовать подчинению остальной массы преступников преступной элите;
- препятствовать установлению администрацией исправительного учреждения или правоохрнительными органами строгого правопорядка (допустимо подписывать жалобы на их действия);
- стойко переносить наказания, давление работников правоохрнительных органов;
- соблюдать обязательства и договоренности, поддерживать справедливость в отношениях;
- платить за проигрыш в карты или другие азартные игры, добиваться возвращения долга;
- вносить деньги в общую кассу («общак»), который должен использоваться на поддержку преступников, оказавшихся в сложном положении или осужденных, а также их семей;
- склонять работников правоохрнительных органов к неслужебным связям;
- готовить молодое пополнение касты профессиональных преступников;
- делиться информацией с авторитетными и другими преступниками, значимой для избежания ими уголовной ответственности, а также хранить тайну общего дела и преступной деятельности;
- отвечать за свои слова и поступки, прежде всего за выдвигаемые обвинения и оскорбления других преступников (доказать их обоснованность), а также расправиться с тем, кто допустил незаслуженное обвинение или оскорбление («смыть кровью»);
- давать объяснение своим поступкам на собрании представителей криминальной элиты (на «сходке»).

Основными запретами по «воровским законам» выступают:

- сотрудничество с работниками правоохрнительных органов в целях раскрытия преступлений и обеспечения правопо-

рядка, недопустимо также давать и подписывать объяснения или обязательства правоохранительным органам;

- выступать свидетелем или потерпевшим по уголовным делам;

- допускать незаслуженное (недоказуемое) оскорбление или обвинение представителей элитной касты и несправедливо относиться к представителям среднего слоя («мужикам») и другим осужденным, допускать беспричинную расправу («беспредел»);

- совершать недостойные преступления в виде изнасилования малолетних и несовершеннолетних, заниматься мужеложством в качестве пассивного партнера, воровать у преступников и др.;

- скрывать нарушения «воровских законов», допущенные кем-либо из представителей элитной касты, и обманывать их;

- нарушать правила обращения с представителями низших каст (недопустимо сидеть с ними за одним столом, брать у них продукты и т. п.);

- выполнять работы по уборке, коллективному самообслуживанию, благоустройству территории мест лишения свободы;

- делиться информацией о жизни элиты с представителями других каст;

- излишне транжирить на собственные нужды общие средства;

- воровать у преступников любой касты;

- объявлять себя без решения элиты криминальным авторитетом: «смотрящим», «положенцем», «вором в законе»;

- допускать проявления слабости характера и др.

В криминальной субкультуре ранее соблюдались определенные **обычаи (ритуалы)**, которые к настоящему времени в значительной мере утратили свою обязательность. В качестве таких обычаев выступала проверка «новичков» («прописка», «приколы») на умственные способности, умение постоять за себя, на надежность в отношениях, а также на склонность к гомосексуализму. При изучении преступника, прибывшего в исправительное учреждение, выявлялись склонности к воровству у своих («крысятничеству»), «порочащие» факты биографии, а также связи в криминальной среде. В результате такого изучения определяется неформальный первоначальный статус прибывшего. К ритуалам можно отнести процеду-

ру признания криминальным авторитетом («вором в законе», «положенцем», «смотрящим»), коллективного осуждения за грубые нарушения «воровских законов», разрешения споров, конфликтов («разборка»), изгнания из криминальной элиты, встречи после освобождения.

Криминальная субкультура имеет свои атрибуты. К ним относятся клички, которые присваиваются многим преступникам независимо от принадлежности к той или иной неформальной касте. Они нередко отражают особенности характера их носителя. Лицам из низших каст часто присваивают оскорбительные клички. Жаргон («блатная феня») также является атрибутом криминальной субкультуры. Его функция изначально заключалась в конспирации общения, однако она переродилась в функцию обособления преступников в специфическую общность. Говоря на жаргоне, преступники в первую очередь подсознательно подчеркивают их своеобразие, общность своего положения и интересов, выделяют себя из общности остальных людей и даже противопоставляют себя. Жестовый словарь ранее активно использовался, однако в последние несколько десятилетий он не осваивается. Еще одним атрибутом криминальной субкультуры являются татуировки («масти»), которые призваны обозначать принадлежность преступников к определенной касте, количество судимостей и другие криминальные характеристики их носителей. Их нанесение запрещено правилами внутреннего распорядка и наказывается, однако они скрытно наносятся осужденными. Мотивами нанесения татуировок является опять же выделение себя в массе других осужденных, а для некоторых преступников бравада своим криминальным опытом. В прежнее время соответствие татуировки объективному положению преступника контролировалось в их среде и за нанесение татуировки, которую он не имел право носить, следовали санкции – принудительное самостоятельное удаление под угрозой расправы. Лицам же, относящимся к касте отверженных, преступники насильно наносили позорные татуировки, отражающие их неформальный статус изгоев.

Для приверженцев криминальной субкультуры характерны определенные формы проведения досуга (обычаи в сфере досуга) – картежные и другие азартные игры, увеселительные мероприятия, пьянство, употребление наркотиков (которое

не запрещено, но и не одобряется значительной частью криминальных авторитетов). В то же время получает распространение мода на поддержание физической формы и здоровья путем занятий культуризмом, боевыми видами спорта, отдыха на престижных курортах. К женщинам проявляется особое отношение – потребительское, хотя имеются факты лояльного отношения к женщине как к партнеру по преступной деятельности. В последние годы снят запрет для «воров в законе» на создание семьи.

Стратификация преступников по канонам криминальной субкультуры. Профессиональные преступники, поддерживающие неформальные нормы и обычаи криминальной субкультуры, разделяют преступников на иерархические группы в соответствии с их приверженностью «воровским законам», поведением в общности преступников и личными качествами. Это наиболее выражено в местах лишения свободы и учитывается в преступной среде после освобождения.

Представители высшей касты именуются «бродягами», «порядочными арестантами», «живущими правильно». Ранее использовались термины «блатные», «пацаны» (для лиц молодежного возраста), «шерстяные» (для преступников среднего и пожилого возрастов). Принадлежность к этой касте конкретного преступника признается ее представителями после его основательного изучения и проверки его на стойкость и приверженность «воровским законам». Эти лица претендуют на лидерство в преступной среде прежде всего за счет своей организованности и сплоченности, в том числе за счет поддержки вне пределов исправительных учреждений. Стремясь подчинить своему влиянию других осужденных или преступников вне мест лишения свободы, они используют силовые методы, предъявляют всевозможные обвинения тем, на кого оказывают воздействие. В начале XXI века численность таких преступников постоянно снижается и их влияние существенно снижено или вовсе утрачено. Мода на принадлежность указанной касте в среде преступников существенно утрачена.

К среднему слою относится большинство преступников, которых именуют «мужиками». Представители этого слоя не допускают нарушений тех неформальных канонов, за которые преступник признается отверженным. Вместе с тем они

не стремятся принадлежать вышеназванной касте либо стремятся к этому, но еще не добились такого признания. В последнее десятилетие произошла трансформация этого слоя. Ранее «мужиками» не признавались осужденные, стремящиеся к досрочному освобождению и принимавшие в связи с этим участие в работе актива осужденных. Такие осужденные относились к более низкой касте в неформальной иерархии. В последнее время эти ограничения утрачены и для представителей среднего слоя допустимо принимать обязательства, касающиеся правопослушного поведения, участвовать в самодеятельных организациях, работающих под контролем администрации, выполнять работы по уборке и коллективному самообслуживанию, открыто стремиться к досрочному освобождению. В то же время представители этого слоя соблюдают запреты, касающиеся недопущения близких отношений с представителями низшей касты преступников – «отверженными».

К следующей, более низкой по криминальным нормам касте принадлежат осужденные, которые уличены в воровстве у других осужденных, – «крысы», не рассчитались с долгами за проигрыш – «проигранные», существенно подорвавшие достоинство крайней неряшливостью аналогично маргинальному слою бездомных – «чушки».

Самое низкое положение занимают представители касты «опущенных» («обиженных»), которые уличены в гомосексуализме в качестве пассивного партнера, подверглись сексуальному насилию или принуждению или имели с представителями этой касты недопустимо близкие отношения (пили чай из одной кружки, докуривали их сигареты, брали у них продукты, одежду). К представителям этой касты пренебрежительное отношение проявляют представители всех вышеперечисленных каст. Отнесение лица к более низкой касте преступников воспринимается как неформальная мера наказания и выражается во внутренней стигматизации.

Кастовое расслоение преступников выступает одним из регуляторов поведения и взаимоотношений в криминальных общностях. Оно играет стимулирующую роль, заинтересовывая профессиональных преступников добиваться престижного положения, и выступает формой стигмации для преступников, нарушивших неформальные нормы криминальной субкульту-

ры. Хотя в настоящее время такая стратификация постепенно утрачивает свое проявление и функцию, необходимо учитывать, что неформальные нормы и обычаи, формирование лидерской структуры являются закономерным явлением во всех общностях людей. В общности преступников развитие неформальных организационных структур закономерно ориентировано на интересы людей, имеющих антисоциальную позицию.

Виды и психологическая характеристика преступных формирований

Юридическая психология : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / И. И. Аминов [и др.]. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – С. 131–138.

В связи с тем, что каждому из выделенных в законодательстве видов преступных групп, организаций и сообществ присущи свои социально-психологические закономерности возникновения и функционирования, особенности внутренней структуры и распределения ролей, а также психологические механизмы управления и осуществления преступной деятельности, психологический анализ преступных формирований целесообразно проводить в аспекте роста их преступной сплоченности и организованности.

К наиболее простому типу преступных формирований обычно относят **случайные преступные группы**, которые состоят из двух и более лиц, объединившихся стихийно (без предварительного сговора), на основе спонтанно возникшей ситуации, под воздействием эмоций, настроения и чувства солидарности соисполнителей. Стихийные группы обычно совершают преступления внезапно: либо поддавшись брошенному кем-то призыву типа «Наших бьют!..», либо под воздействием общего эмоционального настроения. Из-за спонтанности объединения уровень психологической сплоченности в случайной преступной группе крайне низок, а явный лидер (организатор) отсутствует. В случае разоблачения взаимная поддержка и защита ее членов проявляются слабо. Данная форма группового соучастия имеет наибольшую распространенность в подростковой и мо-

лодежной среде, а также встречается среди взрослых, склонных к хулиганским действиям.

Устойчивые преступные группы состоят из двух и более человек, которые объединились заранее (по предварительному сговору) для совершения определенного преступления. Такие группы могут представлять собой как результат дальнейшего развития случайных преступных групп, которым удалось остаться не разоблаченными, так и форму умышленного соучастия преступников в целях достижения максимальной выгоды за счет распределения криминальных ролей, коллективной подготовки к совершению преступления, сокрытия следов и избежания уголовной ответственности. Специфическими социально-психологическими чертами устойчивой преступной группы являются: добровольное вступление в них и поддержание между членами позитивных эмоциональных связей; тесное криминальное взаимодействие при определении объектов преступного посягательства, подготовке и совершении преступления; конспирация преступных замыслов и изолированность от внешнего окружения, затрудняющие проникновение в группу посторонних лиц; отсутствие четко признанного всеми лидера, но существование авторитарного руководящего ядра и круговой поруки.

Отличительными характеристиками **организованной преступной группы** являются: устойчивость, сплоченность, иерархическая структура, защищенность от социального контроля. Это – объединение преступников на основе умышленного совершения нескольких деяний путем тщательной подготовки и планирования криминального события со стороны главаря (лидера) и руководящего ядра, распределения ролей среди соучастников, разнопланового сбора информации и оснащения техникой. Лидер организованной преступной группы имеет криминальный опыт, судим и знаком с методами работы сотрудников правоохранительных органов. Он является своеобразным генератором преступных идей и взглядов, изобретателем, честолюбив, предприимчив, решителен. Ему присущи волевые качества, быстрота ориентации и принятия решения в сложных ситуациях, жестокость, расчетливость, несправедливость, лживость, мстительность, способность оказывать влияние и подчинять своей воле других.

Визирь (заместитель) – второе по значению лицо в организованной преступной группе. Заместителей может быть несколько в зависимости от размеров группы. Функции визиря – информирование лидера об обстановке внутри группы и за ее пределами, посредничество в общении между лидером и нижестоящими членами группы, разрешение проблем, возникающих между членами группы либо между членами разных групп (если конфликт может быть улажен без вмешательства первого лица); устранение противоречий между членами группы и лидерами, не являющимися представителями организованной преступной деятельности; представительство при межгрупповых контактах в вопросах не первостепенной важности.

Звеньевые и бригадиры – условные руководители мелких, малочисленных групп внутри организованного преступного объединения, не имеющие права персонального выхода на первое лицо. Уровень звеньевых чуть выше уровня бригадиров, поэтому они несколько ближе к заместителю первого лица. Звеньевые и бригадиры имеют право осуществлять представительские функции за пределами группировки только на своем уровне (конфликт можно разрешить среди бригадиров и звеньевых).

Рядовые участники организованной преступной деятельности, или бойцы, никому не имеют права приказывать, не имеют никого в подчинении, выполняют указания всех вышестоящих членов группировки или организации, причем старшие – опосредованно.

Пособники – лица, непосредственно не участвующие в совершении преступления организованными криминальными группами, но так или иначе способствующие их существованию и функционированию (коррумпированные должностные лица, в том числе из правоохранительных и контролирующих органов, поставщики оружия и поддельных документов, врачи, оказывающие анонимную медицинскую помощь).

В зависимости от характера преступной деятельности группа делится на несколько звеньев, обеспечивающих ее жизнедеятельность: разведчики, боевики, группы прикрытия и пр. Среди подобных криминальных формирований в силу специфики образования и функционирования можно выделить *бригады, общины и банды*.

Бригады – преступные группы, возникающие по территориальному признаку еще в период «перестройки» (дворово-уличные, спортивные и иные команды), которые прошли криминальный путь от «социально-нейтральных» к «неустойчиво-криминальным» и от них – к «преступным формированиям», обложившим «данью» предпринимателей, мелкий бизнес и расширившим сферу своих криминальных интересов посредством устранения «конкурентов».

Общины – преступные образования, состоящие в своей основе из лиц, объединенных по национальному или земляческому принципу (чеченская, дагестанская, грузинская, вьетнамская, афганская). В настоящее время внутри «общин» имеются организованные преступные группы, которые совершают разбои, грабежи, занимаются вымогательством, сутенерством и пр. Нередко лидеры *бригад и общин*, накопив достаточный капитал, проникают в сферу легального бизнеса, тем самым «отмывая» преступно добытые денежные средства.

Бандитские формирования занимают среди организованной преступности особое место. Это устойчивые вооруженные группировки численностью до 10–15 человек, осуществляющие жестокие корыстно-насильственные деяния. По степени преступной направленности выделяют: «классическую», «специализированную» банды и «заказников». Первые две имеют иерархическую структуру по типу традиционных криминальных сообществ, действуют путем открытого вооруженного нападения на граждан или организации в целях завладения денежными и другими ценностями.

Специализированные банды практикуют один или несколько хорошо отработанных способов совершения преступления (например, похищение конкретного человека в целях последующего получения за него выкупа).

Заказники совершают преступления за вознаграждение (силовое давление на конкурента, киллерство и пр.).

В своей преступной деятельности члены криминального сообщества руководствуются ярко выраженной криминальной идеей, традициями и обычаями. Поэтому среди представителей этой преступной организации, как правило, отсутствуют коррумпированные связи и тесное взаимодействие с органами власти. Лидер при поддержке руководящего ядра осуществляет

жесткое подавление любого инакомыслия или отступничества, выступает арбитром при разрешении возникающих внутригрупповых конфликтов. Его отличают: честолюбие, нетерпимость к критике, агрессивность и жестокость. В то же время он общителен, имеет навыки установления психологического контакта и построения доверительных отношений с людьми. Вовлекая в банду новых членов, он использует приемы психологического воздействия с учетом индивидуальных особенностей личности каждого «новичка». Постоянно контролируя настроение членов банды, он прогнозирует возможные варианты их поведения.

Типичными для **организованного преступного сообщества** являются:

- наличие материального и финансового обеспечения (от «общаков» до создания собственных коммерческих структур и недвижимости);
- коллегиальная форма управления сообществом группой лиц, которые курируют его «филиалы» и поддерживают связи с государственными чиновниками;
- разработка и внедрение устава в виде неформальных норм поведения, традиций, санкций за их нарушение, жаргона (языково-понятийного аппарата внутригруппового общения);
- усовершенствование функционально-иерархического построения сообщества и поддержание межрегиональных (межотраслевых) связей, отношений по вертикали и горизонтали;
- постоянное расширение информационной базы за счет коррумпированных чиновников госаппарата о положении дел в органах власти, банках, бизнес-сообществах и т. п.;
- внедрение своих членов и поддержка доверенных лиц в органах власти и правоохранительной системе.

В конце XX века получила распространение **«кооперация»** профессиональных преступных лидеров («воров в законе») как особая форма объединения преступников на уголовных традициях и неформальных законах. Управление «кооперацией» осуществляется с помощью «воровских сходок», а воздействие на криминальную среду – посредством специально выделенных лиц и воровских обращений. Однако процесс интеграции «воров в законе» нередко осложняется противоречиями между идеологией воров *старой («урки»)* и *новой формаций*. Резуль-

тат противоречий – раздел сфер влияния (например, грузинские лидеры не признают российских; по старому «воровскому» закону среди чеченцев не могло быть «воров», однако недавно их стали признавать). *Новые* «воры» избегают нанесения татуировок – непрямого атрибута *старого* воровского сообщества, создают семьи, вступают в контакты с правоохранительными органами, часто пользуются «общаком» в личных целях, участвуют в бизнесе, имеют недвижимость и не приветствуют аскетизм.

В отличие от *старых* «воров в законе» *новые* значительно расширили перечень «допустимых» для них преступлений (вымогательство, бандитизм).

В настоящее время статус «вора в законе» можно приобрести за деньги в том числе и ранее не судимому. Поэтому подавляющее большинство именующих себя «ворами в законе» – обычные «апельсины» («зоны не топтавшие»).

Наиболее элитная часть «воров в законе» открыто себя не объявляет и известна лишь узкому кругу, что подтверждает тенденцию усиления конспирации в деятельности криминальных сообществ и дальнейшего продвижения его представителей в сферу государственной власти.

Вышесказанное сводит на нет традиционные представления о «ворах в законе» как о лицах, строго соблюдающих «кодекс воровской чести».

Психология преступных групп

Юридическая психология : учебник / А. М. Бандурка [и др.]. – Харьков, 2002. – С. 493–510.

Существует множество видов преступлений, для совершения которых заинтересованные в них лица должны объединять свои усилия. В таких объединениях действуют общие социально-психологические закономерности группового поведения людей, но имеется и своя специфика, обусловленная их направленностью и особыми правилами внутренней организации.

Преступная группа – это объединение лиц с антиобщественной деструктивной, разрушительной направленностью против

закона и общества. В преступные группы обычно вовлекаются лица с паразитическими склонностями, стремящиеся существовать за счет труда других людей. Поэтому групповая преступность представляет большую опасность для общества.

Для преступных групп характерны специфические межличностные отношения. На первый план здесь выдвигаются «деловые» преступные действия, общие корыстные интересы, общий страх, круговая порука. Межличностные эмоциональные отношения отступают на второй план, дружба и взаимные симпатии отсутствуют или выражены очень слабо. Для членов преступной группы характерны циничное отношение к социальным ценностям, моральным нормам поведения, эмоциональная глухота, жестокость, воздействие грубой физической силой.

Классификация преступных групп строится на основе учета следующих признаков, характеризующих различные аспекты их противоправной деятельности.

По количественному составу преступные группы, как и социально положительные группы, делятся на малые и большие.

Малые преступные группы имеют в своем составе от 2 до 30–40 человек. По мнению большинства исследователей этой проблемы, преступная группа – это всегда малая неформальная группа, выступающая как коллективный субъект преступной деятельности. Количественный состав малой преступной группы в определенной мере влияет на ее сплоченность, устойчивость и эффективность преступной деятельности. Оптимальной в количественном отношении считается группа, состоящая из 2–7 человек. Такой состав спонтанно отражает «закон оперативной памяти», так как подобная группа в наибольшей степени сплочена, мобильна, поддается контролю и управлению со стороны вожака. Однако групповая преступность не сводится только к наличию малых неформальных групп. Такие группы могут объединяться в более обширные сообщества с общим руководством и образовывать *большие группы*. В сфере хозяйственных преступлений количественный состав преступных групп точному учету не поддается, он может достигать 200–250 и более человек. В больших криминальных сообществах типа *мафии* наблюдается деление на подгруппы по определен-

ным отраслям преступлений. Личные контакты в таких группах очень ограничены в связи с высоким уровнем конспирации.

По степени организации преступные группы делятся:

- на ситуативные группы;
- организованные группы;
- преступные организации.

Ситуативная преступная группа включает не менее двух лиц, объединяющихся в целях совершения конкретного преступления. Такая группа может возникнуть на непродолжительное время для удовлетворения конкретной корыстной потребности. Основные признаки ситуативной группы:

- предварительный сговор;
- согласие всех участников;
- наличие инициатора преступления;
- отсутствие четко выраженного руководства и распределения ролей;
- совершение преступления без тщательной предварительной подготовки и, как правило, однократно.

В таких группах отсутствует определенная система взаимоотношений и сложная иерархия.

Организованные преступные группы возникают на основе предварительного преступного сговора и связаны с многократным совершением преступлений. Общими признаками организованных преступных групп являются:

- наличие организатора и руководителя;
- иерархическая структура;
- распределение ролей;
- совместная разработка и обсуждение плана действий;
- формирование определенной психологической и функциональной структуры;
- создание специального денежного фонда, которым распоряжается вожак;
- распределение добытых средств в соответствии с местом в иерархии и значимостью выполняемых в преступлении ролей;
- установление норм и правил поведения как внутри группы, так и вне ее;
- внешняя защита группы.

Преступная организация характеризуется более тесной сплоченностью и организованностью, более сложной иерархи-

ей. В нее входят лица, представляющие различные социальные общества, но объединенные идеей преступного промысла. Такие организованные сообщества включают также аппарат защиты и насилия. Наиболее сплоченной и опасной для общества преступной организацией является банда, цель которой – совершение убийств и террористических актов.

Преступная организация характеризуется такими признаками, как:

- организованность (наличие четкой иерархической структуры и единого строгого управления со стороны организатора);
- устойчивость (длительные и прочные преступные связи в группе и способность восстанавливаться после применения к ней мер уголовного воздействия);
- сплоченность (высокая степень связанности и взаимозависимости членов организации – круговая порука. В основе такой сплоченности лежат не гуманные товарищеские отношения, а побудительные стимулы – мотивация, корыстные личные интересы, страх перед разоблачением);
- защищенность (специальные блоки защиты, группы прикрытия, аппарат психического и физического давления на членов группы).

По содержанию преступной деятельности группы выделяют группы расхитителей, взяточников, маклеров, рэкетиров, контрабандистов, а также шайки, банды, мафию и др.

Психологическая структура преступных групп определяется сложившимися межличностными отношениями между членами групп, а также их отношениями с внешним миром, с социумом. Внутренние интегрированные отношения в группе основаны на функционально-ролевой дифференциации ее участников. Социометрическую структуру преступной группы можно рассматривать с позиций стратометрической концепции А. В. Петровского – концепции деятельностного опосредования межличностных отношений в группе, учитывая при этом специфическую антисоциальную направленность преступных групп.

В иерархии преступных групп можно выделить следующие уровни:

- организатор и руководитель (главарь) преступной группы;
- исполнители на ответственных участках;

- исполнители на второстепенных участках;
- периферия группы, «слабое звено», куда входят малозначимые члены группы, иногда случайно примкнувшие, а также «оппозиционеры», часто становящиеся источником конфликтов в группе.

Для всех участников организованных преступных групп характерны общие, типичные особенности деятельности:

- устойчивость преступной деятельности с признаками криминального профессионализма;
- криминальный стаж и достаточно высокий уровень овладения криминальными знаниями и навыками в конкретных видах преступлений (преступная квалификация);
- преступная деятельность является для них основным объектом их интересов и основным источником добывания средств к существованию;
- наличие прочных связей с преступной средой.

При наличии указанных общих черт представители различных уровней иерархии преступной группы **характеризуются спецификой выполняемых ими функций.**

Наличие главаря (вожака) является обязательным признаком организованной преступной группы. Обычно он имеет значительный криминальный опыт, статус «вора в законе», «авторитета» и пользуется непререкаемым авторитетом в группе. На него возлагаются функции управления всеми участниками группы, разработка планов преступлений, контроль за выполнением приказов, распределение добытых ценностей. Вожаки имеют хорошие физические данные, организаторские способности, ему присущи такие качества, как сообразительность, решительность, агрессивность, склонность к риску, интуиция, способность к прогнозированию, быстрому принятию решений в сложных ситуациях. Страх быть разоблаченными порождает в вожаках преступных групп подозрительность, недоверие ко всем соучастникам, мстительность и жестокость, часто граничащую с садизмом. У главарей часто наблюдаются скрытые и явные акцентуации характера: эмоциональная неуравновешенность, возбудимость, ригидность и т. д., иногда выходящие на уровень психопатических расстройств. Можно выделить различные типы лидеров организованных преступных групп: *лидер-организатор*, последовательно криминальный тип лич-

ности, который активно создает подходящую ситуацию для совершения преступлений, преодолевая возникающие при этом препятствия. Другой тип – это лидер – *вдохновитель*, который в целях безопасности преступной группы выполняет функции своеобразного «криминального советника», предостерегающего участников от опрометчивых действий и в то же время оказывающего на них стимулирующие воздействия, повышая их решимость совершить преступление. Это наиболее опасный психологический тип.

Существуют также и смешанные типы лидеров, выполняющих одновременно роли вдохновителя, инициатора, организатора и даже исполнителя преступлений.

Роль авторитарного лидера преступной группы настолько велика, что с его гибелью или арестом преступная группа, как правило, распадается или на долгое время утрачивает свою боеспособность. Иногда лидерство осуществляется в коллективной форме – двумя-тремя лицами, обычно связанными близкородственными узами. Лидеры опираются на активных исполнителей, и все вместе они составляют ядро группы, спаянное единством преступной мотивации и личностных характеристик.

Распределение ролей в организованной преступной группе обусловлено разнообразием выполняемых ею преступных функций, образующих функциональную структуру группы: одни члены группы участвуют в подготовке преступления, другие непосредственно совершают его, третьи обеспечивают хранение, транспортировку и сбыт похищенного. Каждый хорошо знает свои обязанности, поэтому группа функционирует слаженно и организованно.

Можно выделить следующие **основные функции организованных преступных групп**:

- управленческо-стратегическая функция связана с постановкой преступных целей, выбором объекта и методов достижения цели, определением направления деятельности группы, побуждением членов группы к совершению конкретных преступлений, оценкой и прогнозированием преступной деятельности;

- асоциальная «производственная» функция связана с распределением обязанностей между членами группы и конкрет-

ной реализацией преступной программы (добывание сырья, переработка, хранение, сбыт, транспортировка и т. п.);

- функция финансового обеспечения – создание и хранение общего фонда группы – «общака». Деньги из этого фонда используются для подкупа должностных лиц, содержания охраны, найма убийц, помощи осужденным членам группы и их семьям;

- функция защиты и прикрытия. Для организованных преступных групп типа мафии характерно создание в их структуре специальных блоков защиты и прикрытия, в состав которых вовлекаются некоторые представители правоохранительных органов, за взятки оказывающие помощь преступникам. При возникновении угрозы кому-либо из членов группы принимаются меры для его спасения от наказания или для физического уничтожения лиц, от действий которых может пострадать деятельность всей группы;

- функция конспирации и контрразведки связана с обеспечением продолжительного срока преступной деятельности группы. В больших организованных преступных сообществах нередко члены группы не знают друг друга, организатора и главаря. Это достигается разработкой определенных схем передачи преступной информации и общения. Как правило, в сплоченных преступных группах обеспечивается стабильность их членов. Кандидаты в члены группы тщательно проверяются и принимаются на основе личного поручительства «авторитетов». Для получения необходимой информации главарь группы старается внедрить в аппарат уголовного розыска своих людей или содержать в ядре преступной группы осведомленных сотрудников органов внутренних дел;

- нормативно-ценностная функция связана с обучением ее членов методам преступных действий, правилам конспирации, действиям на случай провала и ареста, правилам общения, поведению в быту, в общественных местах, на службе. Формирует антиобщественные убеждения и традиции, свой жаргон, а также систему знаков для визуального общения и тайнописи. С целью «повышения квалификации» главарь преступных групп изучают специальную литературу о борьбе с преступностью, приобретают видеотехнику, фильмы о работе полиции;

- функция дисциплинарного воздействия связана с обеспечением соблюдения членами преступной группы принятых в ней

норм и традиций, поддержания постоянной преступной активности группы, применения мер наказания, вплоть до физической ликвидации. Эта же функция направлена на разрешение конфликтов, возникающих между сообщниками, и на предупреждение раскола в группе.

Функционирование преступной группы как единой организации основано на системе коммуникативных связей. Общение и коммуникативные связи в преступных группах имеют свою специфику, так как они осуществляются на фоне антиобщественной направленности и в условиях нелегальной деятельности.

Коммуникативные связи в преступных сообществах служат для обмена информацией между их членами. Основная информация в виде инструкций поступает от главаря к другим членам преступной группы. Выбор коммуникативной структуры зависит от численности группы, ее сплоченности, характера преступной деятельности и т. д. Форма коммуникации обычно устанавливается организатором группы в целях оптимальной эффективности и конспирации. Если численность членов группы не превышает 10 человек, то система связей в ней устанавливается спонтанно. Если же число участников превышает 10 человек и если группа действует в различных отраслях народного хозяйства и в различных регионах страны, то коммуникативная структура устанавливается по соглашению сторон и при этом разрабатывается комплекс правил предосторожности.

Существуют следующие основные виды коммуникативных связей в преступных группах:

- *полная структура*, в которой каждый член группы может установить связь с любым другим;
- *круговая структура*, которая допускает движение информации от одного участника к другому только в одном или в обоих направлениях. В этой структуре каждый участник знает лишь двух партнеров, т. е. того, от кого принимал и кому сдавал добычу;
- *цепь* – структура типа разорванного круга, в которой осуществляется последовательная связь первого со вторым и т. д. Обычно применяется при передаче информации в пределах одной преступной группы;

- *структура «колесо»*, в которой главарь связан с каждым членом группы, тогда как члены группы не имеют связи и не знают друг друга как соучастников преступления;

- *структура «круг со стержнем»*. Организатор связан только с одним членом группы, все остальные имеют связь между собой;

- *разорванный круг со стержнем*. Организатор связан с членами группы через посредника, соучастники между собой связи не имеют;

- *комбинированная структура*, где организатор имеет связь с членами группы, которой он руководит непосредственно. В то же время он связан с другой группой лиц, но уже через посредника;

- *сложная структура*, в которой организатор руководит двумя или более подгруппами, имеющими свою коммуникативную структуру;

- *многоблочная структура*, наиболее сложная иерархическая организация типа мафии. Главарь организации руководит несколькими группами, совершающими преступления на уровне разных организаций и регионов страны, имеет личную охрану, а также блоки защиты в сфере правоохранительных и государственных структур. Здесь главарь имеет непосредственную связь только с организаторами конкретных преступных направлений, которые руководят своими подгруппами через посредников, имеющих непосредственную связь с исполнителями.

Конспиративная и посредническая структура коммуникации в преступных группах показывает, что здесь не может быть лидера в том значении, в котором он определяется в социальной психологии, со всеми его функциями руководства продуктивной деятельностью трудовых коллективов. Поэтому организатор преступной группы (корпорации) обычно называется главарем или вожаком.

Несмотря на то что преступные группы формируются на основе таких принципов, как сплоченность, закрытость, защищенность и т. д., в них существует почва для возникновения и обострения внутренних противоречий и кризисных ситуаций – конфликтов. В самой сущности преступной деятельности группы заложены основы конфликтных столкновений, в которых проявляются противоречия между своекорыстными стрем-

лениями разных ее членов. Если на начальных стадиях организации преступной группы между отдельными ее членами и существуют взаимные симпатии и дружба, то в дальнейшем они быстро исчезают, трансформируясь в чисто деловые отношения, основанные на корыстных интересах и потребностях, удовлетворение которых побуждает всех участников осуществлять общий замысел преступной деятельности. Постепенно в группе обозначается взаимодействие двух противоборствующих сторон, усилия одной направлены на дальнейшую интеграцию и сплочение соучастников, а другой – на их разобщение. В период успешной деятельности группа представляет собой прочное формирование. Если же преступная группа потерпела неудачу и возникает угроза разоблачения ее членов, то среди них усиливается тенденция к проявлению скрытых противоречий, конфликтов, к нарастанию напряженности в межличностных отношениях, которые изначально строятся на основе аморальности и корысти, бездуховности, равнодушия и цинизма в отношении к людям вообще и к соучастникам по преступной деятельности в частности.

Конфликтные отношения в группе порождают определенные эмоции: обиду, зависть, возмущение, негодование, гнев, страх быть наказанным главарем или по его приказу – палачами мафии. Эмоции, возникающие у членов группы, толкают их на борьбу сначала в скрытой, а затем в открытой форме.

Причины возникновения конфликтов: неравные дележ добычи и распределение функций, раздел территории и сфер влияния.

Формы конфликтов внутри группы:

1. *Конфликты между организатором и всей группой* могут быть обусловлены недовольством организацией и эффективностью группы; эгоистическим стремлением главаря присваивать львиную долю добычи; отсутствием надлежащей дисциплины среди членов группы; неблагоприятные криминогенные условия в регионе деятельности преступной группы; страх наказания со стороны вожака; страх вожака перед возможной его выдачей правосудию или конкурентам членами группы; иерархическое неравенство в структуре группы (неравномерное распределение доходов, полученных в результате совместной преступной деятельности). Кроме того, каждый член группы

обычно испытывает скрытое желание подняться выше по ступеням иерархии преступной организации как для личного престижа, так и для увеличения своей доли добычи.

2. *Конфликт между главарем и оппозиционерами* из числа лиц, приближенных к главарю, возникает из-за подозрения, что они хотят захватить власть. Как правило, такой конфликт протекает скрытно и очень часто приводит либо к физическому уничтожению одной из сторон, либо к расколу группы.

3. *Конфликты между старыми и новыми членами группы:* за новым членом преступной группы устанавливается жесткий контроль, и при малейшем отклонении от принятых норм к нему применяются суровые санкции, что может стимулировать конфликт. У старых членов группы растет подозрительность, у новичка – недовольство завышенными по отношению к нему требованиями, а также дискриминацией при дележе добычи. Конфликт неизбежен в тех случаях, когда новичок вовлекается в группу против своей воли: путем насилия, запугивания, шантажа, подкупа. Такой член группы может затаить чувство мести, желание при удобном случае отделаться от соучастников.

4. *Конфликты между членами группы, решившими прекратить преступную деятельность, и всей группой.* Такие конфликты протекают в особо острой форме, так как у группы возникает страх перед разоблачением. Это часто приводит к физическому уничтожению отщепенцев.

5. *Конфликты между соучастниками, выполняющими различные функциональные роли в осуществлении преступлений.* Обычно такие конфликты возникают из-за подозрительности друг к другу, неверия в справедливое распределение доходов, а также из-за преувеличения некоторыми членами группы своей функциональной роли и претензии на признание своих особых заслуг и на особые привилегии.

6. *Конфликты между членами группы в их стремлении к более высокому статусу* с целью приблизиться к ядру или главарю преступной группы, так как это дает им возможность принимать участие в обсуждении наиболее важных вопросов и иметь больше материальных выгод.

7. *Конфликты на почве личных неприязненных отношений* могут возникать из-за неприятия одних рядовых членов дру-

гими или несовместимости характеров одного из членов группы и главаря. Например, главаря кто-то начинает подчеркнуто игнорировать или незаслуженно предъявлять к нему претензии по поводу его неактивного участия в преступлениях. Скрытая недоброжелательность может перейти в открытую вражду и в конечном итоге привести к разрыву с преступной группой.

8. *Конфликты на почве несоблюдения некоторыми членами группы установленных норм поведения.* Установление групповых норм и общих ценностей, интересов усиливает единство группы, но вместе с тем усиливает и групповое давление на тех членов, которые пытаются отклониться от выполнения групповых норм. По отношению к ним применяются внушения, а затем строгие санкции, что порождает конфликты в группе.

9. *Конфликты, возникающие в связи с наличием в группе психопатических личностей,* которые по своему характеру отличаются неуживчивостью, всегда недовольны, неуравновешены, предубеждены против всех остальных, постоянно провоцируют столкновения, что мешает им приспособиться к нормам поведения группы. К таким членам начинают применять жесткие санкции, вплоть до физической расправы.

Конфликты в преступной группе независимо от их конкретной причины имеют тенденцию к усилению. Однако члены группы стремятся ослаблять конфронтацию с окружением, осознавая опасность для всей преступной корпорации и для каждого из них.

В основе формирования преступных групп лежит сложный комплекс социальных и психологических факторов, благодаря которым первичные неформальные объединения молодежи постепенно превращаются в асоциальные группы. Сначала это может быть стихийно сложившаяся социально настроенная группа – компания, объединяющаяся для совместного проведения свободного времени. Но если у подростков отсутствуют основы правосознания и содержательные интересы, их досуг зачастую заполняется культивированием извращенных потребностей. Такие группы становятся «слабыми звеньями» социума, конформными к воздействию преступных сообществ. Постепенно они утрачивают социальные связи и приобретают сначала предкриминальный, а затем криминальный характер с явно выраженными антисоциальными намерениями. В большинстве

случаев такие неформальные группировки формируются как дворовые компании с примерно одинаковым возрастным составом и имеют примитивную социометрическую структуру. Криминализация таких лиц ускоряется под влиянием ранее судимых, а формы преступной деятельности приобретают профессиональный характер. При этом усложняется организованная структура таких криминальных сообществ (совершенствуются формы руководства ее членами), совершенствуется криминальная специализация, появляются хорошо вооруженные подразделения.

Психология организованной преступности

Васильев, В. Л. Юридическая психология. – СПб. : Питер Ком, 1998. – С. 144–147.

Характерной особенностью организованной преступности является создание основной преступной группы, которая имеет высокий уровень саморегуляции и иерархическую структуру, включающую три звена: руководство, подчиненные и распределение функций между преступниками. В подавляющем большинстве случаев преступные организации имеют пирамидальную структуру, на вершине которой находится основной лидер, а в непосредственном его окружении небольшая группа лиц, принимающих решения.

Психология преступной группы в качестве специального раздела криминальной психологии исследует генезис образования, структуру, распределение ролей, а также психологические особенности и механизмы управления криминальными сообществами.

Неразборчивый и ненаказанный вовремя преступник опасен не только потому, что сам нагнетает от мелких преступлений и переходит к крупным, но и потому, что безнаказанность оказывает большое влияние на формирование преступных установок у других неустойчивых лиц и способствует созданию преступных групп.

По степени организованности преступные группы разделяются на преступные группы, преступные организации и преступные сообщества. Отличительная черта организованных криминальных групп – профессионализация членов, усложне-

ние организационной структуры, усовершенствование вооружения, коммерциализация, укрупнение, интернационализация, появление криминального лобби как силовой структуры, аналогичной легальной структуре правоохранительных органов, но способной преодолевать заслон последней, для чего в криминальные сообщества рекрутируются профессионалы. Вот почему в рядах членов организованной преступности кроме «воров в законе» и уголовных «авторитетов» появляются бывшие спортсмены, воины-афганцы и профессионалы, главным образом из сотрудников МВД.

Преступники, став членами криминального сообщества, действуют активнее, поскольку такая деятельность подкрепляется групповым авторитетом.

Для функционирования преступной группы характерно постепенное расширение сферы ее деятельности во времени и пространстве, увеличение количества совершаемых преступлений и переход к более тяжким деяниям.

В процессе расширения преступной деятельности внутри преступной группы происходит формирование психологической и функциональной структуры: чем выше уровень развития группы, тем более отчетливо выступает ее внутренняя психологическая структура, состав ее стабилизируется, деятельность становится целенаправленной, происходит распределение ролей и функций между ее членами.

На определенном этапе развития преступной деятельности во внутренней структуре организованной группы появляется фигура лидера, обычно выступающего в роли организатора и руководителя. С появлением лидера группа приобретает черты сплоченности, ее деятельность активизируется и приобретает все более опасный общественный характер.

Закономерность формирования и функционирования преступной группы – постоянное действие в ней двух противоборствующих сил: одна из них направлена на дальнейшую интеграцию и сплочение членов, другая – на их разобщение.

В период успешной деятельности преступная группа представляет собой психологически спаянное формирование. Пока она удачно совершает преступления и остается не разоблаченной, тенденция к интеграции и сплочению ее членов преобладает. Если же преступная группа потерпела какую-либо

неудачу и возникла опасность разоблачения и привлечения к ответственности ее членов, то усиливается тенденция группы к разъединению, проявляются скрытые конфликты, противоречия, возрастает напряженность в отношениях между ее участниками.

В структуре организованной преступности **элита** состоит как бы из двух частей. Первая – крупные расхитители. У них более всего развиты тенденции к доминированию, лидерству, управлению окружением, честолюбие, целеустремленность, стойкость эмоций и жизненных позиций.

Аналогичными чертами обладает другая группа лидеров из числа уголовных преступников. Однако их социальное положение в общепринятой структуре почти всегда ниже, чем у первых. То же можно сказать об их уровне культуры и соответственно потребностей и интересов, особенно тех, кто длительное время отбывал наказание в местах лишения свободы. Лидерские способности и умение управлять окружающими обеспечиваются эмоциональной холодностью, блокирующей или существенно ограничивающей субъективные возможности к сопереживанию. В то же время эта черта позволяет криминальному лидеру сохранить необходимую социально-психологическую дистанцию с окружающими, трезво анализировать ситуации и на основе этого принимать рациональные решения. Между данными группами лидеров существует соперничество, скрытая вражда, но в силу общности целей и путей их достижения они взаимодействуют.

Современный «лидер» криминального сообщества чаще всего не судим, образован, обладает организаторскими способностями, а в качестве консультантов имеет опытных «воров в законе» и «авторитетов». Отличительная черта его личности – психологическая власть над подчиненными (возникновение и существование организованных преступных групп базируется на этом явлении).

В современных преступных группировках по закону конспирации создается система, при которой низшие звенья вообще не знают своих руководителей. Рядовые члены группы только видят проявления, атрибуты лидера: охрана, значительные денежные средства, тратящиеся на операции, – все это также психологически воздействует на членов группы, создает атмосферу страха и благоговения перед лидером.

Если преступная группа сформировалась по признаку прошлых преступных связей, то «ветераны» могут протестовать против отхода новых членов от прежних традиций и правил. Иногда они существенно расходятся во взглядах на методы преступной деятельности, принципы раздела похищенного (молодые обычно претендуют на раздел в равных долях, а старые пытаются ограничить их криминальный «доход» скромными размерами).

Организованная преступность

Гуров, А. И. Организованная преступность. – М. : БЕК, 2001. – С. 5–12.

Отечественные криминологи давно обратили внимание на то, что понятие «организованная преступность» (ОП) не сводима к простой сумме отдельных преступных группировок, даже устойчивых, это – качественно иное образование.

В наиболее широком смысле ОП принято рассматривать как форму незаконного предпринимательства, подпольную экономическую систему. В этом плане эксперты ООН определяют ОП как одну из форм экономического предпринимательства, осуществляемую с помощью противозаконных средств, связанных с угрозой применения физической силы или ее использованием, вымогательством, коррупцией, шантажом и др. методами, а также использованием незаконно производимых товаров и услуг. С других позиций данное явление характеризуется как серия сложных уголовных видов деятельности, осуществляемых в широких масштабах организациями и другими группами, имеющими внутреннюю структуру, которых толкает на это главным образом получение финансовой прибыли и приобретение власти.

С. В. Дьяков конкретизирует определение данного понятия путем включения в него большего числа признаков. Так, **организованная преступная группа (ОПГ)** – это деятельность устойчивых преступных сообществ (организаций), отличающихся иерархическим организационным построением и сплоченностью на конкретной преступной платформе, отработанной системой конспирации и защиты от правоохранительных

органов, коррумпированностью, масштабностью преступной деятельности, включая выход за рубеж и связь с международной мафией. Из приведенного определения следует, что одиночные организованные преступные группы в состав ОП не входят.

В проекте Федерального закона РФ «О борьбе с организованной преступностью» ОП определяется лаконично как создание и криминальное функционирование организованных преступных формирований: организованных групп, банд, преступных организаций и преступных сообществ; их преступная деятельность. Преступная деятельность, соответственно, определяется как система деяний с заранее обдуманым умыслом по приготовлению, покушению, совершению одного или более преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК, а также по легализации и приумножению преступных доходов. Мы полагаем, что организованная преступность – это относительно массовое функционирование устойчивых управляемых сообществ преступников, занимающихся совершением преступлений как промыслом (бизнесом) и создающих с помощью коррупции систему защиты от социального контроля.

С психологической точки зрения ОП – относительно самостоятельное негативное социальное явление, характеризующееся консолидацией преступной среды в рамках региона, страны на основе централизованной, разветвленной многоуровневой системы устойчивых преступных связей.

Наиболее емкое и содержательное определение ОП сформулировала А. И. Долгова: ОП – это сложная система организованных преступных формирований с их широкомасштабной преступной деятельностью и созданием для такой деятельности наиболее благоприятных условий, использующая как собственные структуры с управленческими и другими функциями по обслуживанию этих формирований, их деятельности и внешних взаимодействий, так и государственные структуры, институты гражданского общества. Такого рода система – качественно новое явление по сравнению даже с преступным сообществом и преступной организацией. Понятие «система» отражает вовсе не простое множество организованных формирований, но их органическую целостность, наличие устойчивых взаимосвязей между ними разного характера на базе обеспечения преступной деятельности и наиболее благоприятных условий для ее

развития, легализации и приумножения преступных доходов. В эту систему вовлечена немалая часть населения, и по существу организованная преступность представляет собой альтернативное общество со своей экономикой, социальной и духовной сферами, своими системами управления, безопасности, формирования молодого поколения, судами, своей внутренней и внешней политикой.

В самом широком плане любые организованные преступные группы (ОПГ) относятся к ОП. Однако более точно в таком самом широком значении употреблять термин «организованность в преступности».

В узком смысле далеко не все ОПГ могут быть отнесены к названному явлению: последние должны обладать такими признаками, как наличие связей по горизонтали и вертикали, основанных на разделении функций, в том числе дополнительных к преступной деятельности; наличие коррумпированных связей в госаппарате; ролевой статус в преступной среде или теневой экономике.

Таким образом, в более узком понимании ОП – это деятельность не любых ОПГ, а лишь тех, в которых как минимум проявляются иерархические связи в преступной среде.

Мафия, в свою очередь, представляет собой еще более узкое понятие. Это тот «этаж» ОП, который заключается в смычке ОПГ с коррумпированными чиновниками или сотрудниками правоохранительных органов. В соответствии с итальянским законодательством объединение преступников называется мафиозным, когда для совершения преступления или извлечения экономической выгоды из своей незаконной деятельности они используют средства запугивания. Другими словами, мафиози можно назвать тех преступников, кто в силу традиций и образа действий терроризирует население.

Экономическая основа ОП состоит в том, что она представляет собой социально-экономический процесс извлечения сверхдоходов в криминальной сфере. Неотъемлемая цель субъектов, вовлеченных в этот процесс, – нажива любой ценой (под сверхдоходом понимается уровень рентабельности, значительно превышающий средний по стране или региону).

Социально-политическая сущность ОП – скрытое подчинение ее противоправных корпоративных интересов и це-

лей законопослушных физических и юридических лиц путем нейтрализации (подавления) их сопротивления, а равно противодействия соответствующим государственным структурам с помощью сложившейся в недрах ее криминально-властной системы отношений. В этом плане ОП представляет собой корпоративную преступность, преследующую в качестве конечной цели установление скрытого господства, диктатуры организованной преступной среды над законопослушным обществом, его гражданами и легитимными структурами. Иными словами, в качестве ключевого момента ОП выступает власть, которая достигается при помощи механизма переплетения политики и бизнеса и осуществляется тайно и бесконтрольно.

Идейно-организационное содержание ОП состоит в том, что она представляет собой сплочение преступной среды. Речь идет о сплочении преступников как организации, продуцирующей криминальную деятельность, о сплочении на общей криминальной идеологии, общих «правилах игры» в рамках одного преступного сообщества. Общая идейная платформа, которая объединяет лиц, входящих в организованные преступные группы, выражается в наличии у них специфической системы ценностных ориентаций: деньги, за которые можно купить все; неограниченная власть в уголовном мире и влияние в мире легальном; принадлежность к воровской касте и комплекс презрительного превосходства над законопослушными гражданами; острота ощущений, связанных с риском, романтика опасности, верность воровской «идеи».

С учетом отмеченных существенных черт ОП последнюю можно определить как сплочение, консолидацию преступной среды посредством подавления легитимных структур в целях извлечения и приумножения преступного капитала.

Многие исследователи полагают, что в числе неотъемлемых признаков ОП находятся следующие: устойчивый, постоянный, плановый, конспиративный характер деятельности в виде преступного промысла; наличие организационно-управленческих и обеспечивающих структур, иерархии руководства, единых норм поведения; создание системы планомерной нейтрализации всех форм социального контроля; применение специальных методов разведки и контрразведки; наличие централизованных крупных денежных фондов; тенденция к постоянному расширению сфер деятельности.

Г. Ф. Маслов, ссылаясь на зарубежных исследователей, выделяет такой признак, как «формальность», который проявляется в двух аспектах: во-первых, в создании «формальных» организаций юридических лиц с целью занятия преступной деятельностью и, во-вторых, в использовании прав уже созданного юридического лица в чьих-либо преступных интересах.

Организованное преступное формирование – устойчивое объединение лиц, в котором имеются (или формируются):

- организатор (руководитель, главарь, пахан, крестный отец) или руководящее ядро;

- определенная иерархическая структура, отделяющая руководство от непосредственных исполнителей;

- более или менее четкое распределение ролей (функций);

- жесткая дисциплина с беспрекословным подчинением по вертикали, основанная на собственных законах и нормах, в том числе и на законе молчания;

- система жестких наказаний, вплоть до физического устранения;

- общая финансовая база («общак»);

- нейтрализация и возможное корруммирование правоохранительных и иных государственных органов для получения необходимой информации, помощи и защиты;

- профессиональное использование основных государственных и социально-экономических институтов в целях создания видимости законности своей преступной деятельности;

- распространение устрашающих слухов о своем могуществе;

- создание такой структуры управления, которая избавляет руководителей от необходимости непосредственной организации или совершения конкретных преступлений;

- совершение любых преступлений при доминирующей мотивации достижения корыстной цели и контроля в какой-то сфере или на определенной территории для той же наживы и безопасности.

Организованная преступность – сложное многоуровневое социальное явление, имеющее свою специфическую структуру, «внутреннее строение». Выделяют **три уровня организованности в преступности**. На низшем уровне преступление хотя и совершается организованной группой, но в ней при всей ее сплоченности и устойчивости нет сложной структуры, иерар-

хии, функции организаторов и исполнителей четко не распределены. Этот уровень прямо не относится к ОП, хотя это часто делается. Надо иметь в виду, что подобные одиночные группы заметно уступают другим преступным формированиям, которые включены в более высокие уровни организованности по степени своей опасности. Второй уровень представляет собой иерархическое построение криминальных групп, иногда их конгломерат. Особенность таких групп – активное вторжение в официальные структуры общества и использование этих структур в своих криминальных целях. Такие группы можно назвать преступными организациями. Третий уровень – организация преступной среды, консолидация ее лидеров в преступные сообщества. На этом уровне завершается отделение функции организации и руководства преступной деятельностью от непосредственного, традиционного соучастия в совершении конкретного преступления. Лидеры преступной среды уже не совершают конкретных преступлений, заняты выработкой общей линии поведения, стратегии и взаимной поддержки. Наиболее известны преступные сообщества «воров в законе».

Таким образом, в структуру ОП как целостного социального явления входят не любые ОПГ, а лишь преступные организации (второй уровень организованности) и преступные сообщества (третий уровень организованности).

Преступная организация – объединение лиц, либо организованных групп, либо банд для совместной преступной деятельности с распределением между участниками функций по: созданию преступной организации либо руководству ею; непосредственному совершению преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК; иным формам обеспечения создания и функционирования преступной организации.

Преступное сообщество – объединение организаторов, или руководителей, или других участников преступных организаций, или организованных групп, или банд, или иных лиц для совместной разработки либо реализации мер по координации, поддержанию, развитию преступной деятельности соответствующих формирований или лиц, либо мер по созданию благоприятных условий для преступной деятельности занимающихся ею лиц, организованных групп, банд, преступных организаций, а также по организации совершения тяжких преступлений

в указанных целях. Можно подвергнуть критике приведенное выше определение, указав, например, на недостаточную определенность некоторых признаков, на то, что трудно в рамках конкретного уголовного дела установить, какое именно формирование представлено в нем.

Элементы структуры преступной организации лучше всего представить в виде трех основных звеньев: организационно-управленческого, организационно-вспомогательного и исполнительского. Организационно-управленческое звено включает в себя два блока: стратегическое управление и текущее управление. Стратегическое управление заключается в разработке общей стратегии преступной деятельности, общих тактических приемов и средств совершения преступлений; в концентрации средств преступной организации и контроле за их поступлением и расходованием; разработке общих мер противодействия правоохранным органам. Текущее управление состоит во внедрении конкретных приемов и методов преступной деятельности; руководстве конкретными видами преступной деятельности; учете средств ОП и поиске каналов их вложения; контроле за соблюдением участниками общих неформальных норм; решении «кадровых» вопросов, вербовке новых членов и т. п. Организационно-вспомогательное звено заключается в обеспечении безопасности и эффективном функционировании: контрразведка (нередко это профессиональные преступники, ранее неоднократно судимые); коррумпированные связи, с помощью которых происходит утечка информации об оперативно-розыскной деятельности правоохранных органов, изъятие и уничтожение отдельных процессуальных документов или даже целых уголовных дел, добываются сведения о потерпевших и свидетелях с целью оказания на них давления и т. п.; разведка (она заключается в поиске объектов преступной деятельности, проверке будущих «клиентов», добыче информации о финансовых возможностях той или иной коммерческой структуры, на которую собираются «наезжать» преступники, о ее деловых связях и т. д.). Исполнительское звено («бригада») отвечает за подготовку и совершение конкретных преступлений. Звено выполняет следующие основные функции: руководство исполнительскими группами и совершением конкретных преступлений; транспортировка, охрана, реализация

предметов, добытых преступным путем; деятельность посредников и связников; исполнительские функции, т. е. непосредственная подготовка и совершение конкретных преступлений.

В **преступном сообществе** (ПС) получают свое завершающее воплощение и развитие общие признаки ОП: четкое разделение организационно-управленческих и исполнительских функций; сращивание теневой экономической деятельности с уголовщиной; связь с коррумпированными чиновниками; наличие общих криминальных сфер влияния и контроля.

По последнему признаку все ПС можно классифицировать на региональные сообщества, контролируемые на определенной территории преступный бизнес, а также определенные виды легального бизнеса и отраслевые сообщества, контролируемые определенные сферы экономики и другой деятельности.

Последние годы характеризуются резкой активизацией преступных связей ОПГ. Все чаще последние прибегают к сходкам как своему «высшему» представительному органу.

Совершение преступлений в составе преступной группы

Еникеев, М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии : учеб. для вузов. – М. : Норма, 2005. – С. 322–330.

Совместное преступное действие нескольких лиц имеет ряд юридических градаций:

- *простое участие* – соисполнительство (отсутствие распределения ролей в спонтанно возникшей группе);
- *сложное соучастие* – выполнение определенной воли во временно функционирующей преступной группе;
- *соучастие в стабильной преступной группе* (членство в преступной группе).

Наиболее общественно опасной формой преступной группы являются банды – хорошо организованные и вооруженные преступные группы и социально организованные преступные объединения.

Банда характеризуется направленностью на совершение тяжких преступлений путем вооруженных нападений, устойчивостью способов преступной деятельности и способов сокрытия преступлений.

Преступная группа отличается системой устойчивых анти-социальных норм и поведенческих шаблонов. Межличностные отношения в преступной группе основаны на соперничестве, эгоистическом расчете, утверждении превосходства лидеров посредством грубой физической силы. По существу, преступная группа – это не социальная группа, а корпорация. Наиболее стойкую антиобщественную ориентацию имеет главарь преступной группы, объединяющий вокруг себя ядро из наиболее деморализованных членов группы, ее «верхушку», которая организует преступную деятельность всей группы. Деятельность всех членов преступной группы побуждается преступными интересами и организуется в соответствии с общим преступным умыслом.

Для членов преступной группы характерна высокая самоидентификация личности с группой. Личность, как правило, всецело принимает преступную направленность группы, разделяет способы ее действий.

В преступной группе усилен групповой контроль над действиями ее членов. Чем сплоченнее и организованнее преступная группа, тем больше преступные действия отличаются повышенной интенсивностью.

Различаются примитивные, среднеорганизованные и высокоорганизованные преступные группы.

Примитивно организованные преступные группы имеют в своем составе не более 10 человек. По внутригрупповой структуре коммуникации они относятся к типу фронтальной коммуникации (главарь – участники). Преимущественно их преступная деятельность – эпизодический рэкет, мошенничество. Внутригрупповая дифференциация не развита (действуют сообща).

Среднеорганизованные преступные группы функционируют по типу иерархической внутригрупповой организации (между главарем и исполнителями существуют промежуточные звенья). Такие группы состоят из многих десятков человек, отличаются значительной внутригрупповой дифференциацией, узкой специализацией различных групповых подразделений –

разведчики, боевики, исполнители, телохранители, финансисты, аналитики. Основная их деятельность – устойчивый рэкет, шантаж крупных предпринимателей, контрабанда, наркобизнес. Эти преступные группы имеют устойчивые связи с управленческими структурами.

Высокоорганизованные преступные группы отличаются сетевой структурой своей организации: имеют сложную, устойчивую иерархическую систему управления, приносящую доход собственности (банковские счета, недвижимость), официальное прикрытие (зарегистрированные предприятия, фонды, магазины, рестораны, казино).

В преступной организации существуют устойчивые межличностные контакты, общность ценностных ориентаций, единые позиции в оценке криминальных ситуаций, что обеспечивает высокую координированность действий членов группы.

В условиях группы резко понижается чувство индивидуальной ответственности, критичности, повышается чувство вседозволенности, безнаказанности, групповой защищенности.

Существенное влияние на поведение преступной группы оказывает лидер группы. Он инициирует, планирует и организует групповые действия, намечает способы их выполнения, контролирует реализацию, прибегая в необходимых случаях к угрозам, физическому и психическому насилию.

Главарь организованных преступных сообществ ведет респектабельный образ жизни, входит в официальные элитарные группы.

Организованная преступность – криминальное образование, паразитирующее на механизме функционирования социальных институтов, социальных организаций. Организованные преступные сообщества – наиболее опасная разновидность преступных групп, использующих в преступных целях социально-психологические механизмы групповой организованности: групповые нормы, средства социального контроля, внутригрупповую функциональную дифференциацию, иерархизацию, сращивание с официальными структурами, обеспечение своей защищенности со стороны коррумпированных государственных, административных и правоохранительных органов. Будучи внедренными в официальные структуры общества, такие группы получают возможность деформировать органы социального управления и социального контроля.

Организованная преступность – высшая форма профессионально-криминального объединения, своеобразный преступный синдикат, использующий в преступных целях все механизмы жизнедеятельности социума. Она несет в себе криминально-синтезирующую функцию. Социально-психологическая сущность организованной преступности состоит в социальной кооперации преступников.

Получаемые сверхдоходы используются преступными организациями для дальнейшего расширения преступной деятельности, разложения экономических структур общества, коррумпирования всех эшелонов власти (на эти цели расходуется около половины преступного дохода).

Стремясь парализовать деятельность правоохранительных органов, воздействовать на деятельность судов, организованная преступность все более смыкается с террористическими организациями. В целях уклонения от правоохранительных органов расширяются трансграничные операции, используются отличия в уголовно-правовых системах разных стран.

Организованная преступность отличается диверсификацией – тенденцией постоянной экспансии на все новые сферы жизнедеятельности общества, освоением новых направлений преступной деятельности, особенно тех, которые поддаются легализации. Участники организованных преступных групп, как правило, обладают психическими особенностями профессиональных преступников: они осуществляют систематическую специализированную преступную деятельность с целью получения постоянного преступного дохода, прочно владеют технологией социально-групповых функций, внедрены в преступную субкультуру.

Среди участников преступной организованной группы можно выделить несколько **криминальных типов**: лидеры преступных сообществ, руководители специализированных преступных организаций, руководители гангстерских преступных структур, групп силового прикрытия, исполнители. Общей их личностной особенностью является гипертрофированная корыстность, жестокость, антисоциальность, цинизм и уверенность в безнаказанности, преданность требованиям преступной среды, групповой фаворитизм и межгрупповая дискриминация. Нижние звенья преступных организаций вербуются, как правило, из маргинальной среды.

Зелинский, А. Ф. Криминальная психология: науч.-практ. изд. – Киев : Юринком Интер, 1999. – С. 197–209.

Статистическая отчетность показывает, что среди всех ежегодно регистрируемых преступлений 25–30 % – групповые, то есть совершенные группами.

Всякая **преступная группа** – это неформальное объединение людей, организовавшихся в целях удовлетворения своекорыстных личных интересов и потребностей на основе преступной деятельности. Мотивы совершения преступлений могут быть и не личными, и не своекорыстными: примеров активной деятельности террористических организаций, действующих во имя религиозных и политических лозунгов, более чем достаточно. Но признаки организованности всякой группы, в том числе преступной, а также устойчивости такого объединения вполне согласуются с пониманием малой неформальной социальной группы, принятым в социальной психологии – относительно устойчивое объединение (сообщество), возникшее на основе общности поведенческих программ. Это определяет «кооперативное поведение участников группы и их солидарность в ориентации на общий успех». Группа немыслима без иерархической структуры, конформизма ее членов и устойчивого распределения ролей среди них. Структурность, солидарность участников и устойчивость – это и есть признаки организованности всякой преступной группы. Поэтому словосочетание «организованная группа», мягко говоря, не совсем удачно, оно напоминает «масло масляное»: всякая группа организована. Если она не организована, то это не группа, а временное совместное выполнение определенных ролей, например пассажиры одного самолета, очередь покупателей и т. п. Соучастие в преступлении, возникшее без психологического и организационного сплочения виновных лиц, не следовало бы во избежание терминологической путаницы называть преступными группами. На мой взгляд, лучше было бы использовать терминологию соучастия: соисполнительство, подстрекательство, пособничество с предварительным сговором или без предварительного сговора.

Об организованности и структурном строении может идти речь лишь в отношении относительно многочисленного объединения людей. Двое не могут организоваться, они могут лишь объединиться. Еще в 1903 году составители Уголовного уложения России в Объяснительной записке со ссылкой на разъяснение Сената указывали, что преступное сообщество (шайка) возможно при участии в нем не менее трех человек. И действительно, двое, пара – не группа, группа – всегда больше двух. Эта истина, вытекающая из значения общеизвестных слов, всегда казалась очевидной, уважалась уголовным законодательством и судебной практикой. Но, начиная с Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об условной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», воровскую шайку стали называть организованной группой (в тексте указов после слов «организованной группой» в скобках указан синоним «шайка»), и для расширения круга лиц, подлежащей максимально суровой ответственности, суды и теоретики уголовного права совершенно произвольно, игнорируя смысл и содержание исторически установившихся понятий «шайка», «преступное сообщество», «малая неформальная группа», стали считать организованными преступными группами соучастие двух человек в совершении хотя бы одного преступления.

Наконец, сошлюсь на зарубежное законодательство: ст. 416 итальянского Уголовного кодекса, введенная законом в 1982 году, предусматривает минимальное количество членов криминальной группировки: три человека.

Экспериментально установлено, что групповая психология сообщества людей появляется в общении как минимум трех человек (триады): она образует минимальную структуру, в которой появляется возможность для формирования группового, а затем коллективного самосознания. Группа оказывает на своих членов конформистское давление, испытывает их на лояльность и устойчивость, подавляет и устраняет оппозицию. В отношениях между двумя соучастниками это невозможно. Среди двух бывает лидер, но влияние одного лидера и влияние большинства, поддерживающего лидера, – факторы несопоставимые.

Итак, групповое преступное поведение представляет собой совместную преступную деятельность участников преступных

групп, то есть организованных объединений трех и более лиц. Организованность предполагает общность целей и длительное взаимодействие соучастников, которое обеспечивается устойчивостью группы, ее иерархической и функциональной структурами. Общность целей совместной преступной деятельности и взаимодействие ее субъектов достигаются согласованностью действий, то есть сговором. Общность целей и сговор не означают единства мотивов: соучастники часто руководствуются различными побуждениями. Один из бандитов, например, стремится к обогащению, другой – к власти, третий грабит из места и т. д.

Психология групповой преступной деятельности отличается и тем, что поведение соучастников в значительной степени конформно, а принимаемые ими решения, особенно в ситуации риска, чаще бывают ошибочными, чем индивидуальные.

Единомыслие в преступных группировках достигается не только конформизмом рядовых участников группы, но и благодаря жесткой дисциплине, которая опирается на «блатные» традиции и насилие. К такому внутригрупповому режиму взаимоотношений понуждает конспиративный статус банды и диктаторские тенденции всякого руководства, особенно неформального. Зависимость члена преступной группы от других преступников может быть настолько сильной, что свободное волеизъявление личности существенно ограничивается.

В зависимости от сплоченности и размеров преступных группировок различаются три уровня их консолидации.

На низшем уровне находятся преступные группы, состоящие из нескольких участников: лидеры (организаторы), обычно принимающие непосредственное участие в совершении преступлений; участники друг друга знают; «крыши» в виде покровителей в органах власти и правосудия, как правило, не имеют.

На среднем уровне располагаются преступные организации, состоящие из нескольких первичных групп, лидера или группы лидеров, и устойчивой специализации «подразделений» – боевики, исполнители, разведчики и контрразведчики, держатели «общака» (общей кассы преступной организации), а также во многих случаях – соучастники из числа коррумпированных чиновников.

Высший уровень организованной преступной деятельности составляют преступные корпорации, распространяющие свою деятельность на целые регионы или отрасли экономики, зачастую с международными связями. Без участия в них высокопоставленных должностных лиц деятельность преступных корпораций практически невозможна. Преступные объединения такого уровня называют еще кланами.

Следует отметить, что предлагаемое деление, как и всякая иная классификация социальных явлений, не имеет четких разграничительных линий. Групповая преступность в криминологическом плане – весьма сложное и противоречивое понятие. Шайки рэкетиров и грабителей нередко совершают нападения на преуспевающих лидеров и участников организованной экономической преступности, а потом служат им же, устраняя конкурентов и «выбивая» долги. Иными словами, происходит сращивание уголовных «авторитетов» с «теневым» и откровенно преступным бизнесом. Некоторые сотрудники Координационного комитета по борьбе с организованной преступностью и коррупцией рассматривают такой «симбиоз» как единую централизованную систему со своей стратегией и тактикой, конечная цель которой – создание своеобразного антиобщества со своим хозяйством, законами, весьма скорым судом в пр., члены которого не только выживают, но и достигают жизненного уровня, недоступного законопослушным гражданам.

Мотивация преступлений, совершаемых членами преступной группы, формируется под влиянием ее участников. Степень влияния зависит от статуса члена группы, его конформности и характера преступной деятельности: чем она рискованней (например, бандитская), тем выше требования к единомыслию и сплоченности. «Блатные» традиции предписывают ритуал клятвы и испытания новичков. Однако воровские «законы» и ритуалы вместе с «феней» постепенно уходят в прошлое. На ведущие роли в преступном мире выдвигаются молодые люди без тюремного опыта, которые игнорируют воровские «законы»: они их просто не знают. Однако нормы группового поведения в той либо иной форме неизбежно утверждаются в любой шайке. В свою очередь, угроза суровой уголовной ответственности диктует психологию круговой поруки и формирование групповых норм поведения, нарушение которых влечет санкции

вплоть до самых жестоких – отторжения и расправы. Круговая порука обуславливает психологический механизм «дробления» ответственности за преступления, совершенные группой. Каждый оправдывается: «Я – как все».

Социально-психологическим фоном общеуголовной преступной деятельности выступает неосознанное чувство отчуждения, которое определяет двойную мораль преступной группы: окружающие люди разделяются на две категории – «свои» и все остальные. То, что недопустимо в отношениях между «своими» (обман, двурушничество, несанкционированное насилие), поощряется в общении с «чужими». Социальное и психологическое отчуждение достигает размеров фанатического отрицания основ общечеловеческой морали в преступных изуверских сектах сатанистов и им подобных; в меньшей мере, но тоже с тяжелыми последствиями – в маргинальных объединениях наркоманов, алкоголиков, а также в некоторых молодежных организациях агрессивно-эпатажной направленности.

Расхитители, взяточники и прочие представители организованной **«беловоротничковой» преступности** в большинстве своем не считают себя изгоями и чувства социального отчуждения не испытывают. Устойчивые преступные корпорации в сфере экономической преступности функционируют, подчиняясь общим психологическим закономерностям группового противоправного поведения. Правда, христианская мораль не отвергается, а приспособляется к эгоистическим корпоративным интересам. Дельцы «теневой» экономики, объединившиеся в криминальные кланы, сохраняют социально приемлемые связи и нормы поведения, принятые в той социальной среде, к которой они принадлежат изначально по своим родственным, клановым, профессиональным связям. Как заметил американский криминолог Э. Сатерленд, все они пребывают в «культурной однородности» с правопослушными коллегами.

Таким образом, нравственно-психологическая характеристика организованной экономической преступности противоречива. Она отражает двойственность жизнедеятельности действующих лиц, которые сохраняют свою принадлежность к двум культурам – социальной и антисоциальной – и руководствуются нормами поведения различных малых социальных групп: профессиональной (легальной) и преступной (нелегальной).

Деятельность **преступных групп среднего и высшего уровней** обычно тщательно планируется. Реже программируются преступления, совершаемые небольшими шайками общеуголовной направленности. Мотивы групповой преступной деятельности возникают в соответствии с актуальными групповыми и индивидуальными потребностями. В принципе, они совпадают, коллизии разрешаются решениями лидеров или большинства. Для групповых решений характерны суггестивные мотивы, то есть возбужденные внушением со стороны «авторитетов».

Но было бы ошибкой полагать, что каждая шайка, преступная организация или корпорация «теневиков» всегда действует в полном согласии. Гармонию интересов трудно отыскать даже среди очень близких и порядочных людей. Сообщество, замешанное на неправде, обмане и насилии, не может долго оставаться монолитным: как учит история, «единство рядов» рано или поздно нарушается в борьбе за власть и за добычу.

Криминальные группы и криминальная субкультура

Романова, Н. М. Криминальные группы и криминальная субкультура // Психология и право. – 2013. – № 1. – С. 34–39.

Трансформация всех сторон социально-экономической и политической жизни России в начале 90-х годов прошлого столетия кроме позитивных (свобода, демократия, рыночные отношения) имела и негативные последствия. Важнейший из них – интенсивный рост криминальных форм поведения, в том числе групповых преступлений, который сопровождался активным проникновением, распространением и внедрением криминальной субкультуры, криминального образа жизни, криминальных ценностей в социальную структуру общества.

Большая часть криминальной деятельности преступных групп остается нераскрытой, что характерно как для нашего общества, так и для других стран.

Имеющиеся на настоящий момент в отечественной криминологии и криминальной психологии классификации криминальных групп, как правило, структурированы по параметрам уровня криминализации и организованности.

В соответствии с указанными параметрами выделяют следующие **типы криминальных сообществ**: предкриминальные группы, простые преступные группы, организованные преступные группы, преступные организации.

Кроме того, в научной литературе имеется классификация криминальных групп по параметрам направленности и масштабу деятельности: общеуголовные криминальные группы – организованные криминальные группы (преступные организации).

Совершение группой преступления означает ориентацию ее на криминальные ценности и криминальную субкультуру. Однако современная субкультура представляет собой многомерное явление, распадаясь на ее различные подвиды. В одном это может быть традиционная криминальная субкультура, базирующаяся на нормах тюремной культуры, в другом случае речь идет о сочетании криминальных ценностей с ценностями индивидуалистическими, культурой конкуренции.

Общеуголовные криминальные группы характеризуются совершением уличных и бытовых преступлений, таких как кражи, мошенничества, грабежи, разбои. Вектор действия общеуголовных криминальных групп – против социума. Они действуют нелегитимно, тайно, скрытно. Члены таких групп характеризуются асоциальностью, допустимостью использования насилия, приверженностью криминальным ценностям и нормам, рассмотрению образа преступника как привлекательного для себя, ориентацией на краткосрочный выигрыш, краткосрочные удовольствия (развлечения, выпивка). Совершаемые такими группами преступные действия подвержены сокрытию, маскировке и уничтожению следов преступления. Традиционные общеуголовные криминальные группы, как правило, ориентируются на ценности гедонистической уличной культуры и не имеют коррумпированных связей.

Вектор действия **организованных преступных групп** (преступных организаций) – внутрь социального «организма», направленность на включение в социальную жизнь общества. Субкультура организованных преступных групп внутренне ориентирована на нормы криминального мира и криминальной субкультуры, в том числе на получение сверхприбылей любыми средствами, цинизм, аморальность. Дополнительным сти-

мулом является ориентация на культуру конкуренции, достижение материального успеха любой ценой. Организованные преступные группы стремятся легализовать свою деятельность путем создания официальных фирм и компаний.

В рамках **преступных организаций** происходит зачастую своеобразное «переплетение» законных и криминальных видов деятельности. Тактика таких групп – паразитирование на механизмах функционирования социальных институтов общества, социальная мимикрия, маскировка. Благодаря этому втягивание неустойчивой, конформной личности в преступную деятельность происходит постепенно, иногда незаметно для нее самой. Преступники, входящие в преступные организации, представляют собой новый тип личности преступника. Многие из них имеют высокий уровень образования, эрудированны, поведение социализировано, они презентабельно выглядят. Для них характерно высокое стремление к богатству и благосостоянию.

Интенсивные изменения, наблюдающиеся в жизни современного общества, активно используются представителями как общеуголовных преступных групп, так и организованной преступности.

Это использование касается приспособления социальных условий, явлений и обстоятельств (просчеты планирования, недоработки законодательства, «слабые места» функционирования социальной системы, неудовлетворенные потребности и ожидания людей, востребованность социальных практик) в собственных целях. Особенно эта тенденция характерна для организованной преступности. Она не только использует просчеты в социальном функционировании, но и намеренно создает условия для расширения сфер криминальной самоактуализации преступной группы.

Таким образом, для современных преступных групп характерны: тайный либо открытый режим функционирования, включенность либо отсутствие в группе властных структур, выполняющих функцию защиты и лоббирования интересов преступной организации.

Материал исследования получен на основании качественного анализа данных судебно-психологических экспертиз с использованием: метода анализа документальных источников (материалы уголовного дела); метода беседы с членами пре-

ступной группы; метода тестирования членов преступной группы; метода наблюдения.

Исходя из анализа полученных материалов, представляется возможным построить **классификацию современных криминальных групп**, структурирующими признаками которых являются: а) режим функционирования (тайный – открытый); б) фактор силовой и административной поддержки (наличие – отсутствие). На основе этих признаков можно выделить параметры: «легитимность – отсутствие легитимности», «наличие коррумпированных связей – отсутствие коррумпированных связей».

1. Открыто действующая преступная организация: легитимная, легальная по форме (коммерческая фирма либо организация) и криминальная по содержанию (цель – преступное обогащение). Руководят ею криминальные авторитеты. Группа действует «под прикрытием», ее интересы, как правило, активно лоббируются «сверху». При этом ее деятельность эффективна: коррумпированные чиновники и высокопоставленные силовики оказывают ей всемерную помощь, поддержку и защиту. Как правило, группы создаются с целью имитации занятий коммерческой деятельностью (псевдопредпринимательство).

2. Преступная организация, которой руководят «белые воротнички», находящиеся «в тени». Рядовые члены такой криминальной организации, как правило, не знают своих лидеров, занимающих высокие должности во властных структурах, определяющих и направляющих деятельность этой преступной организации. Группа сохраняет конспирацию, следит за утечкой информации, жестоко наказывает провинившихся членов. Как правило, группа занимается незаконной деятельностью, приносящей высокий преступный доход (торговля наркотиками, оружием, игорный бизнес и др.).

3. Традиционная общеуголовная преступная группа, действующая тайно, совершающая периодически криминальные акции в виде отдельных преступных действий (грабежи, разбои, убийства, кражи). Для таких групп характерно распитие спиртных напитков, употребление наркотиков. Члены группы хранят групповые тайны, скрывают ее существование от окружающих. В качестве средства общения используются: криминальный жаргон, клички, татуировки. В группе доминирует асоциальная внешне примитивная субкультура, которая является ос-

новным криминализирующим механизмом существования ее членов. Стандарты поведения представителей такой группы противоречат принятым в цивилизованном обществе (наличие кличек, жаргона, проявления жестокости по отношению к слабым, цинизм).

4. Общеуголовная преступная группа, открыто демонстрирующая криминальные действия – «на свой страх и риск» (хитроумные мошеннические действия, рассчитанные на обман доверчивых граждан, нерасторопность правоохранительных органов). Такие группы действуют оперативно, нестандартно, дерзко, рассчитывая на удачу и преступный профессионализм.

Все описанные криминальные группы основаны на криминальной субкультуре. Однако каждая из них имеет свою специфическую субкультуру и организационную культуру. Например, субкультура легитимной криминальной группы, имеющей коррупционные связи, характеризуется активным привлечением познаний из области как практической, так и научной психологии: включением просоциальной символики, высоких стандартов этикета (в том числе доступное для наблюдения поведение, речевой этикет, требования к внешнему оформлению офиса, дресс-коду сотрудников и др.). В итоге происходит своеобразное смешение криминальной асоциальной субкультуры и организационной культуры, акцент в которой сделан на имитации внешних признаков легитимной официальной социальной группы. Презентация рассчитана на внешнего наблюдателя – потенциальных клиентов и заказчиков. Однако внутреннее содержание организационной культуры и субкультуры – асоциальность и антисоциальность. Цель группы – преступна. Постепенно, но достаточно быстро (в течение недель и месяцев) происходит внутренняя интеграция членов группы: они знают, как им поступать и как взаимодействовать друг с другом. Формируется своеобразное чувство организационной идентичности. Такие группы отличаются высокой адаптивностью в социальной и культурной среде. Внутреннее принятие их субкультуры и организационной культуры имеет следствием изменение личности включаемых в эту организацию сотрудников через постепенную внутреннюю интеграцию и идентификацию с криминальной группой. Некоторые рекрутированные криминальной группой в свой состав сотрудники показывают высокую

вовлеченность в ее деятельность, что является результатом действия на их личность эффективной организационной культуры (стремление к цели; высокая результативность; материальная и моральная поддержка отличившихся и др.).

Криминальные группы, не имеющие коррумпированных связей, – это простые и сложные криминальные группы, совершающие корыстные либо корыстно-насильственные преступления. Особенности их субкультуры: в них культивируются криминальные идеи, убеждения и взгляды. Преступники, входящие в подобные группы, характеризуются нравственным и правовым нигилизмом, что облегчает им возможность совершения преступлений. Ценятся такие качества, как моральная и физическая сила, готовность к риску, маскулинность, эмоциональная устойчивость. Члены групп имеют ограниченный доступ к легитимным способам достижения социальной успешности и материального благополучия.

Таким образом, сходство описанных типов криминальных групп – приятие криминальных ценностей (допустимость нарушения закона, приемлемость обмана, мошенничества, манипуляций, пренебрежение интересами других). Отличия связаны с особенностями содержания криминальной субкультуры и ее конкретным наполнением.

Психология преступных групп

<p>Столяренко, А. М. Прикладная юридическая психология: учеб. пособие для вузов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА. – С. 91–97.</p>
--

Феномен группы в юриспруденции, психологии, правоохранительной практике – один из ключевых. Это обусловлено тем, что малая группа является микросредой, в которой живет и действует личность, а группа – это фактор, влияющий на социализацию и поведение личности. Групповые преступления по сравнению с индивидуальными имеют более высокую общественную опасность, так как в условиях группы психологически облегчается совершение преступления, усиливается решимость колеблющихся лиц под влиянием других членов группы, повышается возможность вовлечения в преступную деятель-

ность новых лиц. Немаловажное значение имеет и психическое антисоциальное заражение, преступный ажиотаж.

Отечественные криминологи, социальные психологи хотя и уделяют проблеме изучения преступных групп меньше внимания, чем личности преступника, однако не отрицают ее важности. Относительно ограниченное число разработок по психологии преступных групп объясняется отсутствием адекватного методологического подхода к изучению закономерностей и механизмов формирования и функционирования криминальных сообществ. В последние годы в связи с признанием, что организованная преступность в России стала угрожать ее национальным интересам, существенно увеличилось число публикаций и фундаментальных исследований по данному вопросу, в том числе по психологии.

Общая характеристика преступной группы. В современной криминологии под преступной группой понимают неофициальную общность людей, осуществляющих совместную деятельность, направленную на достижение криминальных целей. Преступная группа – это разновидность малой группы, и при ее описании целесообразно обращать внимание на характеристики, традиционно изучаемые в социальной психологии. К ним относятся: численность и состав участников, организованность и структура, ценностные ориентации и групповые нормы, особенности взаимоотношений внутри группы и с другими сообществами, содержание деятельности.

Нижний предел численности преступной группы – совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Верхний предел численности некоторых организованных преступных групп достигает более 1000 человек. При увеличении численности преступной группы возрастает ее криминальная опасность, усиливаются взаимное влияние, внушаемость, чувство принадлежности, уверенность в себе и т. п. Увеличение численности группы предъявляет более высокие требования и к ее организованности, необходимости координировать действия ее членов.

Состав участников группы можно характеризовать такими параметрами: возраст, пол, национальность, криминальный опыт, социальный статус и т. п. В. Ф. Пирожков выделяет по возрастному признаку следующие криминальные группы

несовершеннолетних: детские асоциальные группы (8–11-летние); подростковые криминальные группы (11–15-летние); юношеские криминальные группы (15–17-летние). Близость возрастов благоприятствует формированию общих взглядов, способов поведения, проведения досуга. Это ускоряет процесс группирования и повышает криминальную мобильность. Большинство участников криминальных групп составляют взрослые люди, молодежь. Существуют и смешанные группы. Преступные группы с участием одних женщин чаще всего занимаются такими видами промысла, как проституция, мошенничество, кражи, торговля наркотиками. Участие женщин в смешанной с мужчинами преступной группе служит катализатором криминальной активности представителей мужского пола, а для несовершеннолетних – возможностью самоутверждения. Чаще всего женщины в смешанной криминальной группе служат для удовлетворения сексуальных потребностей всех членов группы. Но нередко случаи, когда женщины, особенно некоторых национальностей, не уступают мужчинам по дерзости совершаемых преступлений, а порой выступают организаторами преступных групп.

Большинство преступных группировок по своему составу являются отражением национального состава региона, в котором они функционируют. Вместе с тем для Москвы, Санкт-Петербурга, Урала, центральной части России характерны и моноэтнические группировки: грузинские, чеченские, азербайджанские, армянские. Они формируются по принципу землячества. Как правило, в их рядах отсутствуют инородные представители. Эти группировки отличаются глубокой конспирацией, жесткой дисциплиной, национальной обрядностью, приверженностью кровному родству, дерзостью совершаемых правонарушений и способностью к самопожертвованию.

Структура преступной группы – одна из наиболее важных характеристик. Существует несколько подходов при описании структуры. Социометрический – позволяет определить статус (авторитет) каждого члена группы исходя из тех предпочтений, которые ему отдают другие члены группы. При этом выделяют: лидеров, предпочитаемых, середнячков и «изгоев» (изолированных). Социометрический метод может успешно применяться при описании групп до 20 человек.

Ролевая структура преступной группы характеризует ее членов, исходя из тех неофициальных функций, которые они выполняют. Например, «банкир» – человек, ведущий учет общих денег группы; «танк» – член группы, обеспечивающий ее безопасность; «шестерка» – член группы, выполняющий мелкие поручения более авторитетных членов сообщества или лидера, и т. д.

Организационная структура предполагает наличие разветвленных, многофункциональных и иерархически взаимосвязанных подразделений. Организованность влияет на характер преступной деятельности.

В зависимости от **уровня криминализации** и **организованности** выделяются следующие типы преступных сообществ: предкриминальные (или находящиеся на стадии криминализации); простые преступные группы; организованные преступные группы; преступные организации.

Предкриминальные группы – общности несовершеннолетних и молодежи, которые вначале образуются на эмоционально-психологической основе не с целью совершения преступлений, а ради удовлетворения каких-то иных потребностей. Членов таких групп связывает общение, совместное проведение досуга по месту жительства, учебы или работы. В подавляющем большинстве это дворовые компании. Для них характерна антиобщественная ориентация и некоторые формы отклоняющегося поведения. Дворовая компания на этапе своего становления является диффузной группой: состав ее участников не постоянный, среди членов группы нет единства в понимании групповых целей и задач, нет устойчивой структуры и жестких правил поведения. Легкость вовлечения несовершеннолетних в предкриминальные сообщества объясняется не только потребностью в общении и проведении досуга. Побудительными мотивами могут быть и ложное чувство взрослости, желание самоутвердиться или обрести психологическую защиту, иметь покровительство, чтобы потом через взрослых покровителей воздействовать на подростковую среду. Криминальная компания для несовершеннолетних порой выступает в качестве референтной (эталонной) группы, т. е. группы, мнением которой он дорожит, подражает ее активным участникам и стремится стать ее полноправным членом. Стремление вой-

ти в состав референтной группировки криминальной направленности порождает повышенную внушаемость, конформность, т. е. беспрекословное согласие со всеми требованиями группы, даже если это противоречит личным убеждениям новых членов, готовность выполнять самые непрестижные поручения. Наличие в дворовой компании авторитетных лиц с преступным прошлым ускоряет процесс повышения криминализации и организованности группы. Механизм формирования преступного поведения описан в 40-х годах XX века Э. Сатерлендом в концепции «дифференцированных связей», или, как ее образно называют, теории «дурной компании». Автор сформулировал следующие тезисы: преступному поведению учатся, взаимодействуя в процессе общения с другими людьми; обучение преступному поведению происходит главным образом в группах; чем более часты и устойчивы связи индивида с моделями преступного поведения, тем больше вероятность того, что индивид станет преступником (вместе с тем жесткой предопределенности преступного поведения под влиянием «дурной компании» не установлено). Предкриминальные группы функционируют не более трех лет. Многие члены дворовой (уличной) компании в течение этого времени взрослеют, женятся, меняют образ жизни. Но некоторые распадаются на простые преступные группы по 2–5 человек или начинают входить в организованные преступные группировки микрорайона, города.

Зарубежные криминологи обратили внимание на то, что функционирование преступных групп молодежи связано с неудовлетворенностью своим положением подростков из низших слоев населения. Такие подростки поставлены в условия, которые не позволяют им добиться успеха законным путем, или они опасаются неудачи в достижении своих целей социально одобряемыми средствами.

Простые преступные группы (численностью 2–4 человека) имеют общую преступную цель. Структура группы определяется личностными качествами ее членов (ролевой характер) либо характером преступной деятельности. В этих группах часто нет ярко выраженного лидера, взаимоотношения носят партнерский и доверительный характер, а решения о совершении преступлений принимаются и затем реализуются совместно. Устойчивыми являются также группы, в которых

лидер пользуется криминальным авторитетом у всех ее членов. В этой ситуации даже сложный характер лидера, авторитарный стиль руководства воспринимаются членами группы как допустимые и не вызывают межличностных конфликтов. Противоречия в преступной группе данного типа равносильны распаду группы. Это нередко используется правоохранительными органами при раскрытии и расследовании преступлений. Простые криминальные группы малочисленны, не имеют сложной структуры, это относительно примитивная форма объединения преступников. Однако они автономны, достаточно законспирированы и сплочены. Например, группа карманных воров обычно состоит из 2–3 человек, ее структура носит ролевой характер, а взаимоотношения основаны на взаимном доверии и поддержке. Стиль поведения участников преступной группы («почерк») зависит от того, к какой «школе» карманных воров они относятся. Представители «московской школы» имеют большой возрастной ценз, высокий криминальный профессионализм, значительное число судимостей и, как следствие, – слабое здоровье. Они не любят дилетантов в своей сфере, стремятся соблюдать «классические» воровские нормы, пренебрежительно относятся к насильственным преступникам, занимаются хищением в общественном транспорте или при посадке пассажиров. Один из участников преступной группы, чаще интеллигентного вида мужчина, в совершенстве владеет техникой общения, может «разговорить» пассажиров, пошутить, рассказать анекдот, проявить галантность по отношению к женщинам, т. е. отвлечь внимание окружающих. В это время второй вор может незаметно открыть сумку пострадавшей, нащупав в ней косметичку, расстегнуть на ней «молнию», похитить оттуда кошелек и передать его первому члену группы. При этом он успевает застегнуть «молнии». Впоследствии пострадавшая очень долго и безуспешно вспоминает, где она могла «потерять» кошелек. Старые московские карманники часто воруют со своими сожительницами. Такая группа очень сплоченная и не вызывает подозрений у окружающих. Московские карманные воры подготовлены весьма профессионально, и вести наблюдение за ними, задерживать с уликами достаточно сложно: для того чтобы проверить, нет ли за ними слежки, «карманники» часто пересаживаются с одного вида транспорта на другой, могут имитировать кражу, в случае опасности

выбрасывают вещественные доказательства. При задержании не оказывают сопротивления и не носят с собой оружия.

«Нижегородская школа» воров – в основном молодые люди 18–22 лет, высокого роста, чаще худощавые, современно одетые, агрессивны, при задержании оказывают сопротивление не только гражданам, но и сотрудникам милиции. Однако эмоционально они неустойчивы и после задержания часто испытывают состояние депрессии. «Горьковчане» «изобрели» новый способ воровства на транспорте: один из воров («работают» они парами) становится на верхней ступеньке лицом к потенциальной жертве и прикрывает собой второго вора, разместившегося сзади него на нижней ступеньке. Последний просовывает руку между ног напарника и лезвием разрезает пакет или сумку потерпевшего. На следующей остановке преступники выходят из транспорта. Способ № 2: потенциальную жертву окружают в салоне кольцом 4 «карманника» и почти открыто вытаскивают кошелек. Жертва часто понимает суть происходящего, но молчит, опасаясь более серьезных для себя последствий. В данном случае происходит не столько кража, сколько грабеж – пример грубого нарушения воровских законов «классических» карманников.

Организованные преступные группы – многочисленное преступное сообщество, объединяющее в своих рядах десятки и даже сотни лиц, активно занимающихся преступной деятельностью. Для них характерны такие свойства, как иерархическая структура, ролевая дифференциация преступных микрогрупп. Организованные преступные группы, включая бандформирования, или, как они раньше назывались, «шайки», существовали на протяжении всей истории государства, но на каждом этапе исторического развития отличались определенной спецификой. В современных экономических условиях стремление криминальных элементов обогатиться первоначально за счет подпольных «цеховиков», финансовых махинаторов, а затем и остальных предпринимателей привело к таким формам организованной преступной деятельности, как рэкет, захват заложников, заказные убийства. В основе формирования организованных преступных групп наиболее отчетливо прослеживаются два принципа: территориальный и этнический.

Территориальные преступные группы создаются в масштабах микрорайона, города, региона. Их часто называют «команда», «бригада», ибо они имеют четкую структуру, жесткую дисциплину. В структуру территориальной организованной преступной группы входят: лидер («авторитет»), сборщики «налогов», боевики. Лидеры стремятся подчинить себе все иные виды криминальных групп, функционирующих на данной территории: карманных и квартирных воров, угонщиков машин, проституток, различных шулеров и т. д. Это часто вызывает криминальные разборки и «войну» за сферы влияния.

Этнические преступные группы в отличие от территориальных формируются на основе национального и кланового родства, принятых традиций и обычаев. Не случайно их часто называют «общинами». В своей преступной деятельности они существенно опираются на диаспору, проживающую в данной местности. Попытки этнических криминальных групп расширить криминальную деятельность вызывают сопротивление со стороны территориальных групп и часто приводят к криминальным «разборкам»: в зависимости от серьезности противника «община» способна выставить от 20 до 80 «боевиков», а при необходимости – собрать и несколько сотен. В роли «боевиков» могут выступать не только постоянно выполняющие данную функцию преступники, но и мелкие коммерсанты, студенты.

Преступная организация – сплоченная организованная группа, созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организованных групп, созданное в тех же целях. Большинство психологических характеристик, свойственных организованным преступным группам, характерны и для преступных организаций. Однако последние имеют и специфические свойства:

- стремление лидеров преступных групп легализовать свою деятельность, работать под прикрытием официальных фирм и ассоциаций, «проникнуть» в государственные органы власти;
- коррумпированность: создание системы связей с администрацией государственных органов, сотрудниками правоохранительной системы, известными политиками, деятелями культуры, врачами, спортсменами;
- осуществление контроля над всеми прибыльными формами противозаконной деятельности, включая обналичивание

денег, азартные игры, проституцию, распространение наркотиков и т. п.;

- реализация (отмывание) денег, полученных преступным путем, их вкладывание в легальный бизнес;
- экспансионистские и монополистические тенденции организованной преступности в масштабах региона;
- транснациональный характер преступной деятельности, т. е. совершение преступлений за пределами государства базирования, на территориях функционирования.

Психология организованной преступности

Чуфаровский, Ю. В. Юридическая психология : учеб. пособие. – М. : Право и Закон, 1997. – С. 102–107.

Организованная преступность – общественно опасное социальное явление, «пик» преступности. Она существует в виде преступных сообществ, то есть качественно иного явления, чем обычное соучастие. В основе внутренней сплоченности подобных организаций могут лежать корыстно-стяжательские, идеологические и даже политические концепции, идеи, платформы.

Характерной особенностью организованной преступности является создание преступного сообщества, глубоко законспирированного, имеющего высокий уровень саморегуляции и иерархическую структуру, в большинстве случаев пирамидальную, на вершине которой находится лидер, а в непосредственном его окружении небольшая группа лиц, принимающих решения о совершении криминальных деяний. Члены преступного сообщества выполняют различные функции, объединенные единым замыслом и определенными принципами общности.

Условиями планируемой в качестве долговременной преступной деятельности являются целесообразное распределение ролей, наличие определенной структуры группировки и иерархии, правил поведения для ее участников с определением санкций за отступление от них. Эти условия, по существу, являются признаками такой общности, как организация.

Организованная преступность – устойчивое явление, трудно поддающееся профилактическому воздействию, поскольку внутренняя криминогенная зараженность участников преступ-

ного сообщества постоянно подогревается их взаимовлиянием, а самовольный отход кого-либо из преступной среды нередко карается жестокими мерами воздействия.

Организованная преступность отличается пространственным размахом. Она охватывает нередко целые регионы либо отрасли народного хозяйства, парализуя нормальное развитие общества коррумпированными связями преступников с правоохранительными органами, взяточничеством, должностными злоупотреблениями, хищениями в особо крупных размерах, незаконными контрабандно-валютными операциями. Став членами преступного сообщества, многие преступники действуют активнее, поскольку такая деятельность подкрепляется групповым авторитетом.

На активизацию организованной преступности влияют такие явления, как снижение жизненного уровня населения, дальнейшая его имущественная дифференциация, ослабление властных и управленческих структур, резкая политизация общественной жизни, снижение доверия к официальным институтам государства.

На основании анализа большого количества уголовных дел психологи и криминологи пришли к выводу, что организованную преступность характеризуют три имманентно присущих ей признака. Во-первых, четкая, устойчивая организационная структура, установленная на длительное время и рассчитанная на проведение систематической преступной деятельности; прочные иерархические связи между членами преступного сообщества; жесткая система непрерываемого подчинения, при которой «низший» беспрекословно выполняет приказ «высшего» в иерархии; разделение ролей и функций, выполняемых каждым сообщником, то есть своеобразное «разделение труда», определенная преступная специализация; некое подобие более или менее стабильного «штатного расписания»: главарь (иногда группа главарей) из числа «авторитетов», держатель преступной кассы («общака») – казначей, связники, рядовые боевики, выполняющие всю черновую работу. Многие организованные преступные кланы создают свою разведку и контрразведку, а иногда и свои особые суды. Участники преступного сообщества связаны круговой порукой, иногда скрепленной кровью, в том числе и своих жертв. Во многих бандформиро-

ваниях культивируется так называемая «омерта», то есть обет молчания, клятва ни при каких условиях не раскрывать сообщников и совершенные ими преступления. Таков у них «кодекс чести». Во-вторых, преступная организация не преследует цель совершения одного-единственного, хотя бы и исключительно дерзкого и сложного по подготовке преступления, например ограбление банка, а создается для преступной деятельности, продолжающейся, как показывает практика, нередко многие годы. По сравнению с традиционной преступностью здесь меняется отношение к преступлению: из отдельного акта поведения оно превращается в составную часть и неотъемлемый элемент осуществляемой на основе его воспроизводства антисоциальной деятельности. Преступление становится ремеслом. Преступность становится образом жизни, формирующим соответствующую идеологию, психологию, субкультуру. Устойчивая антиобщественная установка в сознании участников организованной преступности подчиняет себе все основные их социальные связи, преимущественная ориентация личности на криминальную среду ограничивает возможности для ее ресоциализации, для идейного, психологического, какого-либо позитивного воздействия на нее. Преступное поведение здесь связано с выработкой своеобразной системы самозащиты, что требует от сотрудников правоохранительных органов высокого профессионализма и значительно больших усилий, нежели те, которые направляются на борьбу со спонтанной преступностью.

Третий определяющий признак организованной преступности – это коррупция, сращивание уголовного элемента с представителями государственного аппарата и правоохранительными органами.

При анализе преступного сообщества имеют значение следующие факторы.

1. Причины объединения в данную группу:

- а) невозможность совершить преступление без «объединения»;
- б) общность преступных интересов;
- в) личные симпатии;
- г) общие нормы поведения, общие убеждения, аналогичные дефекты правосознания и т. д.

2. Распределение ролей в группе:

- а) волевые качества;
- б) организаторские способности;
- в) авторитетность и инициативность лидеров;
- г) конформизм, безволие, склонность к пьянству второстепенных членов.

3. Внутригрупповые конфликты и противоречия.

Организованная преступность – это система связей, ведущая к концентрации отдельных видов преступной деятельности. Организованную преступность можно рассматривать и как сложную систему с разнохарактерными связями между группами, которые осуществляют преступную деятельность в виде промысла и стремятся обеспечить свою безопасность с помощью подкупа государственных чиновников.

Отчетливым лейтмотивом преступности является корыстная мотивация – она характерна для 75 % преступных посягательств. Так, корыстными являются контрабанда, фальшивомонетничество, нарушения правил о валютных операциях. В последнее время в отличие от прошлых лет корыстная мотивация стала характерна для таких преступлений, как торговля государственными и служебными секретами, убийства и истязания, незаконные операции с оружием и боеприпасами, кид-нэпнинг с целью шантажа или получения выкупа.

Одним из источников формирования организованных преступных объединений (особенно в области рэкета) являются бывшие спортсмены. Для этого имеются соответствующие социально-психологические предпосылки: большинство участников «большого спорта», как правило, не имеют ни склонности, ни возможности для резервной подготовки, приобретения специальности. С другой стороны, все они в период спортивной карьеры приобрели завышенные социальные притязания. Большинство из них инфантильны. Эти обстоятельства в сочетании с материальной необеспеченностью к моменту «выхода в отставку» делают спортсменов легкой добычей организаторов преступных группировок.

По интенсивности насилия рэкет является одним из наиболее агрессивных видов организованной преступности. Здесь делается ставка на устрашение, жестокость является своего рода ценностью. Поэтому он нередко связан с физическим насилием,

истязаниями, пытками, похищением заложников, уничтожением имущества, погромами. И хотя внешне рэкет может выглядеть вполне мирно, часто как деловой визит прилично одетых и вежливых молодых людей, у которых нет с собой даже перочинного ножа, именно психическое и физическое насилие является основным средством совершения этого преступления,

Организованная преступность стимулирует общую эскалацию преступности, расширяет и активизирует криминальную среду. В преступность вовлекаются все новые контингенты, особенно молодежь. Уже стали привычными суммы в десятки и сотни миллионов рублей, которыми измеряются доходы и сделки мафиозных групп и их лидеров. Это – материальная основа распространения преступного образа жизни, противостоящего законопослушному поведению.

Психологический анализ преступного сообщества необходимо начинать с установления и изучения его структуры, личностных особенностей основных участников, исследования ролей, которые выполняет каждый из них, и их иерархической зависимости друг от друга.

Психология криминальных групп

Шиханцов, Г. Г. Юридическая психология : учеб. для вузов. – М. : Зерцало, 1998. – С. 38–46.

Любая преступная группа как одна из разновидностей малых социальных групп людей не является механическим соединением некоего числа индивидов, совместно совершающих преступления. Каждая такая группа, объединяя на основе совместной преступной деятельности несколько человек, практически превращается в единый субъект криминальной активности. В ней появляются новые, не свойственные отдельному преступнику цели, возможности и т. д., а в совместном преступном действии происходит объединение индивидуальных способностей, знаний, умений, профессиональных навыков (особенно криминальных) и др.

В современной криминологии представлена следующая типология традиционных преступных групп: простая организованная группа; структурная (сложная) организованная группа;

организованная преступная группировка; бандитское формирование; преступная организация (сообщество); мафия, кооперация профессиональных преступных лидеров («воров в законе»).

Простая организованная группа состоит в среднем из 2–4 человек, имеет общую преступную цель. Хотя такие группы и являются организованными, устойчивыми и сплоченными и их действия носят предумышленный, спланированный характер, в то же время у них нет сложной структуры, строгой соподчиненности, четко выраженного лидера. Способы совершения преступления, как правило, одни и те же, они четко отработаны. Решения принимаются коллективно, а преступление совершается сообща. В простые организованные группы объединяются расхитители, мошенники, квартирные воры, уличные грабители, несовершеннолетние. Максимальная длительность функционирования таких групп – не более 3 лет, далее в ней происходит смена участников преступной деятельности.

Структурная (сложная) организованная группа по сравнению с предыдущей группой отличается большей устойчивостью, иерархичностью, соблюдением принципа единоначалия. Численный состав таких групп – 5–10 и более человек, преступная деятельность носит постоянный характер (чаще всего совершаются имущественные либо корыстно-насильственные преступления). Значительный численный состав, четко выраженная цель (занятия преступным промыслом) требуют жесткого единоначалия. Лидер (главарь) определяет основные направления действий группы, планирует и готовит преступления, распределяет роли между участниками. Роли членов группы более сложны и реализуются не только в момент совершения преступления, но и на стадии подготовки к преступлению, а также в последующих действиях (сбор необходимой информации, техническое обеспечение, реализация похищенного, сокрытие и уничтожение следов преступлений и т. д.). В преступной деятельности члены сложной организованной группы руководствуются ярко выраженной сугубо криминальной идеей, опираются на традиционные уголовно-профессиональные навыки, взгляды, убеждения и специфические общекриминальные способы и методы достижения преступной цели. Криминальная идея обычно исключает наличие у таких групп коррумпированных связей, взаимодействие с органами и представителями власти.

Для обеспечения своей деятельности группа вынуждена взаимодействовать с другими преступными элементами – лицами, подделывающими документы, техническими работниками, скупщиками краденого. Для этого лидеры вступают в контакты с руководителями других групп и группировок, но не занимаются контролем определенной территории, доходных точек, для чего необходимы более многочисленные формирования. Основные преступления: профессиональные кражи (квартирные, автомобильные), грабежи, разбои, вымогательство (рэкетом), мошенничество, контрабанда.

Организованная преступная группировка – многочисленное преступное образование, объединяющее в своих рядах десятки и даже сотни лиц, активно занимающихся преступной деятельностью. Существует ряд разновидностей группировок, различающихся по связям, преступной субкультуре, иерархии, способам деятельности, национальным особенностям и т. д. Наиболее ярко среди них выделяются два вида:

- **«команда»** («бригада») объединяет преступников по территориальному признаку (по месту жительства). Постепенно разрастаясь, приобретая криминальный опыт, накапливая капитал и устанавливая связи, в том числе и с профессиональными преступниками, «команды» усиливали свое влияние, расширяли контролируемые территории, подавляя конкурентов;

- **«община»** объединяет преступников по национальному признаку, а также из компактно проживающих иностранцев (вьетнамцев, корейцев, китайцев). В качестве цементирующего звена в «общине» выступает родовой признак, основанный на вековых традициях безоговорочного признания авторитета старшего (сходный со структурой сицилийской преступности, также сформировавшейся на базе патриархальной семьи).

Руководящее звено в организованной преступной группировке формируется из лиц, посвятивших себя исключительно криминальной деятельности, и составляет примерно 10 % от общего числа членов, включая нескольких (3–8) ярко выраженных лидеров, определяющих направление деятельности группировки. За ними стоит основная масса исполнителей («боевиков») с ярко выраженной криминальной направленностью. Группировка не является монолитным образованием и состоит из нескольких групп различного уровня организо-

ванности численностью 10–15 человек, занимается не только совершением конкретных преступлений, но и осуществляет постоянный контроль определенного района. Нередко лидеры криминальных группировок, сколотив достаточный капитал, вступают в сферы легального бизнеса с целью «отмывания» преступно добытых доходов. Они могут становиться генеральными и коммерческими директорами коммерческих структур, банков, вступать в непосредственные контакты с представителями законодательной и исполнительной власти, с работниками правоохранительных органов, опутывая их сетью коррумпированных связей.

Бандитское формирование (образование) – форма организованной преступности, которая предполагает создание вооруженной группы с целью нападения на государственные, общественные предприятия или отдельных граждан. От группировки оно отличается обязательным наличием оружия и открытым нападением, вследствие чего бандформирования характеризуются повышенной опасностью. Численный состав банды не превышает 10 человек, но отличается самым высоким уровнем организованности, строжайшей соподчиненностью и конспирацией, беспрекословным подчинением главарю, исключительной жестокостью по отношению к жертве. Банды функционируют самостоятельно, объект их преступной деятельности – деньги, валюта, оружие, золото, драгоценные камни, антиквариат. Банды, совершающие корыстно-насильственные действия в зоне своего влияния, отличаются исключительным цинизмом. Жестокость у таких лиц становится самоцелью и почитается. В последнее время банды все чаще привлекаются преступными группировками и синдикатами к их деятельности, выполняя различные криминальные заказы (завладение оружием, ликвидация неугодных лиц, участие в разборках и т. д.). По степени преступной направленности выделяют три категории банд: «классическая банда», «специализированная банда» и «заказники». Классические банды (шайки в дореволюционной России) совершают нападения на банки, сберкассы, инкассаторов, а также на прииски, музеи, квартиры путем открытого вооруженного нападения и зачастую сопровождаются убийствами и нанесением потерпевшим телесных повреждений. Специализированная банда совершает

один, максимум два вида преступления (чаще всего это нападения на банки, инкассаторов, магазины). Заказники совершают преступления по «заказу»: причинение конкуренту имущественного и иного вреда, вплоть до физического уничтожения. В преступном мире повысился спрос на наемных убийц («киллеров»). Группы «заказников» малочисленны, имеют прекрасную физическую подготовку, вооружены, активны, отличаются тщательной конспирацией. Профессиональные «заказники» не входят в преступные группировки, хотя и могут иметь связи с их лидерами («заказчиками»). Преступления совершаются за денежное вознаграждение.

Преступная организация (сообщество) – устойчивое, сложное, иерархическое криминальное образование, которое отличает пять основных признаков, позволяющих отграничить их от прочих организованных формирований:

- наличие материальной базы (общих денежных фондов для взаимопомощи и подкупа должностных лиц);
- коллегиальная форма руководства (управление организацией осуществляется группой лиц, имеющих равное положение);
- устав в виде неформальных норм поведения, традиций и законов, санкций за их нарушение;
- функционально-иерархическая система (разделение организации на составные группы при наличии межрегиональных связей, распределение функций между членами (руководящее ядро, телохранители, держатели касс, связники, «контролеры» и т. д.));
- информационная база (сбор различного рода сведений, разведка и контрразведка).

Участники организованных преступных сообществ, их высшие эшелоны утверждают сегодня новый тип «деятельности», отличающийся безнаказанностью, антисоциальной надобщественной психологией и профессионализмом, образуя бюрократию преступного сообщества. В основе объединения групп в сообщество в большинстве случаев лежит общность преступных интересов, а также этнические признаки (например, чеченская, азербайджанская группировки) или принцип «землячества» (люберецкая, тамбовская группировки). Руководящее звено каждого сообщества состоит из лидеров, их телохранителей и наиболее приближенных к лидерам лиц, выполняющих

функции советников по правовым, криминальным, экономическим и другим вопросам. В их непосредственном подчинении имеются боевики («солдаты», «быки»), которые используются для охраны руководящего звена, поддержания внутренней дисциплины, силового давления, надзора за деятельностью принадлежащих сообществу структур и предприятий, а также для осуществления «разборок» с конкурентами. Руководство сообщества осуществляет общий контроль за дисциплиной, распределением доходов и сфер влияния внутри структуры, решает спорные вопросы между входящими в него преступными группами, осуществляет связи с другими сообществами, регионами, а нередко и за границей, организует контрразведку, а также расправу с конкурентами.

В условном едином организованно-криминальном пространстве действуют по крайней мере пять видов участников преступных формирований (организаций):

- **«лжепредприниматели»** специализируются на финансовых аферах (получение незаконных кредитов и их присвоение путем лжебанкротства, подкупа сотрудников банковской системы; трансфертные операции по конвертации рубля; использование фальшивых авизо и других банковских документов; «перекачка» государственных средств на счета коммерческих структур с последующим их присвоением; незаконная приватизация государственного и общественного имущества с дальнейшей спекуляцией недвижимостью; перепродажа стратегического сырья, полученного по лицензиям и квотам от коррумпированных чиновников);

- **«гангстеры»** специализируются на рэке (квалифицированное вымогательство) и сопряженными с ним бандитизмом, разбоем, грабежами, кражами. Главный объект рэкета – «лжепредприниматели», «расхитители» и традиционные «классические» сферы противоправной деятельности: наркобизнес, игровой бизнес, проституция;

- **«расхитители»** («госворы») – организованные группы преступников, сосредоточившие свою противоправную деятельность в сферах приватизации госимущества, продажи сырья, цветных и редкоземельных металлов, леса, «перекачки» рублевых и валютных средств на счета коммерческих структур «лжепредпринимателей»;

- **«коррупционеры»** – госчиновники в органах власти, управления, предатели в правоохранительных органах, которые в результате подкупа предоставляют «лжепредпринимателям» и «госворам» незаконные льготы, участвуют с ними в распределении сверхприбылей, обеспечивают их «прикрытие» в случае угрозы уголовного преследования;

- **«координаторы»** – элита преступного мира, как правило, «воры в законе» либо «авторитеты», поддерживающие стабильность системы организованной преступности путем взаимодействия с каждым из названных выше участников: «лжепредпринимателям» они обеспечивают защиту от «гангстеров»; «гангстерам» помогают осуществить раздел сфер влияния, подыскивают новые объекты для преступлений; «госворам» обеспечивают механизмы хищений, контрабандных сделок, «защиту» от «гангстеров»; всем «лжепредпринимателям», «гангстерам», «госворам» обеспечивают «прикрытие» со стороны «коррупционеров»; «коррупционерам» поставляют новых «клиентов» для «прикрытия», «сдают» ослушавшихся «гангстеров» и «лжепредпринимателей» для создания видимости борьбы с организованной преступностью («мафией»).

Криминологи считают, что там, где отмечается активная деятельность «координаторов», можно говорить о наличии мафии, или преступного синдиката.

Мафия – тайная преступная организация, включенная в систему организованной преступности, имеющая коррумпированные связи и ролевой статус в преступной среде или теневой экономике. Классическая мафия (сицилийская) представляет собой своеобразную модель «семьи», обязанностью каждого члена которой является ее почитание. В состав семьи входят мафиози: они как «братья» равны между собой и должны беспрекословно подчиняться «отцу» – капо, который следит за тем, чтобы соблюдались «пять заповедей крови»:

- каждый мафиози должен помогать своему «брату» и выручать его из беды, даже ценой собственной жизни;

- каждый мафиози должен вступаться за своего «брата», оскорбленного, униженного или поруганного «чужаком». Любое оскорбление или обиду он должен воспринимать как оскорбление мафии и обязан как можно скорее отомстить;

- каждый мафиози не смеет прекословить и обязан незамедлительно исполнять любой приказ капо. К любому поручению он должен относиться как к проявлению особого доверия, своего рода привилегии или отличию;

- мафиози никогда не должен обращаться в полицию или органы правосудия, даже если возникает ссора или во избежание личных неприятностей;

- каждый мафиози должен вопреки очевидности отрицать существование мафии, никому не говорить о своих действиях и обязанностях внутри мафии, не признавать принадлежности к мафии кого-либо из своих «братьев».

Малейшее отступление от одной из этих заповедей, а также от других, не столь важных, карается одинаково – смертью.

Как тайная организация мафия основывается на конспирации, жесточайшей дисциплине, определенной иерархии, законах «омерты» (обет молчания) и «вендетты» (кровная месть). Как преступная организация она может быть универсальной (заниматься всем – от вымогательства, перевозки наркотиков до крупных хищений, террористических актов и диверсий) и профессиональной (заниматься только наркобизнесом или только похищением и перепродажей автомобилей). Как организация, имеющая коррумпированные связи, мафия стремится, во-первых, уменьшить риск уголовного разоблачения; во-вторых, подкупая представителей власти, спецслужб и банков, заставить их не просто оказывать те или иные услуги, а служить себе, способствовать увеличению своих прибылей.

Во второй половине XX века мафия выходит за рамки одной страны и становится транснациональным явлением. Неуязвимость ее вытекает из ряда ее особенностей, которые считаются существенными свойствами этого феномена.

1. Сложная структурированность преступной организации позволяет: выделять различные аспекты преступной деятельности (помимо исполнения преступлений – планирование криминальных операций, выработка тактики преступных действий, обеспечение безопасности, сбор необходимой информации), что в свою очередь влечет высокий уровень преступной специализации и криминального мастерства. Организованная (мафиозная) преступность порождает нетрадиционные аспекты криминальной активности, такие как выработка долгосрочной

стратегии преступной деятельности; формирование и внедрение в общественное сознание идеологии, благоприятствующей развитию преступности; лоббирование соответствующей правовой и экономической политики государства; дистанцирование руководящей верхушки мафиозного клана от сопричастности к исполнению преступлений.

2. Использование подкупа, угроз и убийств. Этот триединый метод (подобно трехгранному клинку) первоначально был главным орудием тайных обществ, которое позволяло небольшой группе людей противостоять целому государству и иногда даже одерживать над ним верх. Оно было взято на вооружение мафией и в настоящее время является основным средством обеспечения дисциплины мафистов, их абсолютной лояльности криминальной семье, безопасности организованных преступных групп, а также способом достижения любой преступной цели.

3. Использование значительных финансовых средств в качестве инструмента преступной деятельности. Криминальные сверхприбыли позволяют представителям организованной преступности расходовать огромные денежные средства на подкуп должностных лиц, материальное, кадровое, идеологическое и политическое обеспечение преступного бизнеса.

4. Интеграция преступных групп в преступное сообщество как в рамках страны, так и в международном масштабе.

Внешние формы мафиозных образований, количественный состав, структурные построения и взаимодействия отличаются большим разнообразием в зависимости от направленности, характера деятельности, однако они всегда имеют легальную «крышу» в виде различных коммерческих структур (предприятий, товариществ, СП, акционерных обществ, фондов, ассоциаций, банков), которые служат для различного рода афер, отмывания денег и пр. Такие образования часто организуют игровой и шоу-бизнес (казино, игровые автоматы, бильярдные, увеселительные заведения). Для обеспечения защитных функций привлекаются преступные группировки.

В целом преступная деятельность мафиозных образований, во-первых, носит постоянный характер, во-вторых, всегда имеет характер преступного предпринимательства и в отличие от обычной уголовной преступности, в том числе и организо-

ванной, всегда связана с предоставлением определенных товаров и услуг.

В деятельности преступных образований неизбежно проявляются экспансионистские и монополистические тенденции, что вытекает из стремления сообществ к получению сверхприбылей, увеличению сферы своего влияния и порождает конкурентные отношения между мафиозными образованиями, ведущие к вооруженным «разборкам», так называемой «войне мафий».

Кооперация профессиональных преступных лидеров («воров в законе») – особая форма объединения, не имеющая аналогов в мировой криминалистической практике. Она имеет все признаки преступной организации и вместе с тем отличается от нее следующими признаками: отсутствием территории и места своего нахождения; размытостью структуры, поскольку объединение основано на уголовных традициях и неформальных законах; равным положением состава лиц этой кооперации; разными течениями «законников», объединенных общей уголовной «идеей». Это своеобразная каста профессиональных преступников – лидеров. В иерархии организованных сообществ кооперация «воров в законе» является самой гибкой и в то же время устойчивой и находится на ее верхней ступени. Сейчас это объединение стало приобретать некоторые политические оттенки, поскольку оно оказывает серьезное организованное противодействие нормальной работе правоохранительных органов. Но еще большая опасность кроется в том, что в деятельности «воров в законе» стали появляться элементы международной преступности. Управление кооперацией осуществляется с помощью воровских сходок, а воздействие на уголовную среду – посредством специально выделенных лиц и воровских обращений. «Вором в законе» может считаться лишь преступник, имеющий судимости, авторитет в криминальной среде, принятый в группировку на специальной «сходке». Кандидат проходит «испытание», всесторонне проверяется, после чего ему даются устные и письменные рекомендации. Сходка – не просто формальный акт утверждения новичка: лица, рекомендовавшие кандидата, несут перед ней ответственность за его дальнейшее поведение. Кандидатам в сообщество внушается мысль об их исключительной роли,

особом положении, предназначении устанавливать справедливость и порядок в преступном мире. Лица, принятые в кооперацию «воров в законе», обретают новый криминальный статус и должны беспрекословно выполнять требования воровского «закона», представляющего собой совокупность выработанных преступным опытом норм поведения.

К основным «законам» сообщества рецидивистов вплоть до недавнего времени относились семь следующих правил:

1. Главной обязанностью члена сообщества являлась беззаветная преданность «воровской идее». Предательство считалось недопустимым, его не могли оправдать ни пытки, ни состояние наркотического опьянения, ни даже расстройство психики. Вору запрещалось также заниматься общественно полезной деятельностью, а на первоначальном этапе – иметь семью, поддерживать связь с родственниками. Например, встречавшаяся у рецидивистов 40–50-х годов татуировка «не забуду мать родную» имела в виду воровскую семью, ставшую для них как бы матерью.

2. Второе правило запрещало вору иметь какие-либо контакты с органами правопорядка, кроме случаев, связанных со следствием и судом. Оно было направлено против возможных случаев предательства интересов сообщества.

3. Третье требование «закона» предписывало членам сообщества быть честными по отношению друг к другу. Вор, например, не мог оскорбить или ударить соучастника. Что касается отношения не к членам касты, то здесь разрешалось делать все, что содействует укреплению авторитета группировки. Не случайно «законники» считают себя «князьями» в преступной среде.

4. Четвертое правило обязывало «воров в законе» следить за порядком в зоне лагеря, устанавливать там полную власть воров. В противном случае они несли ответственность перед воровской сходкой.

5. Пятое положение «закона» требовало от воров, чтобы они вовлекали в свою среду новых членов, вели активную работу с молодежью, особенно среди несовершеннолетних. Система вовлечения была достаточно эффективной. Новичков обольщали «воровской романтикой», «красивой жизнью», свободной от обязательств перед обществом, совращали властью денег

и культом насилия. Их приучали к водке, наркотикам, сводили с воровскими проститутками. С другой стороны, их шантажировали, заставляя брать на себя вину за преступления, совершенные ворами. В местах лишения свободы члены сообщества использовали кандидатов («пацанов») для различных поручений (сбора средств для общей кассы («общака»), а нередко – в сексуальных целях). Таков был путь в воровское сообщество почти у каждого вора, что, безусловно, способствовало формированию у него цинизма, жестокости, презрения к нравственным ценностям общества.

6. Шестое правило запрещало преступникам интересоваться вопросами политики, выступать в качестве потерпевших и свидетелей на следствии и в суде.

7. Самым «принципиальным», но существенным положением являлось обязательное умение члена сообщества играть в азартные игры, поскольку они помогают общению, способствуют установлению власти над другими заключенными, у которых воры выигрывают не только имущество, но и жизнь, создавая тем самым окружение смертников для выполнения особых поручений. Игры, в которых ставкой была жизнь, именовались «три звездочки» или «три косточки». Эта традиция сохранилась со времен царской сахалинской каторги.

Принадлежность к воровской группировке обозначалась татуировкой, изображавшей сердце, пронзенное кинжалом (впоследствии это стали масти тузов внутри креста). Татуировки были не только средством самоутверждения, но и выполняли коммуникативную роль, так как с их помощью рецидивисты распознавали друг друга. Причем другим преступникам под страхом смерти запрещалось носить знак «вора в законе».

В последнее время произошло заметное смягчение традиционных правил сообщества «воров в законе», упрощается процедура его формирования. При изучении личностей «воров в законе» оказалось, что некоторые из них не имели даже судимости. Такое грубое отступление от воровских традиций объясняется тем, что прием в сообщество нередко осуществляется за деньги. Подобные случаи вступления в сообщество «за взятку» стали распространенными и привели к разделению преступников на «новых» и «старых» («нэпмановских»). Новое поколение, в основном молодые, считает допустимым такой

прием в сообщество, поскольку пополняются общие денежные фонды («общаки»).

Современные «воры в законе» в отличие от предшественников, с одной стороны, стараются тщательно маскировать свой антиобщественный образ жизни под внешне законопослушный. Они в основном решают организационные вопросы, нередко такие, за которые в недавнем прошлом сходка приговаривала к смерти. В частности, «вор в законе» стремится устанавливать контакты с работниками правоохранительных органов и иных административных учреждений, он может отступать от любых неформальных правил, лишь бы это шло на пользу ему и воровскому сообществу.

Сегодня «вор в законе» чисто выбрит, одет по последней моде; его обслуживают «шестерки» и телохранители; в повседневном обиходе имеется несколько приватизированных квартир, дачи, престижная автомашина; в ближайшем окружении – опытные адвокаты, коррумпированные представители органов власти и правоохранительной системы.

Современные организованные преступные формирования характеризуются следующими **функциональными признаками**:

- высокий уровень организации и конспирации преступной деятельности, который достигается тем, что она осуществляется членами высокоорганизованного преступного сообщества с иерархической структурой, при которой функции исполнительские и общеорганизационные не совпадают;
- наличие коррумпированных связей в аппарате власти и управления, а также в правоохранительных органах;
- наличие «зонты безопасности» благодаря созданию соответствующих структур, обеспечивающих внешнюю и внутреннюю безопасность сообщества (группы вооруженной охраны, боевиков, группы разведки, контрразведки, система коррумпированных связей);
- политизация преступной деятельности, т. е. стремление членов преступных сообществ к власти или к установлению таких отношений с отдельными представителями органов власти и управления, которые позволяли бы влиять на местную финансово-хозяйственную и уголовную политику с целью расширения масштабов преступной деятельности и ухода от социального контроля;

- масштабный, межрегиональный или даже международный характер преступной деятельности. При этом сферы преступной деятельности выделяются либо по территориальному признаку, либо по отраслям экономико-хозяйственной и банковско-кредитной деятельности;

- огромный бюджет преступного сообщества;
- корыстно-насильственная направленность преступной деятельности и ее тесная связь с «теневой экономикой»;

- осуществление криминально-контрольных функций над легальной банковско-коммерческой деятельностью на определенной территории, а также над профессиональной преступной деятельностью (наркобизнес) и деятельностью нелегального характера (проституция, азартные игры и проч.).

К числу не основных функциональных признаков относят три:

- 1) «отмывание» (легализация) преступно приобретенного капитала через легальные формы коммерческой и банковско-кредитной деятельности для дальнейшего его легального использования в различных целях;

- 2) дерзко-насильственные способы осуществления преступной деятельности;

- 3) проникновение в средства массовой информации.

Главная же цель деятельности организованных преступных формирований – получение незаконной прибыли и сверхприбыли. Движущая сила такой деятельности – идея стяжательства. Преступное обогащение сочетается одновременно с претензиями лидеров организованных преступных формирований на получение властных полномочий в государственных, хозяйственных и иных органах.

В местах лишения свободы организованные преступные сообщества реализуют ряд специфических целей:

- совершение корыстных и корыстно-насильственных преступлений в отношении осужденных;

- организацию азартных игр «под интерес» с целью получения власти над проигравшими;

- получение легальных каналов общения со «свободой»;

- осуществление нелегальной переписки;

- организацию доставки «в зону» запрещенных предметов (наркотики, спиртное, оружие);

- склонение отдельных работников ИТУ к неслужебным отношениям;
- обеспечение льготных условий содержания лицам, входящим в организованные преступные группы;
- внедрение в структуры ИТУ с целью оказания влияния на действия администрации ИТУ в интересах преступного мира и др.

Структура организованных преступных образований, степень их организованности, численность, распределение ролей между их членами, тип управления бывают различными (простыми и сложными), но имеющими много общего (типового) в характере их структур.

Практически в каждом организованном преступном формировании, состоящем из нескольких десятков активных членов, можно выделить три уровня структурных звеньев: нижний уровень – исполнительные звенья (элементы); средний – организационно-контрольные звенья и группы безопасности; верхний – руководящие звенья (группы лидеров, элитарная группа). Исполнителями могут быть представители разных видов преступности, как экономической, так и общеуголовной (рядовые представители теневой экономики, мошенники в сфере бизнеса, расхитители государственного имущества, сотрудники различных коммерческих структур, вымогатели, квартирные и карманные воры, грабители, убийцы, дельцы от наркобизнеса и проч.). Над исполнительными звеньями возвышаются организационно-контрольные звенья и группы безопасности. Основными задачами первых являются: обеспечение реализации решений руководителей сообщества; контроль за деятельностью исполнителей по повышению ее результативности; осуществление всевозможных посреднических полномочий (посредники, связники, бригадиры и пр.); разрешение споров между отдельными членами организации и входящими в нее группировками; сохранение преступно добытых ценностей; организация материальной помощи членам преступного формирования, попавшим в места заключения, и их семьям. Члены этого звена (кроме бригадиров) обычно непосредственно не принимают участия в совершении конкретных преступлений. В группе обеспечения безопасности часть членов обеспечивают конспирацию деятельности в целом и отдельных участников преступ-

ной деятельности, остальные осуществляют разведывательную и контрразведывательную деятельность и функции подавления социального контроля. Отдельные члены этой группы могут непосредственно участвовать в некоторых преступных акциях. Лица второй категории обычно формально не являются членами преступной организации, но регулярно оказывают ей полезные услуги. К их числу относятся коррумпированные работники властных и управленческих органов (в том числе и правоохранительных), представители общественных организаций, юристы, журналисты, деятели литературы и искусства и проч. При этом представители второй группы могут даже не осознавать неправомерность своего поведения, действуя в защиту преступного сообщества, создавая условия, препятствующие раскрытию преступной деятельности, компрометируя отдельных представителей органов власти и управления. Они могут информировать преступников о готовящихся против них оперативных мероприятиях, способствуя тем самым нейтрализации или устранению в угоду этому сообществу работников правоохранительных органов.

На самом верху пирамиды преступного сообщества находятся его высшие эшелоны власти, состоящие из лидеров и приближенных к ним лиц (представители элитарной группы, советники и т. д.). Все они решают общие организационные вопросы, вырабатывают стратегию и тактику преступной деятельности, принимают меры по «отмыванию» и приумножению преступно добытого капитала путем его вложения в недвижимость, коммерческие предприятия, поддерживают связи с другими преступными сообществами, в том числе зарубежными. Представителям руководящего звена преступной организации свойственна авторитетность, основанная на преступном опыте, материальных средствах и личных качествах. Что касается личностных качеств, то современному лидеру организованного преступного сообщества присущи следующие черты: наличие опыта преступной деятельности; волевые качества; высокий уровень умственных способностей; физическая сила; умение держать слово; предприимчивость; коммуникабельность; решительность в действиях; быстрота ориентирования и способность принимать решения в сложных для преступного сообщества ситуациях; умение обеспечить конспиративность

подготавливаемых и совершаемых формированием преступлений; знание внутренних и внешних условий функционирования сообщества. Исследователи выделяют следующие типы лидеров преступных формирований: вдохновители, инициаторы, лидеры-организаторы.

Лидер-вдохновитель выполняет функции «криминального» советника, юридического консультанта, предостерегающего членов своей группы от опасных для ее существования шагов. Вместе с тем такой лидер зачастую является психологически сильной личностью, способной укрепить решительность своих подчиненных и т. д.

Лидер-инициатор – нестабильный, переходный лидер в организованном преступном сообществе. Довольно часто инициатива у него сочетается с организаторскими функциями. Обычно такой лидер становится реальным инициатором определенного направления организованной преступной деятельности сообщества.

Центральной фигурой организованного преступного формирования является лидер-организатор. В этом качестве выступает человек с последовательно-криминогенным типом личности, характеризующийся высокой степенью антиобщественной направленности, устойчивой криминальной установкой, который не ищет подходящей криминальной ситуации, а сам создает ее своими целенаправленными действиями.

Лидер выполняет ряд функций, основными из которых являются: планирование, подготовка, реализация, сокрытие преступной деятельности; интеллектуальное обеспечение взаимозависимого поведения членов организации; распределение ролей среди членов объединения; ведение переговоров с лидерами иных преступных организаций на территориях преступного базирования и преступного функционирования, демонстрация преступного опыта; создание конспирации, разведки, контрразведки внутри своей организации и сопряженных преступных формирований; изучение внешних и внутренних условий действия группы; организация контактов с коррупционерами из государственных структур, обеспечивающими прикрытие, информирование; обеспечение постоянной, целенаправленной и интенсивной нейтрализации деятельности правоохранительных органов; налаживание оптимальных кон-

тактов с таможенными службами для оперативного проникновения через границу на территории преступного функционирования и обеспечение оптимального возврата на территории преступного базирования; карательная деятельность в отношении неудобных лиц из среды организации и ее состава; насильственная деятельность в отношении лиц, не подчиняющихся преступным требованиям организации (физическое насилие, угрозы, взрывы, поджоги, огнестрельные акции); организация устрашающей преступной пропаганды, подавляющей противостояние потерпевших и свидетелей; стимулирование позитивной и блокирование негативной деятельности членов преступной организации; организация обратной связи для контроля за результативностью деятельности членов группы; формирование стабильных групп риска из «боевиков» и «громоотводов», насаждение агрессивных традиций; создание системы коммуникативных контактов с информаторами; организация контактов со структурами, обеспечивающими «отмывание» денег, легализацию доходов, инвестирование денежных средств в легальный бизнес; формирование базы материального технического снабжения: офис (при легальной форме существования), автомашины, оружие, боеприпасы, взрывные устройства, средства наблюдения и подслушивания; проведение антиправовой пропаганды (насаждение субкультурных преступных правил, традиций, кодексов, уставов; демонстрация субкультурных форм поощрения и наказания членов преступной группы; использование жаргона, татуировок, внешних символов и атрибутов, свидетельствующих о принадлежности, направленности, знаках отличия, достоинствах, достижениях (татуированные погоны, символы «масти» и т. д.).

Механизмы сплочения преступных групп. Основными факторами сплочения членов криминального сообщества являются единые принципы и образцы антиобщественного поведения, которые формировались преступным миром веками и стали его традициями и обычаями. Сплоченность формируется посредством актуализации общего чувства – чувства коллективности: стандартизация оценок, установок, способов, процедур, используемых членами группы в процессе выполнения определенных действий в определенных условиях (так называемые групповые нормы). С их помощью группа предпри-

сывает определенное поведение в целом и в конкретных ситуациях, в сложных, экстремальных случаях. Одновременно осуществляется и социальный контроль над членами группы. Группа, защищая свои интересы, обязывает своего члена придерживаться установленного стандарта поведения, в том числе и в нестандартных ситуациях.

На уровне мафиозного образования традиции и обычаи являются не просто жизненными правилами поведения ее членов. Из признаков общения и поведения в антиобщественной среде они превращаются в жесткие законы преступной деятельности и преступного поведения, образа жизни, несоблюдение которых влечет наложение соответствующих санкций (выкуп, побои, членовредительство, убийство) и основаны соответственно на физическом (вооруженном) насилии. Нормы и правила, как и авторитет главаря, пронизаны и подкреплены специфическими моральными «максимами», которые именуются достаточно привлекательно: «долг», «справедливость», «честность», «уважение старших», «смелость», но на деле имеют однобокий и извращенный смысл.

Объединяя преступников на основе общности образа жизни, преступная субкультура становится организующим началом в криминальной группе, которое ставит под контроль поступки и действия членов группы, создавая одновременно внутренние условия для усиления самоконтроля.

Криминальные традиции и обычаи состоят из трех элементов: **«регулятивные»** – «законы» и «правила», регулирующие взаимоотношения между преступниками в связи с ведением антиобщественного образа жизни и совершением преступлений, специфические ритуалы общения и поведения в преступной среде; **«атрибутивные»** – татуировки, жаргон, клички, мимика, жестикация, отражающие принадлежность той или иной личности к преступной деятельности; **«эмоциональные»** – песни, стихи, поговорки с «воровской» тематикой, отражающие эмоциональную сторону антиобщественного образа жизни и совершения преступлений (так называемый преступный фольклор).

Преступные традиции и обычаи выполняют ряд функций: они стимулируют противоправное поведение, способствуя тем самым прогрессированию преступности; сохраняют опре-

деленный порядок и воспроизводят его для новых поколений. Традиция предписывает, что именно необходимо закрепить и сохранить в целях воспроизводства, обычай – как закрепить и сохранить. Формулой обычая всегда выступает правило поведения – детальное предписание поступка в конкретной ситуации. Формулой традиции всегда является норма или принцип поведения.

Традиции и обычаи в преступном мире также выполняют «воспитательную» роль. Причем с наибольшим эффектом эту функцию выполняют специфические обряды и ритуалы, которые призваны воздействовать на эмоциональную сферу человека, вызывать определенные переживания и настроения, тем самым стимулировать формирование криминальной личности.

Всем своим содержанием криминальный «фольклор» направлен на формирование негативного, враждебного отношения к закону, представителям правоохранительных органов, на возвеличивание и приукрашивание преступного образа жизни, восхваление «подвигов», воспевание их «честности», «благородства», «широкой воровской души» и т. д. Нередко такая уголовная пропаганда достигает своей цели и если не толкает на преступный путь, то во всяком случае может вызвать у отдельных «сердобольных» людей чувство снисходительного, даже сочувственного отношения к преступникам.

Одной из функций преступных традиций и обычаев как элементов преемственности является передача новым поколениям криминального опыта предшественников. Базу преемственности составляет преступность несовершеннолетних и молодежи. Эта возрастная категория в силу присущих ей социально-психологических особенностей не только в большей степени восприимчива к воздействию преступных традиций и обычаев, но и в определенной мере сама способствует усилению их криминогенности.

Преступные традиции и обычаи выполняют функцию социального (криминального) контроля членов преступных групп и психологического воздействия в процессе целенаправленного вовлечения несовершеннолетних в криминальную деятельность.

Традиции и обычаи преступных группировок, потеряв на определенном этапе развития свою силу, не исчезли бес-

следно. Приспособившись к новым условиям, они приобрели теперь более жесткий, почти повсеместный характер.

Общими для современной уголовной среды традициями и обычаями являются: уклонение от общественно полезного труда, жизнь за счет совершения преступлений, систематическое изыскание возможностей для извлечения теневых доходов; повышение преступной квалификации; обеспечение маскировки преступного образа жизни и поведения, устранение факторов, затрудняющих его реализацию; соблюдение субординации согласно положению, занимаемому в преступной иерархии, беспрекословное подчинение лидеру уголовной среды; выполнение коллегиальных решений и требований, выработанных в уголовной среде; недопущение проникновения в свою среду лиц, подозреваемых в сотрудничестве с милицией, изобличение и наказание последних; оказание материальной и физической поддержки другим преступникам; вовлечение в преступную деятельность молодых правонарушителей, пропаганда преступных традиций и обычаев, уголовной «романтики»; ведение праздного образа жизни, неприятие норм общественной морали и поведения; участие в азартных и иных тюремных играх и ритуалах; знание и использование в речи жаргона, иных способов тайного общения; нанесение на тело символических воровских татуировок; подрыв авторитета работников милиции, прокуратуры, суда, администрации исправительно-трудовых учреждений, исключение контактов с представителями данных органов, направленных во вред уголовному миру, учинение всяческих препятствий их нормальной деятельности.

Усвоение преступных традиций и обычаев осуществляется в процессе общения в криминальной среде. Всякому общению, в том числе и в уголовной среде, предшествует процесс предварительного восприятия образцов поведения, их оценка. Осознание приемлемости данных образцов для удовлетворения личных потребностей вначале порождает у личности желание подражать им. Постепенно такое желание подражать перерастает в стремление.

Таким образом, подражание является важнейшим социально-психологическим механизмом усвоения личностью преступных традиций и обычаев, а с помощью последних – механизмом идентификации, сплочения личности с преступной группой.

Одновременно параллельно процессу подражания преступным традициям и обычаям идет процесс криминогенного заражения личности.

Специфическим способом сплочения преступной группы является ритуальность преступного поведения. Речь идет о наиболее ярких, «эмоциональных» и, как правило, весьма опасных преступлениях, поскольку смысл ритуала в том и состоит, что он втягивает участников в особый, необычайно насыщенный в психологическом отношении мир, в особую действительность существования. Способность ритуала к сплочению группы обеспечивается за счет его большого психологического воздействия. Истории известно немало случаев ритуального совершения преступлений, в особенности преступниками-профессионалами. В самом «сценарии» ритуальных преступлений проявляются элементы артистизма, игры, что создает эмоциональный настрой у его участников, возбуждает азарт, укрепляет групповую солидарность, порождает у членов группы «жажду» повторения аналогичных действий, формирует у них устойчивую потребность в совершении преступления, составляя основу криминальной мотивации. Лица, совершающие подобные преступления, представляют повышенную опасность, поскольку испытывают от преступления удовольствие.

Средствами идентификации лиц с преступной группой и соответственно ее сплочения являются такие традиционные атрибуты уголовной среды, как жаргон и татуировки. В преступной среде **жаргон** выступает как средство самоутверждения, адаптации и самовыражения преступников. В настоящее время он характеризуется уклоном в сторону специализации преступного поведения, что свидетельствует о росте криминального профессионализма. Свой жаргон сегодня имеют квартирные и карманные воров, мошенники, наркоманы, гомосексуалисты, проститутки, угонщики автотранспорта и др. Причем среди карманных воров и карточных мошенников (шулеров) большей частью сохранился жаргон, выработанный преступным миром еще в дореволюционный период. Современный жаргон в отличие от традиционного обладает большой притягательной силой, особенно для некоторой части молодых людей. В нем чаще встречаются слова и выражения, заимствованные из иностранных языков, хотя преступные «авторитеты» стара-

ются вести борьбу за очищение жаргона от «иностранщины». Использование преступниками жаргона является одним из показателей криминальной пораженности личности. То же самое относится и к характеристике татуировок. **Татуирование**, как отмечают специалисты, является своеобразным культом уголовной среды, а татуировка – яркой рекламой преступного образа жизни. Татуированный преступник не только подтверждает собственный криминальный опыт, но и пропагандирует его в антиобщественной микросреде и за ее пределами, рекламирует свою приверженность к преступным традициям и обычаям. Тематика большинства татуировок символически отражает образ жизни преступников, содержит элементы самооценки поведения, фиксирует в рисунках и надписях вкусы, взгляды, наклонности личности. Среди татуировок особое место занимают символы принадлежности преступников к определенной воровской «касте», приверженности к конкретной преступной деятельности, показатели отношения к закону, правоохранительным органам и т. д. Татуировки являются визуальными знаками криминальной активности, своеобразными визитными карточками преступников.

На разных этапах существования преступных групп в них взаимодействуют различные внутренние силы. На этапе создания – стремление к объединению, после раскрытия преступной группы, особенно организованного преступного формирования, – тенденция к ее (его) рассредоточению, «отсечению» обнаруженных правоохранительными органами звеньев, устранению конкретных людей.

Вместе с тем в каждой преступной организации действуют противоборствующие тенденции, силы. Первая сила способствует интеграции группы, сплочению ее членов, вторая же направлена на дезинтеграцию, разъединение, что проявляется в стремлении входящих в преступное сообщество групп к автономному существованию. Кроме названной центробежной тенденции, создающей конфликтную ситуацию в организованном преступном формировании, конфликты и противоречия возникают в нем из-за: борьбы за лидерство; борьбы за близость к руководителю группы; методов и способов преступной деятельности и принципов дележа награбленного; личных неприязненных отношений между людьми.

Исследователи классифицируют конфликты в организованных преступных группах следующим образом: а) не связанные с организованной преступной деятельностью; б) возникшие после раскрытия организованной преступной деятельности. Не связанные с организованной преступной деятельностью конфликты могут уходить своими корнями в криминальное прошлое некоторых членов преступного формирования, быть связанными с социальной и служебно-должностной их практикой, этническими, культурными, эмоционально-нравственными разногласиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонян, Ю. М. Криминология. Избранные лекции / Ю. М. Антонян. – М. : Логос, 2004. – 448 с.

Ахвердова, О. А. Криминальная психология: теоретические и методологические аспекты науки / О. А. Ахвердова [и др.]. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2009. – 239 с.

Бандурка, А. М. Юридическая психология: учебник / А. М. Бандурка [и др.]. – Харьков : Изд-во Нац. ун-та внутр. дел, 2002. – 596 с.

Бехтерев, В. М. Об экспериментальном психологическом исследовании преступников / В. М. Бехтерев // Обозрения психиатрии. – 1902. – № 8. – С. 40–44.

Васильев, В. Л. Юридическая психология / В. Л. Васильев. – СПб. : Питер Ком, 1998. – 656 с.

Гуров, А. И. Организованная преступность / А. И. Гуров. – М. : БЕК, 2001. – 154 с.

Дриль, Д. А. Преступность и преступники / Д. А. Дриль. – СПб. : Издание Я. Канторовича, 1895. – 300 с.

Еникеев, М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии : учеб. для вузов / М. И. Еникеев. – М. : Норма, 2005. – 640 с.

Зелинский, А. Ф. Криминальная психология: науч.-практ. издание / А. Ф. Зелинский. – Киев : Юринком Интер, 1999. – 240 с.

Лазурский, А. Ф. Классификация личностей / А. Ф. Лазурский. – М. ; Пг. : Юристь, 1923. – С. 85–193.

Пастушеня, А. Н. Криминальная психология: учеб.-метод. комплекс / А. Н. Пастушеня. – Минск : Минский ин-т управления, 2007. – 176 с.

Пастушеня, А. Н. Криминогенная сущность личности преступника. Методология познания и психологическая концепция / А. Н. Пастушеня. – Минск : Акад. МВД. 1998. – 207 с.

Пастушеня, А. Н. Юридическая психология : учеб. пособие / А. Н. Пастушеня, А. А. Урбанович. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2015. – 203 с.

Пирожков, В. Ф. Криминальная психология / В. Ф. Пирожков. – М. : Ось-89. 2001. – 704 с.

Познышев, С. В. Криминальная психология. Психологические типы / С. В. Познышев. – Л. : Наука, 1926. – 249 с.

Прикладная юридическая психология / под ред. А. М. Столяренко. – М. : Юнити. 2001. – 639 с.

Психология преступника и расследования преступлений / Ю. М. Антонян [и др.]. – М. : Норма, 1996. – 203 с.

Романов, В. В. Юридическая психология / В. В. Романов. – М. : Юрист, 2004. – 488 с.

Романова, Н. М. Криминальные группы и криминальная субкультура / Н. М. Романова // Психология и право. – 2013. – № 1. – С. 34–39.

Сахаров, А. Б. Личность преступника и типология преступника / А. Б. Сахаров // Соц. законность. – 1973. – № 3. – С. 19–24.

Фэрри, Э. Уголовная антропология и социализм / Э. Ферри // Проблемы преступности. – Харьков, 1924. – Сб. 2-й. – С. 31–32.

Чуфаровский, Ю. В. Юридическая психология: учеб. пособие / Ю. В. Чуфаровский. – М. : Право и закон, 1997. – 320 с.

Шиханцов, Г. Г. Юридическая психология : учеб. для вузов / Г. Г. Шиханцов. – М. : Зерцало, 1998. – 352 с.

Энциклопедия юридической психологии / под ред. А. М. Столяренко. – М. : Закон и право. 2003. – 607 с.

Юридическая психология : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / И. И. Аминов [и др.]. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 415 с.

Учебное издание

КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ХРЕСТОМАТИЯ

Пособие

С о с т а в и т е л и :

Фурманов Игорь Александрович

Метлицкий Игорь Евгеньевич

Ответственный за выпуск *Е. А. Логвинович*

Дизайн обложки *В. В. Мироновой*

Компьютерная верстка *В. В. Мироновой*

Корректор *Н. А. Ракуть*

Электронный ресурс 1,94 Мб

Белорусский государственный университет.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.